

ЭПО- ПЕЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИКЪ

№ 2
1922
СЕНТЯБРЬ

2

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ:

АНДРЕЯ
ГЛАГО
Б

ГЕЛИКОНЪ
МОСКВА-БЕРЛИНЪ

Эта книга отпечатана въ августѣ 1922 года
въ типографіи Sinaburg & Co., G. m. b. H.
для книгоиздательства „Геликонъ“
Обложка работы Л. Лисицкаго

Э П О П Е Я

литературный ежемѣсячникъ

подъ редакціей

АНДРЕЯ БѢЛАГО

№ 2

МОСКВА ★ БЕРЛИНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГЕЛИКОНЪ“

1 9 2 2

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОТРОКЪ

Геликону

1

Пустоты отроческихъ глазъ! Провалы
Въ лазурь! Какъ ни черны — лазурь!
Игралища для битвы небывалой,
Дарохранительницы бурь.

Зеркальные! Ни зыби въ нихъ, ни лона.
Вселенная въ нихъ править ходъ.
Лазурь! Лазурь! Пустынная до звону!
Книгохранилища пустотъ.

Провалы отроческихъ глазъ! — Пролеты!
Душъ раскаленныхъ — водопой.
— Оазисы! — Чтобъ всякъ хлебнулъ и отпилъ,
И захлебнулся пустотой.

Пью — не напьюсь. — Вздохъ — и огромный выдохъ,
И крови ропщущей подземный гулъ.
Такъ по ночамъ, тревожа сонъ Давидовъ,
Захлебывался Царь Сауль.

12-го августа 1921 г.

Огнепоклонникъ! Красная масть!
 Завороженный и ворожащій!
 Какъ годовалый — въ красную пасть
 Льва, въ пурпуровую кипь, въ чашу —

Око и бровь! Персть и ладонь!
 Въ самый огонь, въ самый огонь!

Огнепоклонникъ! Страшенъ твой богъ!
 Пляшетъ твой богъ, на смерть ударивъ!
 Думаешь — глазъ? Красный всполохъ —
 Око твое! — Перебѣгъ заревъ...

А пока живъ — прядай и сыпь
 Въ самую кипь! Въ самую кипь!

Огнепоклонникъ! Не опалюсь!
 По мановенью — горять, гаснуть!
 Огнепоклонникъ! Не поклонюсь!
 Въ черныхъ пустотахъ твоихъ красныхъ

Стройную мощь выкрутивъ въ жгутъ —
 Мой это бьетъ — красный лоскутъ!

14-го августа 1921 г.

Простоволосая Агарь — сижу,
Въ широкооую печаль — гляжу.

Въ печное зарево раскрывъ глаза,
Пустыни карія — твои глаза.

Забывши: вѣрую, купель, потирь —
Справа-нальво въ нихъ читаю Міръ!

Орлы и гады въ нихъ, и лунный годъ, —
Весь грустноглазый твой, чужой народъ.

Пески и зори въ нихъ, и плащъ Вождя...
Какъ ты въ огонь глядишь — я на тебя.

Пески не кончатся... Сынокъ, ударь!
Простой поденщицей была Агарь.

Босая, темная бреду, въ тряпѣ...
— И ужъ не помню я, что тамъ, въ котлѣ!

15-го августа 1921 г.

Виноградины тщетно въ садахъ ржавѣли,
 И наложница, тщетно прождавъ, уснула.
 — Палестинскія жилы! — Смолы тяжёлѣ
 Протекаетъ въ васъ древняя грусть Саула.

Пятидневною раною ротъ запекся.
 Тяжекъ ходъ твой, о кровь, приближаясь къ сроку.
 Такъ давно ужъ Саулу-Царю не пьется,
 Такъ давно уже землю пытается око.

Иерихонскія розы горять на скулахъ,
 И работаетъ грудь наподобіе горна.
 И влачатъ, и влачатъ зтотъ вздохъ Сауловъ
 Палестинскіе отроки съ кровью черной.

Москва, 17-го августа 1921 г.

Марина Цвѣтаева

МАРИНЪ ЦВѢТАЕВОЙ

Не исчислю я
Орбиты серебрянаго прискорбія,
Гдѣ праздномыслія
Остолбенѣлыя плоскогорія —
Взвисли.

Я
Среди нихъ
Тихо пою стихъ —
Въ недоказуемыя угодія
Вашихъ образовъ: —

Ваши молитвы —
Малиновыя мелодіи
И —
Непобѣдимые ритмы!

А н д р е й Б ѣ л ы й

ВЪ ГОРАХЪ

1

Взираю: въ сѣрые туманы;
Раздираю: рубище — я...
Оборвуть, какъ прахъ, — ураганы:
Разорвуть — въ горахъ: меня...

Сѣрый туманъ — размётанъ:
Упаль — тамъ — въ быломъ...
Воронъ, воронъ — вотъ онъ:
Вотъ онъ — бьётъ — крыломъ.

2

Я схватывалъ молча — молотъ;
Онъ взлеталъ — въ моихъ рукахъ...
Взмахъ — камень: расколотъ!
Взмахъ — толчея: прахъ!

Скрежетала — въ камень твердолобий:
Молотами выколачиваемая скрижаль,
Чтобы — разорвались его твердыя злобы
Въ зóлотомъ расколотую даль.

Камней кололись: осколки...
Отовсюду приподнялись —
О, сколькія — колкія ёлки —
Высвистомъ — порывистымъ — въ высь...

Взошелъ — мелколѣсіемъ еловымъ:
Красностволый, голый лѣсъ...
Я въ лиловое поднебесіе по гололобымъ —
Скаламъ: лѣзь!

Сѣрый туманъ — размѣтанъ:
Упалъ — тамъ — въ быломъ...
Воронъ, воронъ — вотъ онъ:
Вотъ онъ — бѣтъ крыломъ!

Смерти сѣрыя — туманы
Уволакивали меня,
И поддакивали ураганы;
И — обманывался: я!

3

Гора: дорога — въ горы,
О которыхъ пѣль — скальдъ...
Алтарный камень — который?
Все — голубой базальтъ, —

Откуда съ мрачнымъ мыкомъ
Бѣжалъ быкорогій богъ,
Бросивъ мѣсяць, — зыкомъ
Перегудѣвшій въ пустоты рогъ, —

Откуда — опрокинутыя твердыни
Оборваль: въ голубой проваль...
Откуда — подкинутыя ледыни
Занялись въ заревой коралль,

Откуда, года ураганомъ,
Поддакивалъ онъ, маня:
Смерти сѣрья, — туманомъ
Обволакивали меня.

Обмануты! Съ пламенныхъ скатовъ
Протянуты — въ ночь и въ дни —
Въ полосатыя злата закатовъ
Волосатыя руки мои.

4

Надъ утесами, подкинутыми въ хмури,
Поднимется взверченная брызнь;
И колёсами взверченной бури —
Снимется: низринутая жизнь.

Вспыхивай глазами молній, — тучи:
Водобоями — хладно хлынь,
Взвихривая лопасть — въ кучи
Провисающихъ въ пропасть твердынь.

Падай, мѣдная молнія, звономъ:
Людоѣдная, — стрѣлами кусай!
Жги мнѣ губы — озономъ!
Въ гулы пропастей — кромсай, —

Чтобы мнѣ, взѣрошенному свѣтомъ
И подброшенному винтомъ — въ свѣтъ
Прокричать, опаленнымъ свѣтомъ,
Перекошеннымъ ртомъ: „Свѣтъ!“ —

Чтобъ потухнувъ, подъ откосъ — съ вѣками
Рухнуть — свинцовымъ мертвецомъ —
До-черна сожженными руками
И — чернолиловымъ лицомъ,

Чтобы — мыча — тупо
Изъ пустотъ быкорогій богъ —
Могъ — въ грудь — трупа
Ткнуть — свой — рогъ.

Цоссенъ, май 1922 года.

А н д р е й Б ѣ л ы й

Къ * * *

Старымъ снамъ затерянъ сонникъ.
Все равно — сбылись, иль нѣтъ.
Ночью сядь на подоконникъ,
Погляди на тусклый свѣтъ.

Ничего, что такъ туманны
Небеса и времена:
Угадай-ка постоянный
Видъ изъ нашего окна.

Вспомни все, что такъ недавно
Веселило сердце намъ:
Невскій въ даль уходитъ плавно,
Небо клонится къ домамъ.

Смотрить сѣрый, вѣковѣчный
Куполь храма — въ куполь звѣздъ,
И на немъ — шестиконечный,
Намъ сейчасъ незримый крестъ.

Владиславъ Ходасевичъ

ИСКУШЕНИЕ

„Довольно! Красоты не надо!
Не стоит пѣсенъ подлый міръ!
Померкни, Тассова лампада!
Забудься, другъ вѣковъ, Омиръ!

„И Революціи не надо!
Ея разсѣянная рать
Одной вѣнчается наградой,
Одной свободой — торговать.

„Вотще на площади пророчить
Гармоніи голодный сынъ:
Благихъ вѣстей его не хочетъ
Благополучный гражданинъ.

„Самодовольный и счастливый,
Подъ грудой выцвѣтшихъ знаменъ,
Коросту хамства и наживы
Себѣ начесываетъ онъ:

„— Прочь, не мѣшай мнѣ, я торгую!
— Но не буржуй, но не кулакъ, —
— Я прячу выручку дневную
— Свободы въ огненный колпакъ.

„Душа! Тебѣ до боли тѣсно
Здѣсь, въ опозоренной груди.
Ищи-жь отрады поднебесной,
А внизъ, на землю, не гляди!“

Такъ искушаетъ сердце злое
Психеи чистыя мечты.
Психея же въ отвѣтъ: Земное!
Что о небесномъ знаешь ты?

Владиславъ Ходасевичъ

БАЛЛАДА

Сижу, освѣщаемый сверху,
Я въ комнатѣ круглой моей.
Смотрю въ штукатурное небо
На солнце въ шестнадцать свѣчей.

Кругомъ — освѣщенные тоже —
И стулья, и столъ, и кровать.
Сижу — и въ смущеньи не знаю,
Куда бы мнѣ руки дѣвать.

Морозныя бѣлыя пальмы
На стеклахъ беззвучно цвѣтуть.
Часы съ металлическимъ шумомъ
Въ жилетномъ карманѣ идутъ.

О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мнѣ повѣдать, какъ жалко
Себя и всѣхъ этихъ вещей?

И я начинаю качаться,
Колѣни обнявши свои,
И вдругъ начинаю стихами
Съ собой говорить въ забыти.

Безсвязныя, страстныя рѣчи!
Нельзя въ нихъ понять ничего,
Но звуки правдивѣе смысла,
И слово сильнѣе всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается въ пѣнье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзаетъ меня лезвіе.

Я самъ надъ собой вырастаю,
Надъ мертвымъ встаю бытіемъ,
Стопами въ подземное пламя,
Въ текуція звѣзды — челомъ.

И вижу большими глазами —
Глазами, быть можетъ, змѣи —
Какъ пѣнію дикому внемлютъ
Несчастныя вещи мои.

И въ плавный, вращательный танецъ
Вся комната мѣрно идетъ,
И кто-то тяжелую лиру
Мнѣ въ руки сквозь вѣтеръ даетъ.

И нѣтъ штукатурнаго неба
И солнца въ шестнадцать свѣчей:
На гладкія, черныя скалы
Стопы опираетъ — Орфей.

Владиславъ Ходасевичъ

ВЕРЕЙКА

въ родѣ стиховъ

АЛЕКСЪЯ РЕМИЗОВА

ЗАПЛЕЧНЫЙ МАСТЕРЪ

на Петра было и Февронію,
чудотворцевъ муромскихъ,
на другой день Купалы,
запылалъ пожаръ въ Ярославль.

началось запаленье
съ питейнаго дома —
въ вѣдерной да чарошной продажи.

погибло въ огнѣ много божьихъ
церквей,
честныхъ монастырей,
бѣлостѣнныхъ купеческихъ
домовъ,
гостиный дворъ
и всѣ лавки съ товарами.

а какъ нѣтъ худа безъ добра —
погорѣли остроги и канцеляріи
съ дѣлами и кляузой,

да сгорѣли и кнуты съ клеймами,
штемпеля колодниціе,
щипцы, чѣмъ ноздри рвутъ —

снасти
подлежащіе
ко учиненію
колодникамъ
экзекуціи

посылали въ Романовъ, въ Пошехонье
и Кинешму
— у самихъ нѣтъ —

сидятъ поддозорцы
въ тюремной избѣ,
утеклецы изловленные:

не биты,
не сѣчены,
не клейменные.

нѣту и заплечнаго мастера

не пожелаетъ ли кто
изъ вольныхъ людей
въ заплечные мастера:

быть въ штатѣ
при ярославской
провинціальной
канцеляріи?

растосковался заштатный
мастеръ
Григорій Кузминъ:

кабы мнѣ, заплечнику,
лѣтъ десятокъ съ плечъ,
я пошелъ бы охотою,
день-деньской пьянъ,
веселилъ бы мастерское
сердце унылое.
зазвонятъ у Николы Мокраго
я надѣну красную рубаху,
рукавицу цвѣтную на руку.
возьму плеть воловьихъ жилъ.
два подмастерья за мной пойдутъ
съ веревкой
и ремнями сыромятными.
на черный помостъ взойду,
стану у чернаго столба
съ желѣзнымъ вольцомъ:

берегись,
ожгу!

засвиститъ мой кнутъ —

подъ кнутъ
деньги
сыпятся.

брызжетъ кровь изъ спины —
а не дрогнетъ рука.
и вонзаются клейма,
какъ кошка:
в о р ъ

а теперь —
худо видѣть сталь,
ослабъ,
рука
дрожить —

зазвонятъ у Николы Мокраго —
въ кафтанишкѣ смуромъ,
мятая шапка,
озираясь,
побреду,
какъ воръ,

на площадь,
стану въ церкви къ сторонкѣ —

Господи,
чудотворцы муромскіе,

песь замуренный,
черти
осѣтили.

Господи!

прислала Москва
розыскная экспедиція

тридцать кнутовъ
да щипцы
со штемпелемъ.

а вслѣдъ и самъ мастеръ
пожаловаль:

Хлѣбосоловъ
Никита
Ивановичъ.

1768-1919

есть море каменное.
 на каменномъ морѣ столпъ.
 на столпѣ стоитъ каменный мужъ:
 высота его — отъ земли до небесь,
 широта его — отъ востока до запада.
 каменный зяблетъ заповѣдь,
 каменный воюетъ каменнымъ посохомъ.

и всякому желѣзу и окладу,
 синему и красному булату,
 стрѣламъ простымъ и желѣзнымъ,
 пулямъ свинцовымъ и оловяннымъ,
 серебрянымъ, мѣднымъ и каменнымъ,
 и пушечнымъ ядрамъ желѣзнымъ,
 и проволоки мѣдной —
 ни саблюю сѣчною,
 ни ножомъ разить,
 ни копьемъ колоть, —
 не рушить меня.

какъ воротятъ сковордными ушами сковороду,
 такъ бы воротилось отъ меня желѣзо
 въ свою мать-землю,
 а дерево въ лѣсъ,
 а перья въ птицу,
 а птица въ небо,
 а клей въ свою мать рыбу,
 а рыба въ море.
 и было-бъ платье мое крѣпче шамина,
 а булатнѣй ковчега.

★

небо — ключъ,
земля — замокъ.

★

идеть Адамъ дорогой,
несеть въ рукахъ колоду.
порохъ — грязь.
пуля — прахъ.
онъ меня не убьетъ.
отъ меня не уйти.

★

небо — ключъ.
земля — замокъ.

★

на морѣ островъ,
на островѣ гробница.
на гробницѣ бѣлая голубь.
бѣлая шьетъ, зашиваетъ
шемахинскимъ шелкомъ
кровавыя раны.

летитъ черный воронъ — —

ты, воронъ, не каркай,
а ты, кровь не капай
ни отъ буйной пули,
ни отъ стрѣлы летячей!

море котлянѣтъ,
кровь не канетъ.
бѣлая голубь

★

бѣлая — голубь.

★

взойдетъ съ ночи туча.
молнія сверкаетъ.
громъ и дождь.
дождемъ-водою нальетъ твое ружье,
напоить порохъ.

ты не стрѣлецъ — ты чернецъ.
не ружье — кочерга.
не порохъ — сѣнная труха,
забитая палкой.

★

столпъ мѣдянь.
желѣзна веря.

★

въ чистомъ полѣ тридцать
и три рѣки — — —
двѣ рѣки — —
едина рѣка —
черна Смородина.

по рѣкѣ бѣжить легкая лодка.
въ лодкѣ старъ человекъ,
въ рукахъ длинная вострая сабля,

везеть наго-сине-мертвое тѣло.
и сѣчетъ и рубить
сине-наго-мертвое тѣло.
а съ того синя-нага-мертваго тѣла
кровь не течетъ и не канетъ.

такъ и у меня изъ кровавой раны
кровь не течетъ и не канетъ.

★

столпъ мѣдянъ,
желѣзна веря.

★

блохи, клопы, тараканы,
всякая тварь,
вотъ иду я къ вамъ гость:
мое тѣло, какъ кость,
моя кровь, какъ смола,
ѣшьте мохъ, не меня!

★

такъ тынъ.
надъ аминями аминь.
аминь.

★

есть озеро желѣзное.
есть царь желѣзный.
желѣзный защищаетъ отъ желѣза,
отъ сабли и копья,

отъ мѣди и топора,
отъ рогатины и ножа.

поведи стрѣлы прочь отъ меня
въ дерево, въ желѣзо,
клей — въ рыбу,
рыба — въ море,
перья — въ птицу,
птица — въ небо.
полети желѣзо,
рогатина, копье и сабля,
кинжалъ, топоръ, дубина —
прочь! прочь! прочь!

легко вьется хмелевое перо коло тычины,
такъ легко падало-бъ около меня желѣзо,
будь роса на желѣзо!

★

солнце одесную.
мѣсяць ошую.
звѣзда надъ головой.

★

на каменныхъ горахъ стою я:
становлюсь въ котелъ желѣзный,
покрываюсь желѣзной шляпой,
отыкаюсь желѣзнымъ тыномъ,
замыкаюсь желѣзными замками.

на каменныхъ горахъ стою я:

стой, стрѣла, не ходи до меня,
не ходи, стрѣла,
черезъ Богородицу.
стой, стрѣла, не ходи до меня,
не ходи, стрѣла,
черезъ Милосердіе.
стой, стрѣла, не ходи до меня,
не ходи стрѣла,
черезъ Терновъ Вѣнецъ.

пойдетъ стрѣла-желѣзица
въ желѣзо сѣкучее,
изъ столпа — въ дубъ,
изъ дуба — въ листь,
а листь — за море.

въ морѣ камень.
кругъ камня тридцать
замковъ желѣзныхъ.
какъ крѣпка кора на камнѣ,
такъ крѣпко мое тѣло

★

изъ ключа въ ключъ.
изъ замка въ замокъ.

★

языкъ — провѣтчикъ.
зубы — межа.
глаза — вода.
лобъ — боръ.
веди меня на дворъ,
бери клюку,
мели муку,

пеки хлѣбъ,
корми меня,
будь отнынѣ и до вѣка моя.

спущу три тоски,
три сухоты,
три жальбы.
и буду милѣе хлѣба,
милѣе солнца,
милѣе мѣсяца.

★

мало молодо.
мало молодо.

★

есть въ чистомъ полѣ три дуба.
три дуба — вершинами свились.
такъ вились бы около меня
князья и вельможи,
и весь народъ Божій
въ день и въ полдень,
въ ночь и въ полночь,
въ часъ и въ полчасъ,
на молоду, на ветха, на перекроѣ
и въ меженные дни
при теплыхъ облакахъ,
и въ исхожую пятницу.
и возрадовались бы мнѣ
и радовались,
какъ солнцу,
какъ звѣздамъ,
какъ Свѣтлому Воскресенію.

★
зубы мои волчьи.
ихъ — овечьи.

★

пресвятая Богородица!
укрой своею ризою
отъ неба до земли,
и моего коня.

пресвятая Богородица!
учини порохъ водой,
а пулю вѣтромъ.

пресвятая Богородица!
ангела хранителя
съ небеси мнѣ дай.
сохрани,
просвѣти
и направи.

★
вода тиха
звѣзда чиста

★
ангелу мой,
сохранителю мой,
сохрани мою душу,
скрѣпи мое сердце

★
вода тиха.
звѣзда чиста.
аминь.

1917 г.

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ БЛАЖЕННАГО НИФОНТА

ИЗЪ РУКОПИСНОЙ КНИГИ КНЯЗЯ ТУРЕНЕВА

На седьмомъ десяткѣ жизни случилась со мной великая бѣда: руки, ноги опухли, образъ Божій — лицо сдѣлалось безобразное, какъ бабы говорятъ, — рѣшетомъ не покроешь. Одолѣли мысли, взялъ страхъ, — волосы поднялись дыбомъ. Ночью слѣзь я съ лежанки, палъ подъ образа и положилъ зарокъ — потрудиться, чѣмъ Богъ меня вразумить.

Какъ вешнимъ водамъ сойти,—послалъ я нарочнаго въ Москву, къ знакомцу, къ дяку Щелкалову, съ подарками: — шесть гусей копченыхъ, полъ боченка меду, да деньгами — алтынъ и четыре деньги, чтобы выдалъ мнѣ изъ дворцовой кладовой тетрадь въ сто листовъ бумаги доброй, и чернилъ — чѣмъ писать.

И, вотъ, нынѣ, во исполненіе зарока, припоминаю все, что видѣли грѣшныя мои глаза въ прошедшіе, лютыя годы. Изъ припомненнаго выбираю достойное удивленія: — неисповѣдимъ путь человѣческой! А, какъ сталъ припоминать, вначалѣ-то, — Господи Боже! плюнулъ, положилъ тетрадь за образъ Заступницы: — дрянъ люди, хуже звѣря лѣснаго. Злодѣйству ихъ нѣтъ сытости. Тьфу!.. Но, отойдя и поразмысливъ, положилъ я, все же, начать трудъ грѣшный, и начинаю неторопливымъ разговоромъ о необыкновенномъ житіи блаженнаго Нифонта. Его еще по сію пору помнятъ въ нашемъ краю.

. . . . .

Въ міру Нифонта звали Наумомъ. Отець его, Иванъ Афанасьевичъ, уроженецъ села Поливанова, при церкви былъ въ попахъ, и въ давнихъ лѣтахъ умеръ. Наума взялъ къ себѣ матернинъ дядя его, дьяконъ Гремячевъ, у дьякона Наумъ научился грамотѣ и читалъ псалтырь, и былъ въ дьячкахъ, и черезъ небольшое время посвященъ въ городѣ Коломнѣ, при церкви Николая Чудотворца, въ попы. Тамъ-то я его и увидѣлъ въ первый разъ.

Стоялъ у насъ въ Коломнѣ нашъ, князей Туреневыхъ, осадный дворъ, куда бѣжали мы изъ деревень и садились въ осаду, когда съ Дикаго Поля шелъ Крымскій Ханъ съ большими людьми. А дороги Хану не было другой, какъ между Донцомъ и Ворсклой, — либо на Серпуховъ, либо на Коломну. Здѣсь по берегу Оки сторожи стояли, а въ городахъ — береговые полки. Ока такъ и звалась тогда — Непрелазной Стѣной.

Старики говорили, — великъ при царѣ Иванѣ былъ городъ Коломна, а я его помню, — ужъ запустѣлъ: въ послѣдній разъ Крымскій Ханъ перелѣзалъ Оку черезъ Быстрый Бродъ, — съ тѣхъ поръ лѣтъ двадцать о крымцахъ не было слышно, и стали вольные людишки разбѣгаться изъ города, — кто на промыслы, кто въ Москву, кто въ степь — воровать. Остались въ Коломнѣ церковные да монастырскіе служители, да на осадныхъ дворахъ — дворники, да на посадѣ среди пуста, — закованныхъ лавокъ, бурьяна на огородахъ, — жило стрѣльцовъ съ полъ сотни, сторожа «гуляй-города», да казенные ямщики.

Въ пустомъ городѣ — скука. Одрѣ галки да голуби ворошатся на гнилой кровлѣ, на деревянной, городской стѣнѣ.

Быль въ тѣ времена великій голодъ по всей землѣ. Три лѣта земля не родила. Скотъ весь съѣли. Пашню не пахали и не сѣяли. Бродили люди по лѣсамъ, по дорогамъ: — кто въ Сибирь тянулъ, кто на сѣверъ, гдѣ рыбы много, кто бѣжалъ за рубежъ на Литовскія, на днѣпровскія украины. Въ Москвѣ царь Борисъ даромъ раздавалъ хлѣбъ, и такое множество народа брело въ Москву, — дикіе звѣри бѣлымъ днемъ драли на дорогахъ отсталыхъ, тѣхъ, кто съ голоду ложился.

Разбойниковъ завелось больше, чѣмъ жителей. Сельскій домъ нашъ сожгли бродячіе люди, и мы съ матушкой отъ великаго страха жили въ Коломнѣ за стѣной.

Помню, мы съ матушкой сидимъ на дворѣ, на крыльцѣ, на солнцепекѣ. Около стоитъ, толстая, какъ бочка, вдовая попадья, босая, въ лисьей, въ рваной шубѣ, и говоритъ:

«Наступаетъ конченіе вѣку, матушка княгиня: иду я сейчасъ черезъ мостъ, а на мосту безмѣстные попы сидятъ, восемь поповъ, и всѣ они драные, нечесанные, и бранятся матерно, а иные борются и на кулачки дерутся. Я ихъ страмить. А одинъ мнѣ попъ, Наумъ, нашего приходу, говоритъ, — царь Борисъ, слышь, дьяволу душу продалъ, знается съ колдунами, и службы не стоитъ, и быть намъ подъ Борисомъ нельзя, — мы всѣ попы уйдемъ, въ Дикую Степь къ казакамъ, къ атаману Ворону-Носу. Вы еще насъ попомните».

Матушка испугалась, увела меня въ свѣтлицу. А вечеромъ попъ Наумъ подошелъ къ нашимъ воротамъ и сталъ бить въ нихъ рукой, покуда его не впустили.

Наумъ сѣлъ на лавку въ избѣ, гдѣ мы ужинали, самъ — худой, борода спутанная, глаза — бѣловатые, дикіе, изъ подрясника полъ бока выдрано, — тѣло видно. И сталъ онъ говорить дерзко:

«Теперь по ночамъ звѣзда съ хвостомъ всходитъ. Въ Серпуховѣ на торгу всѣ слышали, — скачутъ кони, а ни коней, ни верховыхъ не видно, однѣ подковы видны, да пыль. Я теперь попъ безмѣстный, протопопъ мнѣ по шеѣ далъ, — Николай Чудотворецъ, говоритъ, и безъ тебя обойдется. Дайте мнѣ нагольный полушубокъ да шапку баранью, — я уйду въ степь — воровать. А не дадите — мнѣ шапку да полушубокъ — наложу на васъ епитемью, — я еще не разстриженный, или еще чего нибудь сдѣлаю. Все равно теперь пропадать. Мы русскіе люди всѣ проклятые. У насъ дна нѣтъ».

Сейчасъ же дали ему полушубокъ и шапку и пироговъ на дорогу. Наумъ всѣхъ насъ благословилъ: — «въ остатный, говоритъ, разъ». Глаза кулакомъ вытеръ крѣпко и ушелъ — бухнулъ дверью. И слышимъ — засвистѣлъ въ темнотѣ, на улицѣ, и изъ слободы ему безмѣстные попы откликнулись. Матушка заплакала, — такъ стало намъ всѣмъ страшно.

Прошло съ тѣхъ поръ болѣе году. Голодъ, слава Богу, кончился, но въ народѣ покою не было. Въ Коломнѣ, бывало, соберется торгъ на площади у пустого гостиннаго двора, — и пойдутъ разговоры: ни кому не до торга. Собьются въ кругъ и слушаютъ рассказы про то, какъ знающія бабы вынимаютъ человѣческой слѣдъ, и слѣдъ тотъ сушатъ въ печи, и толкутъ, и бросаютъ на вѣтеръ, и про то, какъ вышли изъ Волини колдуны, разбрелись по русской землѣ, — напускаютъ порчи, засушье, гнилой вѣтеръ, наводятъ марево на хлѣба, а выйти тѣмъ колдунамъ велѣлъ польскій король, и про то, какъ по деревнямъ шатаются лихіе люди, — скоморохи и домрачеи, — бренчатъ, скачутъ, крутятся, на дудкахъ дудятъ, а придутъ на деревню — раскинутъ рогожную палатку, поставятъ въ ней

«Египетскія Врата», и заманивають народъ глядѣть: пятерыхъ за копѣйку. Ну, какъ не пойти, не поглядѣть. А посмотришь въ «Египетскія Врата», — засосеть, затянетъ, — закружится голова, и летитъ человѣкъ черезъ тѣ врата въ мѣсто безъ дна, въ пропасть, гдѣ ни земли, ни солнца, ни звѣздъ, — бездна. Такъ все село и выведутъ лихіе люди.

Московскіе наѣзжіе купчишки кричали на торгу воровскіе слова про царя Бориса. На Петровъ день стольникъ Мясевъ, нашъ воевода, велѣлъ одного купчишку схватить, и его схватили, и били на площади кнутомъ и полъ языка ему рѣзали. Рухлядишку его, что была на возу, велѣно всѣмъ народомъ грабить, а самого выбили изъ города.

Но народъ не унимался. И вотъ, пошли слухи про царевича Дмитрія, что не зарѣзанъ онъ въ Угличѣ, а скрытъ былъ князьями Черкасскими и увезенъ въ Литву, и нынѣ, войдя въ возрастъ, собираетъ войско въ Самборѣ, — итти воевать отцовъ престолъ и опоганенную православную вѣру.

Помню — великимъ постомъ вышелъ я за ворота послушать, какъ звонятъ у Николая Чудотворца, — звонили хорошо, унывно. Денекъ, — тоже помню, — былъ сѣрый. За рѣкой галки летали: поднимались подъ небо, и тучей падали внизъ, на черныя избы, — птицъ этихъ было видимо-невидимо. Думаю, — «къ чему бы столько птицъ надъ слободой?»

Въ это время проходитъ мимо нашего двора странный человѣкъ, въ сермягѣ, въ лохмотьяхъ, а самъ — гладкій, румяный. Идетъ, руками болтаетъ, — прямо къ площади, гдѣ толчется народъ на навозѣ у воевъ. Остановился этотъ человѣкъ, засмѣялся, и сталъ указывать на птицъ: — Глядите, — кричитъ, — воронья то, воронья... Не простыя птицы, — во-

роны... Народъ православный! — шапку съ себя, войлочный колпакъ, содраль, — народъ православный!.. Кто въ Бога вѣруеть читайте истиннаго царя нашего грамоту...

Кинулся этотъ челоуѣкъ къ столбу, у котораго у насъ на торгу воровъ казнили, и на гвоздь нацѣпилъ грамоту — въ полъ полотенца, внизу на ней печать, и другая печать — на шнурѣ. Народъ побросалъ воза, лотки, зашумѣлъ, сбился кучей къ столбу, и дьячекъ Константиновъ сталъ читать...

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Не погибъ я воровскимъ промысломъ злодѣя Годунова, ангель Божій отвелъ руку убійцы, зарѣзали иного отрока, не меня. Нынѣ я собралъ несчетные полки... Послѣ Петрова дня выйду изъ Поляковъ на русскую землю воевать отцовъ престоль... А вамъ, всѣмъ православнымъ, крѣпко стоять за истинную вѣру, и за Бориса не стоять, а кто захочетъ — бѣгите къ казакамъ на Донъ». Тутъ всѣ сразу увидали, что прелестная грамота была отъ царевича Димитрія. Въ народѣ закричали: — «Постоимъ, не выдадимъ!» — За кого постоймъ сами хорошо не знаютъ, и шапки кверху начали кидать.

Въ то же время прїѣзжаетъ на площадь воевода, стольникъ Мясевъ. Стегнулъ плетью по жеребцу, прелестную грамоту со столба рукой сорвалъ, и велитъ стрѣльцамъ народъ разгонять. Началась великая тѣснота. Стрѣльцы ударили на крикуновъ, стали рвать одежду, а народъ знай лѣзетъ къ воеводиному коню. «Говори, — кричатъ, — правду: кто истинный царь, — Годуновъ, или Дмитрій?.. Животы хотимъ положить за истиннаго царя».

Дьяка, Грязнаго, стащили за ногу съ верха и били безвинно топтунками, и волокли по навозу, — хотѣли

топить въ полыньѣ подъ мостомъ. Воевода воровства не унялъ, — ни съ чѣмъ уѣхалъ на свой дворъ, велѣлъ затворить ворота.

Такъ шумѣлъ народъ на торгу до сумерекъ. А ночью занялась слобода, загорѣлось сразу съ двухъ концовъ. Забилъ набать. Говорили потомъ, — колокола сами звонили на колокольняхъ.

Весь городъ проснулся, вышелъ на стѣны. Видѣли, — снѣгъ былъ красный, какъ кровь. Птицы-вороны тучей поднялись надъ пожарищемъ, надъ великимъ огнемъ. И еще видѣли въ небѣ, надъ дымомъ, надъ тучей птицъ простоволосую женщину, волосы у нея были — дыбомъ, а на рукѣ держала она мертвого младенца.

Въ ту же ночь стрѣльцы разбили воеводины ворота, и бѣгали по двору, ругались матерно, искали воеводу убить, и, не найдя, сорвали замокъ въ подклѣти, выкатили бочку вина, и пили сами и поили земскихъ людей: — много ихъ въ ту ночь пришло въ Коломну изъ деревень.

Всему этому воровству былъ зачинщикъ и голова пришлый челоуѣкъ, подкинувшій на торгу прелестную грамоту. На другой день коломенскіе спохватились, что этотъ челоуѣкъ былъ всѣмъ вѣдомый, — Наумъ, безмѣстный попъ. А его и слѣдъ простылъ, ушелъ и увелъ съ собой холостыхъ стрѣльцовъ, пропойнаго дьячка Константинова и не мало слободскихъ ребятъ. Ушли они на телѣгахъ, взяли съ собой нарядъ, — единорогъ и двухъ-фунтовую пушку, пушечнаго зелья и рухлядишки, что успѣли награть.

Еще минуло болѣе году. Всѣхъ бѣдъ и не запомнишь. Царь Борисъ умеръ: — сѣлъ ужинать и лопнула у него утроба, изо рта потекла грязь. Воевода Басмановъ со всѣмъ войскомъ передался на сторону ца-

ревича Димитрія. Въ Москвѣ на Болотѣ царевичевы тайные послы, Плещеевъ и Пушкинъ, читали передъ народомъ грамоту, — сулили великія милости. Народъ взялъ тѣхъ пословъ, увелъ на Красную площадь, и тамъ они читали грамоту во второй разъ, и бояринъ-князь Василій Ивановичъ Шуйскій кричалъ съ Лобнаго мѣста, что убить въ Угличѣ поповскій сынъ. Народъ закричалъ: — «Сыты мы Годуновыми!» — Ударили въ набатъ. Кинулись въ Кремль, побили кольями стрѣльцовъ у Краснаго крыльца, ворвались въ Палаты, схватили царя Федора съ царицей и поволокли черезъ крыльца и переходы въ старый годуновскій домъ. Скинули царя. Была ночь.

Всю ночь горѣли костры въ Кремлѣ и на Красной площади. Грабили лавки на Варваркѣ, и на Ильинкѣ, на Моросейкѣ. На плавучемъ мосту черезъ Москва-рѣку, зарѣзали двоихъ, кинули въ воду. Изъ боярскихъ дворовъ, изъ-за воротъ, стрѣляли изъ пищалей. Много было разбито кабаковъ, выпито вина. И такіе послѣдніе людишки скакали межъ кострами, трясли отрепьями, скалили зубы, — московскій народъ только крестился, плевался, дивился много, — ну и нечисть!

На другой день пріѣхали отъ царевича князя Голицынъ и Масальскій съ товарищами, и убили они царя Федора и царицу мать, и народъ выкрикнулъ царемъ Димитрія.

Мы съ матушкой тогда все еще жили въ Коломнѣ. Пріѣзжіе изъ Москвы говорили, будто въ Москвѣ — смутно, и въ народѣ — шатость: сулили большія милости, а до сихъ поръ милостей не видать. Царь Димитрій своихъ людей сторонится, и знаетса больше съ поляками. Въ мыльню не ходитъ каждый день, а въ храмъ входитъ рысью, обѣдню стоитъ не бережно. Ноги у него короткія, правая рука короче лѣвой руки,

а носъ длинный, и на немъ большая бородавка, волосы носить торчкомъ, бороду недавно только запустилъ, да и та у него растеть скудно. Въ самое Крещенье, на Москва-рѣкѣ, на льду построили потѣшную крѣпость и посадили туда стрѣльцовъ. У той башни сдѣлана морда съ пастью и съ клыками и выкрашена красками. Башню стали пихать съ тылу, она пошла, изю пасти палили изъ пушки и изъ пищалей. А когда докатили ее до ледяной крѣпости, — царь Димитрій выскочилъ изъ башни и полѣзъ на крѣпостную стѣну.

Народъ московскій глядѣлъ на эту потѣху съ обоихъ береговъ, и на многихъ въ тотъ день нашло сомнѣнiе: — кого царемъ посадили? Не Гришка ли то Отрепьевъ, бѣглый холопъ князей Ромодановскихъ, глумится надъ Русской землей?

Въ маѣ мѣсяцѣ матушка моя собралась ѣхать въ Москву. Ее надоумили протопопъ отъ Николая Чудотворца и вдовая попадья — бить Государю челомъ на деревнишкѣ, — просить землишки, черныхъ людшекъ и животовъ, и просить — сколько дастъ.

Собрали мы десять подводъ — птицы, солонины, засоловъ, капусты квашенной, пироговъ, полотна бѣленаго. Мая, двѣнадцатаго числа, отстояли молебень и тронулись. Матушка всю дорогу плакала, молилась, чтобы намъ живыми доѣхать.

Вѣехали мы въ Москву въ обѣдъ, четырнадцатаго мая, и стали въ слободѣ на Никольскомъ подворьи, у Арбатскихъ воротъ. Пообѣдали. Матушка легла почивать, а я вышелъ на дворъ, гдѣ стояли воза. Сѣлъ на крылечко и гляжу. Выѣзжаютъ на дворъ три казака, переднiй, — смотрю, — Наумъ, я сразу его узналъ, въ черномъ, добромъ кафтанѣ, о саблѣ, и самъ красный, злой, пьяный — едва сидитъ въ сѣдлѣ.

— Эй, дьяволь, — кричитъ Наумъ, — хозяинъ, пива!.. Зарублю, мать твою въ душу!

Баулинъ, коломенскаго кожевника Афанасія кумъ, нашего подворья хозяинъ, гладкій, лысый посадскій, вышелъ на крыльцо, — улыбается: — Можно казачки, — отвѣчаетъ, — можно любезные, пиво у меня студеное, сытное, кому и пить, какъ не вамъ.

И сейчасъ же рябая дѣвка съ бѣльмомъ выбѣгла со жбаномъ пива, поднесла Науму. Онъ сдвинулъ шапку, испилъ изъ жбана, отдулся и слѣзь съ коня, — сѣлъ на бревнышко у крыльца.

— Изъ димитріевыхъ, али за истиннаго царя? — спросилъ онъ у хозяина со злобой.

Баулинъ усмѣхается, поглаживаетъ бороду:

— Мы люди посадскіе, — отвѣчаетъ, — мы, какъ міръ. Тотъ намъ царь хорошъ, кто міру хорошъ. Наше дѣло торговое.

— Ахъ, ты, сума переметная, сукинъ ты сынъ! — говоритъ ему Наумъ, — да развѣ Димитрій царь: — разстрига, польскій ставленникъ, Отрепьевъ, самый воръ послѣдній. Онъ у Вишневецкихъ въ Самборѣ конюшни мелъ. Я то ужъ знаю, — я самъ за него кровь проливалъ. Подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, когда били мы, казаки, князя Мстиславскаго, я знамя взялъ... Я бы самого воеводу Мстиславскаго взялъ, да ушелъ онъ въ степь, — конь подъ нимъ былъ добрый, ахъ, конь!.. Князя три раза я билъ саблей по желѣзному колпаку, — всего окровавилъ... Господи прости, сколько мы русскихъ людей побили!.. А за что? Чтобы насъ въ Москвѣ поляки безчестили и лаяли... Пороху, свинца намъ продавать не велятъ... Придешь въ кабакъ изъ-за стола тебя выбиваютъ вонъ... Ну, погоди...

Наумъ стащилъ съ себя шапку, бросилъ ее подъ ноги и сталъ топтать:

— Мы знаемъ за кѣмъ пойдѣмъ. Мы за вѣру постоимъ... Ни одного поляка живого изъ Москвы не уйдетъ...

— Будетъ тебѣ, Наумъ, не хорошо, — сказалъ ему Баулинъ, — поди на сѣноваль, отоспись.

— Нѣтъ, я не пьяный... А — пьянъ, — не отъ твоего вина... Подожди, подожди, ужотка вамъ запустимъ ерша!..

Тутъ Наумъ схватилъ шапку, вздѣлъ ногу въ стремя, конь его кинулся въ сторону, Наумъ поскакалъ за нимъ на одной ногѣ, повалился брюхомъ въ сѣдло. Казаки заржали, и всѣ трое выскочили, какъ безъ ума, изъ воротъ, запустили вскачь по слободѣ къ Воробьевымъ горамъ, — только пыль, да куры полетѣли въ сторону.

На другой день намъ запрягли возокъ, и мы съ матушкой поѣхали въ Кремль, въ Успенскій соборъ, и стояли обѣдню, а, отстоявъ, пошли къ Шуйскому на дворъ, — кланяться, просить заступиться передъ царемъ за насъ — сиротъ: не дадутъ ли землишки.

Бояринъ-князь Василій Ивановичъ Шуйскій вышелъ къ намъ на крыльцо, и матушка кланялась ему въ поясъ, а я — въ землю, хотя и невдомекъ намъ было, что не князь, — плотный, низенькій старичекъ, въ собольей, зеленой шубѣ, — стоитъ передъ нами, а безъ двухъ дней — царь. Борода у него была рѣдкая, мужицкая, лицо одутловатое, — щекой дергаетъ, а глаза — щелками — большого ума, не давалъ только въ нихъ взглянуть.

Сказалъ намъ бояринъ-князь тонкимъ голосомъ, со вздохомъ:

— Заступлюсь передъ кѣмъ нужно за твое сиротство, матушка княгиня, но обожди, обожди, охъ, — обожди. Нынѣ всѣ мы подѣ Богомъ ходимъ... А мужа твоего, князя Леонтія Туренева, помню хорошо, — при царѣ Федорѣ онъ на три мѣста ниже меня сидѣлъ: я, да князь Мстиславскій, да князь Голицынъ, да Тверской князь, Патрикѣева рода, а послѣ него мѣсто Туреневу, и ему воеводой мѣсто въ сторожевомъ полку, а въ большомъ полку — третьимъ воеводой. Мальчику то вели это заучить, — князь погладилъ меня по головкѣ и отпустилъ насъ.

На другой день, какъ солнце встало, пошли было мы съ матушкой на Красную площадь, на торгъ. Куда тамъ — не протолкаться. Народъ такъ и лѣзетъ стѣнной, — боярскія дѣти, стрѣльцы, персюки, татары — въ пестрыхъ халатахъ, поляки — въ голубыхъ, въ бѣлыхъ кафтанахъ, иные съ крыльями, а наши — въ зеленой, въ коричневой, — всѣ въ темной одеждѣ. По бревнамъ громахають телѣги. Или проскачетъ бояринъ въ мѣдной, греческой шапкѣ съ гребешкомъ, — впереди него стремянные расчищаютъ плетьюми дорогу, — опять давка.

У кремлевской стѣны стоятъ писцы, кричатъ: — «вотъ, напишу за копѣйку!» — Попы стоятъ, дожидаются натошакъ — кого хоронить или вѣнчать, и показываютъ калачъ, кричатъ, — «смотри закушу!» — Кричатъ сбитенщики, калачники. Дудятъ на дудкахъ слѣпцы. Между ногъ ползаютъ безногіе, безносые, за полы хватаютъ. А въ палаткахъ понавѣшано товару, — такъ и горитъ. Изъ-за прилавокъ купчишки высываются, кричатъ: — «къ намъ, къ намъ, бояринъ, у насъ покупаль!» — Пойдешь къ прилавку, — вцѣпится въ тебя купецъ, въ глаза прыгаетъ, а захочешь уйти ни съ чѣмъ — начинается ругать, и бьетъ тебя кускомъ

полотна, чтобы купилъ. Подалѣе, на Ильинкѣ, на улицѣ, сидятъ на лавкахъ люди, на головахъ у нихъ надѣты глиняные горшки, и цыганы стригутъ имъ волосы, — Ильинка полна волосъ, какъ кошма.

Отъ этого шума напалъ на матушку великій страхъ, сдѣлалось трясеніе въ ногахъ. Вернулись мы на подворье и рано легли спать. Ночью матушка меня будить, шепчетъ: — «одѣвайся скорѣй», — на столѣ горитъ свѣча, лицо у матушки, какъ мукой посыпаное, губы трясутся, шепчетъ: — «хозяинъ прибѣгалъ, велѣлъ схорониться: говоритъ чье-то войско на Москву идетъ, ужъ въ городъ входятъ!»

И мы слышимъ — топотъ множества ногъ и скрипъ телѣгъ многихъ, а голосовъ не слышно, — входятъ молча. Вдругъ — застучали въ ворота, — отворяй! Матушка меня схватила, спрятались мы на сѣновалѣ, и до утра слушали, — нѣтъ-нѣтъ, да и ломаются къ намъ на дворъ.

А утромъ узнали: въ Москву вошло восемнадцать тысячъ войска съ княземъ Голицынымъ, и въ Кремлѣ ужъ бунтъ, — стрѣльцы жалованья просятъ за три мѣсяца впередъ, и грозятъ перекинуться отъ царя къ Голицыну, и Шуйскій, будто, сказался больнымъ, а иные говорятъ, — видѣли его ночью у Арбатскихъ воротъ на конѣ.

Въ самый завтракъ къ намъ на подворье забѣжалъ Божій человѣкъ, голый, въ однихъ драныхъ порткахъ, на шеѣ у него, на цѣпи, висятъ замки, подковы и крестъ чугунный. Матушка взглянула на него, — вся въ лицѣ перемѣнилась и положила ложку. А Божій человѣкъ смѣется, морщится, шею вытянулъ, — и началъ топтаться, какъ гусь, забормоталъ:

— Въ Угличѣ-то кого зарѣзали? а? — знаете?.. Его же, и нынѣ его зарѣзали, самъ, самъ видалъ, —

вотъ, она! И протягиваетъ тряпочку, всю въ крови. — Понюхайте, не жалко, царская кровушка медомъ пахнетъ... А когда еще разъ, въ третій разъ, рѣзать-то его станете, опять меня позовите...

Матушка, смотрю, цѣпляется ногтями по столу, и повалилась на скамейку. Спрыснули ее съ уголька, она вскинулась:

— Царя убили! — кричить, — а вы тутъ ложками стучите... Идемъ, идемъ скорѣе, — и тащить меня за руку изъ-за стола, и мы побѣжали въ городъ.

Въ Борвицкія ворота насъ не пустили, — въ воротахъ и у моста черезъ Неглинную стояли казацкіе воза, кони у коновязей, кипѣли котлы на кострахъ, казаки кричали съ того берега: «Поляки Причастіе изъ Успенскаго собора выкинули... Изъ Чудова монастыря мощи выкинули... Весь народъ будутъ въ польскую вѣру перегонять...»

Вдоль Неглинной бѣжали люди, — крикъ, давка, визгъ бабій... Смотримъ, — сбились въ кучу: бьютъ кого-то. Выскочилъ изъ кучи полякъ, отбивается саблей, и прыгнулъ въ Неглинную, поплылъ. Съ той стороны казаки бьютъ по нему изъ ружей.

Добѣжали мы до Красной площади, и здѣсь толпа понесла насъ вдоль стѣны къ Василию Блаженному. Всѣ маковки его, алая, зеленая, витая, такъ и горѣли на солнцѣ. Звонили колокола тревожно, гудѣлъ Иванъ Великій.

Въ толпѣ докатились мы до травяного пригорка, — Лобнаго Мѣста, — кругомъ его тѣснился народъ, молча, безъ шапокъ. На Лобномъ Мѣстѣ, на дубовой лавкѣ лежалъ голый человѣкъ съ раздутымъ животомъ, нога лѣвая перебита, срамъ прикрытъ ветошью, руки сложены на пупѣ, а лица не видно, — на лицо одѣта овечья сушеная морда, — личина.

— Кто это лежить, кто лежить? — спрашивает матушка.

Ей отвѣчаютъ многіе голоса:

— Царь.

— Русскій, православный царь лежить.

— Не царь, а разстрига, воръ...

— Нѣтъ, это не онъ, ребята, лежить.

— Господи помилуй!

— Онъ много тощѣе, а этотъ — плотный...

— А онъ гдѣ же?

— Онъ ушелъ...

— А я вотъ въ зубы тебѣ дамъ — народъ мутить...

Изъ толпы къ Лобному Мѣсту выбивается человекъ, всходитъ къ мертвому тѣлу, — гляжу: опять это Наумъ. Ротъ у него разбитъ, глазъ и щека въ крови, волоса — дыбомъ:

— Вотъ, вамъ крестъ святой, — закричалъ Наумъ, и перекрестился на румяныя главы храма, — этотъ на лавкѣ, лежить царь: Димитрій, разстрига, воръ... Мнѣ ѣрьте... Я кровь за него проливалъ, будь онъ проклятъ... Его мало мучили... Надо его мучить...

Въ рукѣ у Наума откуда-то появилась дудочка деревянная, крашенная, и онъ вставилъ дудочку мертвецу въ руки... Вставилъ, всплеснулъ ладонями, разинулъ разбитый ротъ, — хотѣлъ, видно, засмѣяться, — но пошатнулся, повалился навзничь...

Народъ зашумѣлъ, закликали бабы дурными головами. А въ это время ударили съ кремлевской стѣны изъ пушки, зазвонилъ благовѣстъ, отворились ворота, и выѣхали бояре, — впереди всѣхъ Василій Шуйскій въ золотой шубѣ, какъ въ ризахъ царскихъ. Насъ затѣснили, затоптали, кое ужъ какъ пробились мы къ Москва-рѣкѣ. На той сторонѣ, по Замоскворѣчью шла

стрѣльба, — казаки и посадскіе рѣзали поляковъ, разбивали ихъ осадные дворы.

Такъ мы съ матушкой ни съ чѣмъ и вернулись въ Коломну. Плохое началось житье. Тяглые и черные людишки съ нашей вотчины почти всѣ разбѣжались, — иныхъ сманивали казаки, иные отъ поборовъ, отъ кормовыхъ, отъ государева тягла разбредались розно — куда глаза глядятъ.

Когда узнали, что въ Москвѣ выкрикнули царемъ Василия Ивановича Шуйскаго, народъ говорилъ: «То дѣло Шуйскихъ, да Голицыныхъ, а намъ на Василия наплевать, какой онъ царь, мы ему крестъ не цѣловали, а мы крестъ цѣловали Димитрію, онъ тогда изъ Москвы ушелъ въ женскомъ платъи, и надо опять его ждать къ Покрову дню».

Такъ и вышло. Осенью князь Шаховской, сосланный Шуйскимъ на воеводство въ Путивль, поднялъ городъ за царя Димитрія, а воевода Телятевскій поднялъ Черниговъ. Встали холопы. Вышли изъ лѣсовъ шиши. Двинулась мордва на Нижній Новгородъ. Взбунтовался въ Астрахани воевода, князь Хворостинъ. Войска Шуйскаго разбиты были подъ Тулой и подъ Рязанью. Началась смута.

А къ Покрову дню и объявился Димитрій живой. Шелъ онъ изъ литовской украины съ казаками. За нимъ изъ Рязани двинулось ополченіе съ воеводой Прокопіемъ Ляпуновымъ, а изъ Тулы вышелъ Истома Пашковъ съ ополченіемъ же. Подъ Москвой они соединились съ названнымъ Димитріемъ и стали обозомъ въ селѣ Коломенскомъ.

У насъ въ Коломнѣ одинъ только протопопъ не вѣрилъ въ названнаго Димитрія, кричалъ: «Дьяволь васъ мутить, мужичье недотепанное! Царя Димитрія зарѣзали. А нынѣшній Димитрій — воръ, я его знаю.

Зовутъ его Болотниковымъ. Онъ въ холопахъ былъ у князя Телятевскаго и бѣжалъ, и попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, и татары продали его туркамъ, и работалъ у нихъ на галерахъ. А отъ турокъ бѣжалъ въ Венецію-городъ, а оттуда пробрался на Русь, будь онъ проклятъ... И нынѣ кидаетъ по городамъ воровскія письма».

Болотникова прелестныя письма протопопъ показывалъ на торгу и читалъ ихъ:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа... Велимъ мы вамъ, холопамъ и тяглымъ людямъ, побивать своихъ бояръ и женъ ихъ, и вотчины ихъ и помѣстья брать на себя. И велимъ вамъ, слободскимъ тяглымъ и чернымъ людямъ, гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать и животы ихъ грабить, и женъ ихъ и дочерей брать за себя. И за это мы вамъ, шпынямъ, ворами, всѣмъ безыменнымъ людямъ, хотимъ давати боярство и воеводство, и окольнічество, и дьячество...»

На святки, ночью, ворвались въ Коломну воры на ста двадцати саняхъ. Матушка услышала набатъ, одѣлась, одѣла меня, сняла образа, завязала ихъ въ скатерть, и мы вышли за ворота. Морозъ былъ лютый, луна высокая, ясная. Мимо, по улицѣ, скакали сани, полныя воровъ. На ворахъ, — шубы, на иныхъ ризы. Хлещутъ по лошадямъ, ноги задираютъ, орутъ, — всѣ пьяные... У Николая Чудотворца часто, часто, страшно били въ большой колоколъ. Воры доскакали до площади и сбились у воеводинаго двора, — стучать въ ворота, ломаютъ ставни. Мы съ матушкой вернулись въ избу.

Въ избѣ даже нашей было слышно, какъ началъ кричать одинъ человѣкъ на площади. Ахъ, душегубы!.. Вдовая попадья намъ потомъ рассказывала, — сама видѣла, какъ вытащили воры воеводу изъ избы

на снѣгъ, однорядку, рубаху содрали и ножами рѣзали у него изъ спины ремни, — допытывались, гдѣ казна зарыта.

Ворота мы такъ и не заперли, — все равно воры выломають. Матушка поставила на столъ образъ Заступницы, зажгла передъ Ней свѣчку. Мы сидимъ на лавкѣ, дожидаемся смерти. Вдругъ заскрипѣлъ снѣгъ, — идутъ! «Прощай, сыночекъ, голубчикъ, прости меня Христа ради», — сказала матушка, перекрестила и прижала меня къ себѣ.

Въ дверь ударили ногой, въ избу вошли воры. Впереди — Наумъ. Шапки не снялъ, не помолился и говоритъ застуженнымъ голосомъ:

— Ну, поѣли нашего хлѣба досыта, — ступайте...

— Наумъ, — спрашиваетъ матушка со слезами, — ты ли это?

— Звали Наумомъ... Нынѣ я вамъ голова... Бери щенка своего, уходи куда глаза глядятъ... Счастье твое, что я здѣсь.

Такъ, мы съ матушкой захватили узелъ съ благословенными иконами и вышли изъ своего дома на трескучій морозъ.

На площади горѣлъ, какъ свѣча, дворъ воеводы. Куда итти? Снѣгъ по колѣно. Господь надоумилъ насъ постучаться къ протопопу. Долго насъ не впускали, — потомъ, глядимъ, — надъ воротами высывается растрепанная голова. Это былъ самъ протопопъ, — узналъ насъ и впустилъ.

Съ той поры жили мы у протопоба въ черной подклѣти. Отъ горя, отъ дыма горькаго, отъ черстваго хлѣба столько слезъ пролили, — на всю жизнь хватило.

Къ веснѣ стало намъ легче. Болотникова у деревни Котловъ разбилъ на голову Скопинъ-Шуйскій. Воръ бѣжалъ въ Тулу и сѣлъ въ осаду вмѣстѣ съ самозван-

нымъ царевичемъ Петрушей. Много такихъ царевичей тогда объявлялось по всей землѣ: былъ и Ерошка царевичъ, и царевичъ Гаврилка, и царевичъ Мартынка, — погуляли, потѣшились въ свое время.

Шуйскій осадилъ Тулу, затопилъ городъ. Въ Москвѣ вздохнули, стали подвозить хлѣбъ, разсылать по городамъ головъ и цѣловальниковъ — править государеву казну. Но огнедыхательный дьяволъ, лукавый змѣй, поѣдатель душъ нашихъ, воздвигъ на насъ новаго вора. Кто былъ тотъ воръ, — никто не зналъ, знали только, что сидѣлъ одно время въ острогѣ, въ Пропойскѣ, за разбой. Однако, въ Стародубѣ, на воскресномъ торгу его признали за царевича, помогли деньгами, пристали къ нему поляки и казаки, двинулся онъ на Москву, при Волховѣ разбилъ царское войско, и сталъ обозомъ въ селѣ Тушинѣ, окопался землянымъ валомъ, загородился частоколомъ.

По началу воръ хотѣлъ съ боемъ овладѣть Москвой, — подбивали его къ тому поляки. Дрались они съ москвичами на рѣкѣ Химкѣ у деревни Иваньково, дрались на Яузѣ, на Ходынскомъ полѣ захватили москвичей Гуляй-городъ, а Москвы взять не смогли. Тогда тушинскіе стали грабить кругомъ деревни, Лисовскій осадилъ Троицу, Сапѣга разбилъ Ивана Шуйскаго и открылъ дорогу на сѣверъ, — грабить сѣверные города.

Въ Москвѣ опять начался голодъ, а въ Тушинѣ — раздолье. И стали простые людишки изъ Москвы къ вору перелетать. А за простыми потянулись служилые и дворяне, — просить у вора деревнишекъ. Кланялись ему Салтыковъ, и Рубецъ Масальскій, и Хворостинъ, и Плещеевъ, и Вельяминовъ. Воръ жаловалъ — инымъ вотчины, инымъ окольниковство, а инымъ и боярство.

Протопопъ опять сталъ подбивать матушку, — ѣхать въ Тушино, кланяться вору на деревнишкѣ: — «Воръ всю землю раздастъ, останешься ты съ дитемъ, какъ обкошенный кустъ». А ѣхать было страшно. Какъ тогда, весной, Болотникова разбили, — Наумъ съ товарищами убѣждалъ изъ Коломны, и теперь шалилъ въ окрестностяхъ, хвалился, что скоро будетъ съ Волги атаманъ Баловень, — тогда они сдѣлають пустоту.

Такъ мы и прождали до осени. А осенью воръ поругался съ поляками, зажегъ Тушино и бѣжалъ въ Калугу, и тамъ сталъ набирать новое ополченіе. А поляки и русскіе, что остались въ Тушинѣ, послали боярина Салтыкова съ товарищами къ польскому королю — просить королевича Владислава на Московское царство. А царь Шуйскій послалъ брата, Дмитрія, съ большимъ войскомъ подъ Смоленскъ — бить поляковъ, и то русское войско поляки разбили подъ Клушинымъ, и пошли на Москву помогать тушинскимъ полякамъ. А воръ изъ Калуги тоже пошелъ на Москву и сталъ въ селѣ Коломенскомъ. Такая поднялась смута — разобрать ничего было нельзя.

На Ѳоминой недѣлѣ въ Коломну прилетѣлъ польскій полковникъ съ гусарами, дворы, что остались цѣлы, выграбилъ, много народа порубилъ, посѣкъ, и порохомъ взорвалъ городскую стѣну. Мы въ погребѣ отсидѣлись. Протопопъ сгорѣлъ на сѣновалѣ. Вдовую попадью гусары увели съ собой. Остались мы съ матушкой безъ кола, безъ двора, взяли по мѣшку и пошли куда глаза глядятъ, — Христовымъ именемъ.

Помню, — поутру, вышли мы изъ лѣсочка и увидѣли: внизу, подъ горой, вьется лазоревая рѣка, и на рѣкѣ, на зеленыхъ холмахъ, стоятъ храмы, бѣлые и златоглавыя, три стѣны идутъ кругомъ города, за стѣ-

нами — сады и улицы, — изба къ избѣ, — высокія, бревенчатыя. Матушка глядитъ на Москву, молчитъ, слезы у нея полились.

Къ полудню мы подошли къ Серпуховскимъ воротамъ. На лугу, у воротъ, у земляного вала толпился народъ, казаки, стрѣльцы, а посреди ихъ на возу стоялъ смуглый, какъ цыганъ, человѣкъ, въ черной однорядкѣ, могучій въ плечахъ, большого роста, — глаза запавшіе, лицо — гордое съ кудрявой бородкой, на шеѣ — жилы надуты. На весь народъ человѣкъ этотъ кричалъ сиповатымъ голосомъ:

— Подъ Клушинымъ лучшіе русскіе люди побиты. Долго еще намъ терпѣть... У царя Шуйскаго нѣтъ счастья. Шуйскаго надо ссадить. Намъ царь нуженъ молодой, — простой царь. Чтобъ онъ лучшихъ людей слушалъ, чтобы намъ тому царю вѣрить, и за тѣмъ царемъ за вѣру православную, за русскую землю души наши положить. Храмы наши поруганы. Поляки животы наши послѣдніе грабятъ, женъ нашихъ себѣ берутъ. Опустѣла русская земля...

— Ссадить, ссадить Шуйскаго! — загудѣлъ народъ.

Матушка спрашиваетъ у одного посадскаго, — кто таковъ человѣкъ — кричитъ на возу?

— Да ты развѣ не видишь, — отвѣчаетъ, — Прокопій Ляпуновъ.

Въ тотъ же день, — мы узнали, — народъ ссадилъ Шуйскаго. Ссадили и пошла рознь. Черные люди хотѣли вора на царство, Ляпуновы со стрѣльцами и торговые люди — Михаила Романова, бояре — королевича Владислава. А воръ изъ села Коломенскаго подсакивалъ уже къ самой Москвѣ.

Чаяли всѣ тогда, — скоро смута кончится. А она только еще разгоралась. Опять начался голодъ. Па-

хать, сѣять — и думать было нечего. Отъ розни, отъ нищеты народъ въ конецъ отупѣлъ, — рукой махнули: хоть черта царемъ.

Матушка въ то время занемогла, и насъ пріютили въ Замоскворѣчьи добрые люди. Мы видѣли, какъ вошелъ въ Москву гетманъ Жолкеевскій съ поляками, какъ поляки стали русскій народъ разорять и грабить, стала Москва короля польскаго вотчиной. Погибала русская земля. Одни бояре терпѣли срамъ, а народъ — затаился, закаменѣлъ лютой ненавистью, ждалъ срока. Видѣли мы, какъ подошло изъ Нижняго и сѣверныхъ городовъ мужицкое ополченіе съ княземъ Пожарскимъ, — осадили Москву. Слободы всѣ погорѣли, отъ Замоскворѣчья остались пожарища да пустоши. Стали мы жить въ погребахъ, по ямамъ, обросли коростой. Теперь руками разводишь, — какъ на сѣмя-то осталось русскаго народа.

Но, видимо, наступалъ предѣлъ муки человѣческой. Помощи ждать было не откуда. Не въ кого вѣрить, не на что надѣяться. Ожесточились сердца. И русскіе люди взяли, наконецъ, Москву и вошли въ опоганенный Кремль. Я самъ видѣлъ, какъ со стѣны скидывали въ Москва-рѣку бочки съ человѣчьей солониной. А когда въ храмы вошли — только рукой махнули, заплакали. Смута кончилась. Но радости было мало: — кругомъ, куда не поѣзжай, — ни сель, ни городовъ, — пустыня, погость.

И еще помню я, какъ въ осеннюю ростепель, въ вѣтряный сѣрый денекъ вышелъ народъ за московскія заставы въ поле и стоялъ безъ шапокъ. Дулъ вѣтеръ, летѣли мокрѣя птицы. По черной, топкой дорогѣ подѣзжалъ возокъ, тащили его восемь разнопѣгихъ лошадокъ въ веревочной сбруѣ, съ подвязанными хвостами. За возкомъ ѣхали верхами бояре, гости и вы-

борные лучшіе люди. Въ окошечко изъ возка на коматый, драный, угрюмый народъ глядѣль худенькій мальчикъ съ опухшими глазками. Да, боязно было принимать вѣнецъ Михаилу Романову, тяжело, уныло.

Вдругъ, къ возку кинулся человекъ въ рубищѣ, — упалъ въ грязь на колѣни, и грудь себѣ ногтями рветъ... Вижу, — опять это Наумъ. Возокъ проѣхалъ и Наумъ побѣжалъ за возкомъ, не отставалъ отъ него до самаго Кремля. Бѣжалъ, вылъ, — юродствовалъ.

Съ Романовыми были мы въ дальнемъ свойствѣ, матушка била молодому царю челомъ на деревнишкѣ, и царь пожаловалъ намъ сельцо Архангельское, что близъ Каргополя. А ѣхать туда было, какъ на вѣрную смерть: по всему сѣверному краю бродилъ разбойничій атаманъ Баловень съ черкасами, литовскими и русскими ворами, никому не давалъ пощады: поймаешь человека, набьетъ ему порохомъ ротъ и уши и поджигаетъ. Лишь года черезъ три загнали тѣхъ воровъ къ Олонцу, и всѣхъ истребили на Заонѣжскихъ погостахъ, а Баловня въ Москвѣ повѣсили за ребро.

Такъ, до времени и жили мы съ матушкой въ Кремлѣ, при царскомъ дворѣ, въ банькѣ.

Въ день Архистратига Михаила, послѣ обѣдни, позвали меня къ царскому столу, — въ то время было мнѣ лѣтъ семнадцать и я сидѣлъ съ дѣтьми дворянскими у дверей, тамъ гдѣ столъ заворачивалъ глаголемъ.

Царь, — худощавый отрокъ, — вышелъ къ намъ въ ризахъ и въ бармахъ, сѣлъ къ столу, снялъ вѣнецъ, по обѣ руки его сѣли Салтыковы. Царь кушалъ мало, все больше на руку облокачивался. Волоса у него были свѣтлые, тонкіе, рѣденькіе, надъ губой пушокъ, лицо усталое. Борисъ Салтыковъ наклонялся и шепталъ ему, царь поднималъ лазоревые глаза и улы-

бался, — и то одному боярину, то другому посылалъ чашу.

Зато бояре ѣли сытно, — наголодались, захудали: иной былъ въ нагольную шубу одѣтъ, иные просто въ сермягѣ. Ёли часть и другой, и царь совсѣмъ заскучалъ. Тогда Салтыковъ приказалъ позвать скомороховъ и дудошниковъ.

Привели скомороховъ. Они — робѣютъ, жмутся въ дверяхъ близъ нашего стола. И я смотрю, — одинъ, въ бабьемъ сарафанѣ, съ лукошкомъ на головѣ, вмѣсто кики, — Наумъ: — сытый и борода причесана, а глаза, мутные, снулые. У меня сердце захолонуло. Салтыковъ кричить:

— Что же вы, дураки, входите, не бойтесь, — государь васъ пожалуетъ кого петлей, кого кнутомъ, кого столбомъ съ перекладной...

Бояре засмѣялись. Царь закивалъ головой. Тогда Наумъ выскочилъ впередъ, ударилъ себя по ляжкамъ и началъ приговаривать, гнусить:

— Вотъ я и здѣсь. Зовутъ зовуткой, величаютъ уткой. Нынче дѣвокъ никто замужъ не беретъ, развелось ихъ, какъ таракановъ, а мужиковъ — мало, всѣ побиты. Только я невѣста богатая. Хочешь бери, хочешь не надо. За мной приданаго: 8 дворовъ крестьянскихъ, промежъ Лебедяни, на старой Казани, да 8 дворовъ бобылихъ, въ нихъ полтора человекъ съ четвертью, четверо въ бѣгахъ, да двое въ бѣдахъ. А хоромнаго строенія — два столба вбито въ землю, третьимъ прикрыто. Да съ тѣхъ дворовъ сходится на всякій годъ насыпного хлѣба 8 амбаровъ безъ заднихъ стѣнъ, да 4 пуда каменнаго масла. Да въ тѣхъ дворахъ сдѣлана конюшня, а въ ней 4 журавля стоялыхъ, одинъ конь гнѣдъ, а шерсти на немъ нѣтъ. Да съ тѣхъ же дворовъ сходится на всякій годъ запасу, —

по сорока шестовъ собачьихъ хвостовъ, да по сорока кадушекъ соленыхъ лягушекъ...

Дальше ничего нельзя было разобрать, — такъ загромыхали бояре, — тряслись на лавкахъ.

Вдругъ одинъ изъ дворянъ встаетъ и говорить злобно:

— Государь, прикажи взять этого чловѣка подь стражу. Въ прошлый годъ онъ меня на Серпуховской дорогѣ мучилъ и грабилъ, и билъ даже до смерти... Онъ — атаманъ.

Царь всталъ, сложилъ руки, оглядывается на Салтыковыхъ: — Ну, хорошо, хорошо, — говоритъ, — мы его возьмемъ... Я самъ дѣло разберу. — И онъ опять засмѣялся. — Вѣдь дуракъ правду сказалъ, бояре: — четыре журавля стоялыхъ въ нашемъ государствѣ, всего богатству...

Наума взяли подь стражу, и на другой день царь велѣлъ его сослать въ Преображенскую Пустынь. Тамъ Наумъ постригся и принялъ имя Нифонта. Прошли съ той поры многіе годы.

Я женился, родилъ семерыхъ и похоронилъ матушку и троихъ дѣтей, жили мы большой семьей въ орловской вотчинѣ. Царь Михаилъ умеръ. Начались опять войны: — воевали и со счастьемъ и безъ счастья. Отстраивали Москву, укрѣпляли стѣны, строили кремлевскія башни и палаты, заводили новые порядки. Москва богатѣла, но въ государствѣ не было покою: холопы, тяглые люди, вотчинные мужики опять стали бѣжать на Донъ и на Волгу, — искали воли. Царь искалъ крѣпости, бояре и служилые люди богатства и чести, а народъ — воли. И нынѣ, говорятъ, на низовьяхъ Волги опять не спокойно, — шалить казачій атаманъ Разинъ. А, можетъ быть, и такъ — зря — болтають.

Вотъ уже сколько лѣтъ богомольцы и странные люди, заходя по пути, говорили намъ:

«Сходите, Христа ради, въ Преображенскую пустынь, поклонитесь блаженному Нифонту».

Мы говорили богомольцамъ: — «того Нифонта мы знавали, и хотимъ его видѣть, — расскажите намъ про его подвиги». Прохожіе рассказывали.

«Былъ онъ великій душегубъ и злодѣй. Въ пустыни принялъ великій постригъ, и легъ въ гробъ и не принималъ пищи и питья, чтобы скорѣе умереть, — представиться. Лежалъ въ кельи, въ гробу долго. Разъ ночью вся пустынь всполошилась, — слышать — Нифонтъ кричитъ дурнымъ голосомъ. Зашли къ нему и увидѣли, — Нифонтъ сидитъ въ гробу и хулитъ Христа и Божью мать, и ругается матерно, и скрипитъ зубами. Въ великомъ страхѣ убѣжала отъ него братія. Ударили въ колоколъ. Собрались въ храмъ и молились всю ночь. А Нифонтъ ходилъ кругъ церкви и трясъ дверь — не могъ ее выломать, кидался къ окнамъ, къ рѣшеткамъ и ругался черными и матерными словами. А къ утру затихъ.

«Въ полдень его нашли въ рощѣ, въ болотѣ: Нифонтъ лежалъ навзничъ, голый, и комары и слѣпни покрыли его и язвили. Игумень хотѣлъ съ нимъ говорить, но Нифонтъ вскочилъ и убѣжалъ, и легъ по другой край болота, и гнусы опять облѣпили его.

«Игумень велѣлъ принести ему хлѣбъ и положить около его головы. И Нифонтъ хлѣба сталъ ѣсть малую толику, чтобы не умереть и дольше мучительствовать. Все тѣло его покрылось язвами и коростой, и гнусы больше не садились на него, и онъ не могъ умереть. Тогда Нифонтъ пошелъ къ игумену и просилъ благословить его на работу. Игумень велѣлъ ему взять воловъ и плугъ. Нифонтъ взялъ воловъ и вспахалъ боль-

шой клинъ за рѣкой. Всю зиму онъ рубилъ и возилъ лѣсъ на постройку келій, брался за самую тяжелую работу. Весною взборонилъ клинъ и засѣялъ овсомъ. За весь годъ не сказалъ ни слова, и по ночамъ истязалъ себя. Говорили, будто овесъ не взойдетъ на Нифонтовомъ клину. Но овесъ взошелъ и всколосился, — буйный вышелъ овесъ, Нифонтъ собралъ его и повеселѣлъ. Но устъ не раскрылъ и не облегчилъ себѣ трудовъ. Молчить онъ уже двадцать лѣтъ. Теперь сталь старъ и свѣтель. Часто приносятъ ему богомольцы дѣтей, онъ беретъ ихъ на руки, и цѣлуетъ, и гладитъ, и глядитъ имъ въ глаза, и дѣтямъ отъ того легче».

Вотъ что рассказывали намъ странные люди о Нифонтѣ. Въ прошлый Петровскій постъ я съ семьею пошелъ на богомолье. Посѣтили мы и Преображенскую пустынь. Мѣсто чудесное, — пустынь — на рѣчномъ берегу, въ березовомъ лѣсу, за высокой, бѣлой стѣной: покой и тишина.

Служка монастырскій, ходившій съ нами, указалъ намъ на Нифонта. Блаженный шелъ изъ березовой рощи, былъ худъ, высокъ и прямъ, въ черной, до земли, рясѣ, въ клобукѣ съ бѣлымъ крестомъ. Шелъ легко. Изъ-подъ клобука глядѣлъ на насъ свѣтлыми, какъ свѣтъ, уже не этой земли жильца блаженными глазами.

Подойдя къ намъ остановился, поклонился низко и прошелъ, будто травы не касаясь ногами.

Алексѣй Толстой

ВСЕОБЩЕЕ ВОЗСТАНИЕ

ВРЕМЕННОКЪ
АЛЕКСЪЯ РЕМИЗОВА

О Р Ъ

27/II-1/VI
1917

I

ПРЯНИКИ

Сосѣдъ Пришвинъ, пропадавшій съ самаго перваго дня въ Таврическомъ дворцѣ — извѣстно, тамъ въ б. Государственной Думѣ все и происходило, «рѣшалась судьба Россіи» — Пришвинъ, помятый и всклокоченный, наконецъ, явился.

И не хлѣбъ, пряниковъ принесъ — настоящихъ пряниковъ, медовыхъ!

— По сезону, — уркнулъ Пришвинъ, — нынче все пряники.

Къ Таврическому дворцу съ музыкой водили войска.

Одинъ полкъ какой-то великій князь самъ привелъ, и объ этомъ много было разговору.

Съ войны пріѣзжали солдаты, привозили деньги, кресты и медали

— чтобы передать Родзянкѣ.

Появились изъ деревень ходоки: посмотрѣть новаго царя —

— Родзянку.

Родзянко — былъ у всѣхъ на устахъ.

И въ то же самое время въ томъ же Таврическомъ дворцѣ, гдѣ сидѣлъ этотъ самый Родзянко, станомъ

расположились другіе люди во главѣ съ Чхеидзе — Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Тутъ-то, — такъ говорилось въ газетахъ, — Керенскій вскочилъ на стулъ и сталъ говорить —

Я замѣтилъ два слова — двѣ кнопки, скрѣплявшія всякую рѣчь, декларацию и приказъ той поры:

— смогу

— всемѣрно

И Родзянко пропаль, точно его и не бывало.

Къ Таврическому дворцу съ музыкой водили войска.

Съ войны пріѣзжали солдаты, привозили деньги, кресты и медали

— чтобы передать Керенскому.

Появились изъ деревень ходоки: посмотрѣть новаго царя —

— Керенскаго.

Керенскій — былъ у всѣхъ на устахъ.

И третье слово, какъ третья кнопка, скрѣпило рѣчь:

— ножъ въ спину революціи.

А красныя ленточки, ими украсились всѣ отъ мала до велика, обратились и совсѣмъ незамѣтно въ защитный цвѣтъ.

И нашъ хозяинъ, не Таврическій и не Песочный, другой, таскавшій меня однажды къ міровому за то, что въ срокъ не внесъ за квартиру 45 рублей — а ей Богу жъ, не было чѣмъ заплатить и некуда было итти! — старый нашъ хозяинъ — человекъ солидный, а такой себѣ бантище прицѣпилъ пунцовый, всю рожу закрыло, и не узнать сразу.

Носили Бабушку —

Вообще, по древнему обычаю, всѣхъ носили.

Жаль, что не пользовались лодкой, а въ лодкѣ и сидѣть удобнѣе и держать сподручнѣй.

Поступили, кто посмышленѣе, въ есеры:

- въ то самое, — говорили, — гдѣ Керенскій.
- Безкровная революція, — задирали носъ, — знай нашихъ!
- Безкровная, это вамъ не французская! — дакали.

Демонстраціи съ пѣніемъ и музыкой ежедневно.

Митинги — съ пряниками — ежедневно и повсемѣстно.

Все, что только можно было словами выговорить и о чемъ могли лишь мечтать, все сулилось и обѣщалось навѣрняка — пряники:

земля,
повышеніе платы,
уменьшеніе работы,
полное во всемъ довольство,
благополучіе,
рай.

Пришвинъ — агрономъ, человѣкъ ученый, въ Берлинѣ по нѣмецки диссертацию написалъ, Dr. M. Prischwin! — доказывалъ мнѣ, что земли не хватитъ, если на всѣхъ передѣлить ее, и что сулимыхъ полсотни десятинъ на брата никакъ не выйдетъ.

Я же никакъ не агрономъ, ни возражать, ни соглашаться не могъ, я одно чувствовалъ, насѣдаетъ на меня что-то и съ каждымъ днемъ все ощутительнѣй этотъ насѣдъ. И, не имѣя претензіи ни на какую землю и мало вѣруя въ пряники — наговорить-то что угодно можно, языкъ не отвалится! — карабкался изъ всѣхъ силъ и отбивался, чтобы какъ-нибудь сохранить

свою свободу
самому быть на землѣ
самимъ.

И красную ленточку — подарокъ Николая Бурлюка — надписавъ «революція», спряталъ въ завѣтную

черную шкатулку къ московскому полотенцу — пѣтухами московскими мать вышивала, и къ деревянной оглоданной ложкѣ — памяти моей о Каменщикахъ, Таганской тюрьмѣ.

— — остановился у Н. С. Бутовой въ Москвѣ въ Успенскомъ переулкѣ. Жду С. П. И вижу, Яценко пришелъ. Такъ — моя кровать, а онъ на диванѣ лежитъ. Входитъ Н. С.

— это небезызвѣстный профессоръ Яценко, — говорю, — пришелъ ночевать.

и мнѣ очень передъ Н. С. неловко: вѣдь она его совсѣмъ не знаетъ!

а вотъ и утро — — я иду по Садовой мимо С. В. Лурье на Землянку. Противъ церкви Николы Ковыльскаго два городскихъ и околоточный — и всѣ въ бѣломъ по лѣтнему. «городскихъ уничтожили, а они стоятъ!» сталъ я противъ — разсматриваю.

но тутъ какъ пошелъ народъ, какъ пошелъ — меня и оттѣснили.

барышня Пугавка тянетъ за руку, а въ рукахъ у Пугавки дипломъ, въ трубочку свернуть: хочется ей непременно, чтобы я посмотрѣлъ. А я не могу разобрать — вѣдь, ночь! — ничего не вижу. Подошелъ къ фонарю —

— ничего не понимаю!

— я кончила балетную ботаническую школу.

догоняю С. П. А меня мальчикъ да дѣвочка нагнали.

— мы дѣти Фриды Лазаревны и Я. С. Шрейбера!

«вотъ, — думаю, — С. П. удивится».

— — дѣвочка бѣленькая, на мышку похожа, а мальчишка черненькій, а за ними борода треплется —

«Оторвалась, значитъ, отъ Якова Самойловича, самостоятельно теперъ —»

идеть навстрѣчу Петръ Прокоповъ: ноги серебряныя, кончикъ носа серебряный — весь блестить.

оказывается, что же вы думаете, тоже ночеваль у Н. С.

— и Гершензонъ, и Бердяевъ, всѣ тамъ.

«бѣдная, — думаю, — Н. С., этакую ораву!» и вижу Успенскій переулокъ, церковный дворъ. Изъ квартиры Н. С. Бутовой выносятся ковры.

а Левъ Шестовъ клѣтку несетъ.

— ты, — говорить, — на мнѣ ѣздиль, теперъ я на тебѣ покатаюсь!

помогаю какой-то коверъ нести персидскій. внизъ несли — очень тяжелый! — а когда донесли, очутился я на верху. Вхожу въ комнаты, а слѣдомъ за мной келейникъ изъ Андроніевскаго монастыря

онъ принесъ ветчины и хлѣба —

— тутъ кормить не соглашаются.

ПАЛОЧКИ

Прачка, нѣмка Лизавета, столько лѣтъ стиравшая у насъ на Таврической, точная и аккуратная, на Островъ ходитъ отказалась. Пришла другая, новая: на видъ ничего, старый человѣкъ, повѣрить, казалось бы, можно.

И выстирала. Просить впередъ денегъ ей дать.

— Ей Богу, — говоритъ, — въ пятницу гладить приду!

Ну, дали ей денегъ, всѣ, сколько полагалось, а она и надула.

Тутъ по двору ходитъ, скалится.

— Пойди, — говоритъ, — жалуйся! Куда пойдешь?

И вспомнился мнѣ разговоръ со старшимъ дворникомъ: принесъ постановленіе домового комитета.

«Въ домѣ у насъ, — сказалъ онъ, — все идетъ дружно, только интеллигенція противъ!»

«Кто-жъ это?»

«Да вотъ самъ хозяинъ ... насчетъ земли не согласенъ».

Можетъ, думаю, и эта старуха тоже насчетъ земли хлопочетъ — только этажомъ ошиблась!

И еще вспомнилось, такое-жъ — со швейцаромъ.

«Вотъ землю теперь трудящимся, — сказалъ швейцаръ, — я тоже получу!»

«Зачѣмъ вамъ земля? Вѣдь вы всю жизнь въ городѣ живете, и не знаете, что съ землею дѣлать?»

А онъ подумалъ, и словно-бъ не согласенъ, потомъ вдругъ нашелся: «Ну, я деньгами согласенъ получить».

Пошелъ я въ парикмахерскую постричься и напоролся на митингъ.

Главный мастеръ кричитьъ:

— Теперь такое время, надо рвать. А то поздно будетъ.

И я подумалъ: «А земля-то, пожалуй, и не причемъ, тутъ вѣрно вотъ это — — а то поздно будетъ!»

Изъ парикмахерской шелъ такъ — по улицѣ.

Къ краснымъ флагамъ уже привыкли. Трамвайный путь расчищаютъ.

На трактирѣ надпись:

въ виду свободы объявляю: мой трактиръ свободенъ для всѣхъ солдатовъ. Солдаты, приходите, кушайте, пейте бесплатно, а также желающіе изъ публики. Да здравствуетъ свобода!

Столпились кухарки.

Какой-то шутникъ изъ прохожихъ:

— Требуйте 98 рублей въ мѣсяць, а миритесь на 30-и.

Самъ смѣется. Но смѣхъ его — въ сурьезъ.

— Намедни тоже, выискалась барыня растрѣпа. Собирала по полтиннику, записывала въ общество, тоже сулила 98 въ мѣсяць. И адресъ указала на Фурштадской. А когда пошли, тамъ такой и нѣтъ.

— Теперь такое время.

— А то поздно будетъ.

— Я не подданный, чтобы день и ночь работать! — угрожалъ кому-то ломовой.

Нестройно кучка народу — душъ около сотни — демонстрируетъ мимо Исаакія.

Два красныхъ флага:

«да здравствуетъ с-д. р. п.» и «земля и воля».

*Царь вампиръ изъ тебя тянетъ жилы,
Царь вампиръ пьетъ народную кровь...*

— Товарищи, присоединяйтесь! долой буржуазию! шапки долой! — выкрикиваетъ безъ шапки.

А рядомъ солдатъ съ ружьемъ:

— Сказано: шапки снимать. Снимай шапку!

Я снялъ шапку.

И какіе-то два прохожихъ сняли.

И вдругъ мнѣ показалось, одинъ изъ моихъ глазѣющихихъ сосѣдей какъ гаркнетъ —

Бо-же ца-ря...

*Царь вампиръ изъ тебя тянетъ жилы,
Царь вампиръ пьетъ народную кровь...*

— Пойдемъ! — и оба пропали.

Смеркалось — весенняя тяжелая сумеръ волной накатывала.

И я вспомнилъ, какъ въ 14-мъ году въ войну одинъ гоперечный поэтъ, тоже вотъ гаркнулъ на всю Фонтанку:

«да здравствуетъ императоръ Вильгельмъ!»

Пѣніе едва доносилось и только какой-то рарпиръ и нарровъ врывались въ уличный шумъ.

Я надѣлъ шапку и пошелъ.

Нѣтъ, не въ волѣ тутъ и не въ землѣ, и не въ рыви, и не въ хапѣ, а такое время, это вѣрно, вздвигъ и взъѣршъ, рѣшительное, рѣдчайшее въ исторіи время, эпоха, вздвигъ всей земли русской — Россіи. Это весенняя накатывающая волна, въ крути вертящіяся палочки — самое сумбурное, ни на что не похожее, весеннее, когда все летитъ кверху тормашками, палочки вертящіяся —

И я стиснулся весь, чтобы самому какъ не закрутиться такой палочкой.

Россія — Россія ударится о землю, какъ въ сказкѣ надо удариться о землю, чтобы подняться и сказать всему міру:

— Азъ есмь.

— Но можно такъ удариться, что и не встанешь.

— Все равно, не хочу быть палочкой.

— Теперь это невозможно: или туда или сюда.

Я не все понималъ, что говорилось во мнѣ, и часто просто словъ не было, а какая-то круть туда и сюда — обрывки словъ.

А все сводилось, чтобы не растеряться и быть самимъ подъ нахлывающей волной въ неслыханномъ взвивѣ вихря.

И что я замѣтилъ: звѣзды, которыя я видѣлъ въ канунъ, погасли, вихрь овладѣвалъ моей душой.

— Да, я безкрылый, слѣпой, какъ кротъ, я буду рыть, рыть, рыть —

Вечеромъ сосѣдъ Пришвинъ рассказывалъ о всякихъ чудесахъ.

Разсказалъ о арестованныхъ городовыхъ, которые
собрали между собой по подпискѣ 215 рублей

— на нужды революціи.

И я себѣ представилъ, какъ эти городовые, усатые,
въ сапогахъ, а кто и въ женскомъ платьѣ — и такое
со страху бывало! — надо же какъ-нибудь выкручи-
ваться... такое время —

— на нужды революціи!

— А въ Царскомъ на митингъ городской вы-
шелъ въ солдатскомъ: «Я, говорить, иду на
фронтъ, не всѣ мы такіе, зачѣмъ же на
дѣтей позоръ? Я могу быть убитъ!» «А
когда будешь убитъ, тогда и говори!»

— А какъ же съ деревней?

— Ничего, въ деревню поѣхали: тучи!

— — ѣдемъ въ Москву —

— чѣмъ чернѣе трудъ, тѣмъ больше правъ
на свободу, вы кто такой?

— я, — и не долго думая, — я, — го-
ворю, — отходникъ: и въ Кіевѣ и тутъ
приходилось въ родѣ —

— получайте билеты.

попали на Плющиху въ Новоконюшенный
къ Льву Шестову.

Шестовъ надъ спиртовкой, поставилъ чай-
никъ.

— революція или чай пить?

и самъ глазами смѣется:

— помолчи, — не даетъ отвѣтить, — такое
время, лучше помолчи.

на Зубовскомъ бульварѣ на ларькѣ про-

даютъ бѣлые хлѣбы.
я выбралъ три хлѣба — какъ большія рыбы.
— сколько?
— по рублю.
схватилъ я у ларечника колунъ, да на торговку.
— по-рублю!
— за всѣ — 50 копеекъ.
а сама такъ смотритъ — и задаромъ отдастъ! — такъ, только одни свѣрлки — глаза.
опустилъ я колунъ — и всего-то у меня полтора рубля! — всѣ и отдалъ.

III

О МИРѢ ВСЕГО МИРА

Третья недѣля и съ каждымъ уходящимъ днемъ входитъ новое — жуткое.

И эта жуть представляется мнѣ все отъ праздности: на улицахъ, мнѣ кажется, не идутъ ужъ, а ходятъ.

— Углубляется революція, — такъ сказала одна барышня изъ редакціи.

И какъ была счастлива!

Я видѣлъ о ту пору счастливыхъ людей: и ихъ счастье было отъ дѣла.

— Революція или чай пить?

Другими словами:

— Стихія — палочки вертящіяся — или упоръ, самоупоръ?

Тѣ, кто въ стихіи — въ дѣлѣ — они и счастливы. Потому что счастье вѣдь и есть дѣятельность.

И скажу, до забвенія видѣлъ я тогда такихъ дѣятельныхъ — счастливыхъ.

Чай-то пить совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется!

Вѣдь, чтобы чай пить, надо прежде всего имѣть чай.

А чтобы имѣть чай — —

Есть, впрочемъ, одно утѣшеніе: стихія, какъ гроза, пожаръ, и пройдетъ гроза, а ты останешься, ты долженъ остаться, вдохнувъ въ себя всѣ силы грозы.

— Но грозой можетъ и убить.

Пришвинъ — увлекающаяся борода, — такъ его прозвали на собраніяхъ увлекающейся бородой, — Пришвинъ все въ ходу, не мнѣ чета, но тоже не въ дѣлѣ, и вотъ приунылъ чего-то.

въ мясѣ-то копаться человѣчьемъ — всѣ эти вертящіяся палочки — вся эта накипь старыхъ неоплатныхъ долговъ — месть, злоба — весь этотъ вывертъ жизни и неизбѣжность, проклятія — р е в о л ю ц і я — нось повѣсишь.

Сосѣдки наши, учительницы, обѣ тихія, измученныя.

Я часто слышу, какъ старшая жалуется.

— Несчастье мое первое, что я живу въ такое время.

А другая кротко все уговариваетъ:

— Очень интересное время. Послѣ намъ завидовать будутъ.

Надо только какъ-нибудь примириться, принять все.

— И развѣ раньше лучше намъ было?

— Да, лучше, лучше, — ужъ кричить.

И мнѣ понятно:

— какъ хорошо въ грозу, какіе вихри!

И мнѣ также понятно и близко:

- въ мясѣ-то копаться человѣчьемъ — всѣ эти вертящіяся палочки, — гроза, раздоръ, тревога и самая жесточайшая месть и злоба, вывертъ жизни — революція,
- хорошо тому, кто при дѣлѣ, а такъ — —
- Представляю себѣ, какъ вамъ трудно, — мнѣ это та барышня сказала редакціонная.
- Когда происходятъ такія историческія катастрофы, какой ужъ тутъ можетъ быть счетъ съ отдѣльнымъ человѣкомъ! — на всѣ мои перекорныя разсужденія отвѣтилъ Ѳ. И. Щеколдинъ.
- Да, потому и наперекоръ: вѣдь, катастрофа-то для человѣка, а человѣка топчетъ!
- Видѣлъ я на старинныхъ иконахъ образъ Іоанна Богослова, — замѣтилъ археологъ И. А. Рязановскій, — пишется Богословець съ перстомъ на устахъ. Этотъ перстъ на устахъ — знакъ молчанія, знакъ заграждающій.
- Бѣдныя счастливыя палочки, куда вѣтромъ погонить, туда и идете, куда вихрь понесетъ, туда и летите!

Палочками разносились по бѣлому свѣту сѣмена революціи.

А сегодня Пришвина и не узнать.

Сегодня — 14-ое марта: знаменательный день:

- ко всему воюющему міру обратились съ призывомъ о мирѣ —

— Посмотрѣлъ я, — рассказывалъ Пришвинъ,
— рожи красныя: чего имъ? Какая война?
Домой въ деревню, къ бабѣ. Конечно миръ.

И я почувствовалъ, что оживаю.

Вѣдь я словно умеръ, и вотъ опять родился, учусь
говорить, смотрѣть —

Сегодня я въ первый разъ сталъ писать.

А какая радостная весна на волѣ!

— — вижу образъ Божьей Матери — вѣн-
чикъ на образѣ изъ чистаго снѣга; выдви-
гаю ящикъ, бумаги достать и вытянулъ
ногу — шелковая тонкая туфелька. А жи-
вемъ мы не въ домѣ — надъ домомъ. Лео-
нидъ Добронравовъ поетъ:

величитъ душа моя Господа

IV

ЖЕРТВЪ РЕВОЛЮЦІИ

О похоронахъ жертвъ революціи говорили давно.

Спорили о мѣстѣ: хотѣли первоначально на Двор-
цовой площади похоронить, да говорятъ, Горькій всту-
пился, и постановили на Марсово поле нести.

Пугали всякими страхами: и то, что пулеметы
будто на крышахъ не всѣ сняты и, какъ пойдетъ про-
цессія, тутъ и начнется стрѣльба; и того еще боялись,

что нуженъ порядокъ, а какъ его сдѣлать? — никто никого не слушаетъ.

Наканунѣ прибѣжала къ намъ во дворъ дѣвчонка изъ сосѣдняго дома, предупреждаетъ не выходить на улицу:

— На 17-ой линіи съ седьмого этажа съ крыши только что сняли пушку!

А случившіеся при этомъ страховоды подтвердили.

— Изъ Москвы въ одну ночь пѣшкомъ цѣлый полкъ пришелъ: бѣгутъ съ войны.

23-го марта ровно мѣсяць, какъ началось.

23-го марта и состоялись похороны.

Безъ колокольнаго звона несли красные гроба.

А если бы знали, какой есть погребальный перезвонъ — въ старыхъ городахъ русскихъ, въ Сольвычегодскѣ и нынче навѣрно звонятъ, — большое искусство!

На Марсовомъ полѣ говорили рѣчи и изъ всѣхъ запомнилось —

о второмъ изданіи русской революціи.

Сумрачны были эти похороны, какъ и день сумрачный.

На углу 14-ой линіи у насъ на Островѣ какой-то самозванный милиціонеръ, пользуясь случаемъ — народъ на похоронахъ! — залѣзъ въ квартиру на самый на верхъ.

Была одна женщина въ квартирѣ съ дѣтьми, подняла крикъ. Сосѣди — однѣ женщины оставались — на крикъ бросились, навалились на милиціонера и потащили внизъ.

Крикъ поднялся на всю линію.

Собралась толпа.

— Голову ему снять мерзавцу!

Ну, а тотъ просить, винится:

— Не снимайте, — говорить, — головы! — просить.

Страшно, когда челоуѣкъ на тебя бросается, а страшнѣе того, когда схватятъ тебя, бросающагося.

— Голову снять!

Одно твердятъ, не слушаютъ ничего.

Вотъ это-то и есть самое страшное: не слушаютъ — не слышатъ словъ твоихъ.

Кричали, кричали — слава Богу! — повели въ комиссаріатъ.

Сумрачны были похороны и красное не краснымъ, сумрачнымъ смурило.

А когда наконецъ стали расходиться, всѣ только и говорили, что о порядкѣ.

И иностранцы, говорятъ, дивились нашему порядку.

— Первый смотръ революціоннаго пролетаріата!

Скажу о порядкѣ —

Чѣмъ-чѣмъ, а порядкомъ мы всегда славились.

И лѣтописный беспорядокъ — наряда будто нѣтъ! — и прославленная московская Ходынка, все это такъ — либо со зла, либо себѣ на умѣ сказано.

Черезъ мѣсяць въ Саратовѣ — всѣ газеты облетѣло.

Въ Саратовѣ на Петинѣ улицѣ спозаранку образовывались хвосты — очередь передъ публичными домами — публичные солдатскіе хвосты: 40 человѣкъ на одну женщину, какъ разъ, стало быть, наоборотъ пѣсни. И бывали случаи, что даже выскочить на улицу которая: «Спасите, больше работать не могу!» Ну, а ужъ за то порядокъ — такой былъ порядокъ, что иностранные корреспонденты, когда дознались, то не только дивились, а и завидовали: въ Европѣ ничего подобнаго не бывало! Конечно, культурные-то народы безъ привычки полѣзли бы, какъ скоты, и передрались бы другъ съ другомъ изъ-за.

А еще позже въ Ташкентѣ.

Въ Ташкентѣ самосудомъ прикончили Коровиченку. И когда лежалъ онъ на полу, истерзанный, при послѣднемъ издыханіи, образовался опять-таки, скажу, хвостъ — очередь — пускали за 30 копеекъ по очереди плевать въ лицо умирающему — хвостъ плевательный.

Шли, платили 30 копеекъ и плевали, и былъ порядокъ — математическій.

V

С В Я Т А Я

На почтѣ какой-то мальчикъ съ пачкою заказныхъ писемъ уступалъ очередь одиночнымъ письмамъ, и только, когда всѣ прошли, подошелъ къ окошечку съ своею пачкой —

— ко всеобщему удивленію.

Былъ у насъ Вяч. Шишковъ, б. атаманъ сибирскій, и денегъ предлагалъ и муки пообѣщалъ на Пасху —

— какая рѣдкость!

Хлѣбные хвосты растутъ.

Говорять, скоро хлѣба совсѣмъ не будетъ.

Легъ я и лежалъ съ открытыми глазами: столько наслушался я горькихъ жалобъ, столько слезъ увидѣлъ, въ глазахъ черно.

Благовѣщеніе праздновали три дня.

Ледъ не скальвался по улицамъ — лужи, кучи, грязь невылазная — что-то отъ Пензы, Вологды, Устьсысольска и никакъ не петербургское.

По чистотѣ Петербургъ былъ вѣдь первый послѣ Берлина!

Увлекающаяся борода — Пришвинъ — съ того самаго дня, какъ кликнули кличь о мирѣ, ходилъ въ ражѣ и ничего не замѣчалъ, такъ и пѣръ по грязищѣ.

По прежнему къ Таврическому дворцу демонстрировали.

Но изъ всѣхъ демонстрацій, о которыхъ читали въ газетахъ, всякому запомнилась демонстрація дѣтей.

Они пришли, какъ водится, со всѣмъ весеннимъ шумомъ, принесли пифагоровы штаны и удѣльный вѣсъ, и что говорили, не знаю, а наказъ имъ памятенъ:

«зорко слѣдите за правительствомъ!»

Пасха была ранняя — 2 апрѣля.

И праздновали Пасху, кто сколько хотѣлъ.

— Вотъ нѣмцы, тѣ сумѣли бы устроиться, а у насъ только палка — безъ палки ничего. Такъ все и распряднуютъ.

Пришвинъ какъ будто соглашался: бывалый, сколько лѣтъ жилъ въ Германіи, знаетъ, что такое нѣмецкое дѣло.

— У нѣмцевъ, посмотрите, ѣдетъ ли желтый почтовый автомобиль, какая важность у почтоваго чиновника: Reichspost! — или обратите вниманіе на вагоновожатаго, вамъ покажется, не простой вагонъ ведетъ онъ, а какой-то особенный, и случись что, все разрушится — Германія — весь міръ, или когда сдаешь заказное письмо, вѣдь съ твоимъ письмомъ такъ мудруютъ — такъ наклеиваютъ и подписываютъ, словно въ твоёмъ письмѣ сама судьба — Германія — всего міра. У нѣмцевъ нѣтъ этого маленькаго дѣла, маленькаго человѣка — «должность моя маленькая, самъ я маленькой человѣкъ!» — нѣтъ этой нашей русской скорбленности и пришибленности, и эту походку трусцой, сѣменящую, гдѣ вы ее тамъ встрѣтите? Да, такіе не распрощаютъ свое добро.

Пришвинъ соглашался, но его будоражилъ и веселилъ этотъ взвихъ или, какъ твердилъ Ивановъ-Разумникъ, скифскій вихрь, буря — пьянящая китоврасова музыка — безумье, когда все ни на что, а такъ — рывъ, колебаніе міра, и всѣ эти взвихнутыя вертящіяся въ вихрѣ палочки — танецъ бурь, танецъ битвъ, крутящейся крути все круче и круче — танецъ революціи.

А кромѣ того — Пришвинъ охотникъ — весна! — ошалѣлъ, потянуло на землю къ травѣ и лѣсу —

На Пасху у насъ все было — Шишковъ, какъ всегда, и мучное слово сдержалъ.

Встрѣтили Пасху съ Пришвинымъ.

На второй и третій день было у насъ большое собрание, какъ всегда.

Какъ всегда, Федоръ Ивановичъ Щеколдинъ и Наталья Васильевна Григорьева, Леонидъ Добронравовъ, И. А. Рязановскій, А. М. Коноплянцевъ, Разумникъ Васильевичъ.

Прокофьевъ игралъ свое «Мимолетное», — такъ называлъ онъ новыя свои пьесы — музыку.

Приходилъ и Александръ Александровичъ Блокъ — и это въ послѣдній разъ былъ онъ въ моей серебряной игрушечной комнатѣ — въ обезвеволпалѣ (въ обезьянней великой и вольной палатѣ).

Блокъ, для меня необычно, въ защитномъ френчѣ, отяжелѣлый, рассказывалъ о войнѣ —

какая это безтолочь идиотская — война!

И за нѣсколько мѣсяцевъ — былъ онъ въ какомъ-то земскомъ отрядѣ — навидался, знать, и слышался вдосталь.

И была въ немъ такая устремленность ко всему и на все готоваго человѣка, и что бы, казалось, ни случилось, не удивишь, и не потужить, что вотъ еще и еще придетъ что-то.

А что-то шло — это чувствовалось — какой-то новый взвихъ —

Вѣдь, и за этотъ мѣсяць ужъ чувствовалось, что дальше такъ продолжаться не можетъ, и можно на все рѣшиться, только бы перемѣна и, что бы ни произошло, все будетъ лучше —

Я слышалъ, какъ одни ждали нѣмцевъ, я скоро услышу, какъ другіе будутъ рады Корнилову, а третьи — что бы тамъ ни было — главное, конецъ войнѣ! — и такихъ большинство, обрадуются Ленину и встрѣтятъ октябрь ладно.

ПЕРВАЯ СМЕРТЬ

На четвертый день Пасхи умеръ докторъ А. Д. Нюренбергъ.

Три у меня сверстника, съ которыми связана моя жизнь: Павелъ Елисеевичъ Щеголевъ, Зиновій Исаевичъ Гржебинъ и Нюренбергъ.

И вотъ одного не стало.

Это первая смерть моего возраста — мы родились въ одинъ годъ и въ одинъ мѣсяцъ.

Живой человѣкъ — безсмертный, казалось! — и въ нѣсколько дней всему конецъ.

Добрый онъ былъ человѣкъ — такими добрыми рождаются только очень талантливые — и умница.

Лежалъ онъ на Фонтанкѣ въ тѣсной Кауфманской часовнѣ.

Я пришелъ спозаранку.

Какія-то старушонки, спѣшившія за мной — дорога къ часовнѣ путанная — стояли у стѣны, трясли головой, жалко смотрѣли красными отъ слезъ старыми глазами.

Много приносили вѣнковъ и такъ цвѣты —

А эти старушонки ничего не принесли — онѣ только сами пришли съ Острова за Калинкинъ мостъ на Фонтанку — принесли свой непосильный трудъ и жалость.

Я помню, что-то онъ рассказывалъ о старушонкахъ и о бѣдѣ ихъ несчастной, о сосѣдяхъ своихъ.

Я смотрѣлъ на желтый крѣпкій лобъ — какой умный упоръ! Но глаза закрытые плотно, не свѣтили. И только брови — одна къ другой — чернѣе еще чернѣлись.

И мнѣ вспомнилось: прїѣхалъ онъ однажды послѣ приѣма, легъ на диванъ въ нашей тѣсной столовой — просто такъ полежать; я самоваръ попросилъ поставить и пошелъ къ себѣ, сѣлъ писать и совсѣмъ забылъ; вхожу зачѣмъ-то въ столовую, протянулъ руки, чтобы на стулъ не наткнуться — чуть-чуть огонекъ отъ лампадки свѣтитъ — а онъ съ дивана тихонько руку да за ногу меня — и поймалъ!

И съ этихъ поръ и не знаю, отчего это бываетъ, я почувствовалъ что-то такое доброе въ душѣ его, и еще понималъ тогда же, и тоже не знаю, отчего это бываетъ, что одинокъ онъ въ сутолкѣ своего дѣла и, хоть слава гремитъ большая, а счастья нѣтъ и нѣту.

Старушонокъ совсѣмъ къ стѣнѣ прижали.

Все приходилъ народъ — пациенты — очень много, всю часовню набили, и вѣнковъ много — весь въ цвѣтахъ.

Послѣдніе цвѣты — послѣдній поклонъ молчаливый и — безотвѣтный.

Я все смотрѣлъ на желтый крѣпкій лобъ и думалъ и тихо покорно мирился со смертью:

въ суетѣ своего дѣла очень онъ усталъ, а теперь ничего не надо, вотъ и лежитъ спокойный непробудно — телефонъ не разбудить и торопиться некуда.

И еще думалось:

трудно очень жить стало, такъ трудно, что просто иногда завидно — мертвому завидно: не могу я быть ни палачомъ, ни мстителемъ, ни грознымъ карающимъ судьей и всякая эта рѣзкость «революціоннаго» взвива меня ранить и мнѣ больно — моей душѣ больно.

На кладбище я не пошелъ — очень далеко, надо по желѣзной дорогѣ! — а проводилъ, какъ выносили.

И все я смотрѣлъ — провожалъ.

Вѣнокъ изъ маленькихъ синихъ цвѣтковъ, подвѣ-
шенный на колесницѣ, подпрыгивая, лучился синимъ.
Солнечный былъ весенній день.

VII

МОЛЧАЛЬНИКЪ

Не всѣ на Руси крикуны и оралы и не всякій па-
докъ на крикъ.

Сказать о русскомъ человѣкѣ, будто пустымъ кри-
кливымъ словомъ взять его можно съ душой и сапо-
гами, это невѣрно.

И не одна только примазавшаяся гирь сидитъ нынче
по городамъ русскимъ и верховодитъ.

Приѣхалъ И. С. Соколовъ-Микитовъ, солдатъ —
летчикъ съ фронта — большой молчальникъ, слова не
выжмешь.

— Какими, — говорю, — судьбами?

— Выбранъ делегатомъ въ Совѣтъ рабочихъ и
солдатскихъ депутатовъ.

Ушамъ не вѣрю.

— Кто же выбралъ?

— Шестнадцать тысячъ за меня, какъ одинъ.

Вотъ и послали.

И рассказалъ мнѣ, какъ на собраніи у нихъ пер-
выми крикуны повыскакивали и стали бахвалиться: кто
чего можетъ! А онъ, Микитовъ, молчкомъ сидитъ, и
только потомъ обмолвился, что, молъ, зряшное это все
бахвальство-то, ни шапками не закидаешь, ни горломъ
дѣла не сдѣлаешь. И какъ стали выбирать, крикуновъ-
то взашей, а его на атаманское мѣсто въ Совѣтъ.

И вправду, Соколовъ - Микитовъ большой былъ молчальникъ и коли скажетъ, бывало, съ толкомъ скажетъ, не дастъ въ обиду и прокъ былъ.

Но скажу, что вышло: и не то что бы закричали его крикуны и оралы, но самъ-то онъ перемудрилъ и до самого конца, какъ въ моряки поступить балтійскіе, три мѣсяца упорно молчалъ въ Совѣтѣ, не проронилъ слова.

Слово — серебро, молчаніе — золото, а если ужъ черезчуръ, то просто — сомъ-молчальникъ.

VIII

ТУРКА

А бываютъ на свѣтѣ люди и тоже про нихъ не скажешь, что изъ породы они человѣческой, ну, какъ рисуютъ человѣка на картинкахъ «возрасты человѣческой жизни», нѣтъ, это не человѣки, а сказочные люди, о которыхъ всякій въ книжкахъ читалъ — въ сказкахъ и вопреки здравому разсужденію вѣрилъ, что они на самомъ дѣлѣ есть.

Я зналъ такого, кличка ему Турка, Туркой всѣ его и звали — Илья по имени, по прозвищу Турка.

Обыкновенно появлялся у насъ Турка передъ наступленіемъ какого-нибудь важнаго событія.

И вотъ 9-го апрѣля появляется Турка.

Турка разсказалъ о демонстраціи, съ которой онъ только что — первая въ Петербургѣ демонстрація съ черными флагами.

— Денегъ столько, сколько подымешь, а земли столько, сколько обѣжишь.

А заодно рассказалъ Турка и о пріятелѣ своемъ тоже туркѣ, — не то въ Рыбинскѣ, не то въ Кадниковѣ.

Турка въ географическихъ названіяхъ всегда путалъ и начнетъ другой разъ про Черниговъ, а сведетъ на Кинешму, а что до численности ужъ подлинно обсчитывался — изъ одного выведетъ три, а изъ трехъ всю дюжину.

Такъ вотъ гдѣ-то въ Кадниковѣ жилъ-былъ этотъ турка Кирѣевъ Григорій Селивестровичъ.

— Человѣкъ одинокій, жилъ Кирѣевъ тихо и смиренно, торговалъ рыбой и одного дожидался въ одиночествѣ своемъ — праздниковъ: сначала Рождества ждетъ, потомъ Благовѣщенія, потомъ Пасху и т. д. И вдругъ неожиданно-негаданно грянула эта революція и все перепуталось и такъ перевернулось, ни съ того, ни съ сего выбираютъ его въ городскія головы, и вся Кинешма отъ мала и до велика — здравствуйте, пожалуйста, Григорій Еремѣвичъ, быть вамъ головой! Онъ и растерялся: еще бъ, головой!.. И въ одинъ прекрасный день послѣ головинныхъ поздравленій ясно почувствовалъ, что не одна, а цѣлыхъ двѣ у него головы: одна собственная его, Кирѣева, которая ѣстъ кушанья и разговариваетъ, а другая — другая голова городская.

— Ахъ, Турка, Турка!

— И это бы все ничего, — продолжалъ Турка, — ну что жъ такого, двѣ головы, да хоть бы и три, я бы и девять носилъ, даже съ девятью хоръ можно устроить и концерты давать: пою за десятерыхъ! Но дѣло обернулось куда хуже, другая-то голова городская оказалась водяной: воду изъ нея льютъ, улицы поливаютъ. Это его окончательно и сбило. И теперь собирается прямо изъ Ельца и со всѣмъ многочисленнымъ своимъ семействомъ въ Петербургъ: хочетъ представиться въ

петербургскую пожарную команду и послужить революции, какъ неистощимый и непрерывно дѣйствующій самополивъ!

Турка вращалъ огромными турецкими бѣлками и въ усъ свой черный по-турецки улыбался.

— Ахъ, Турка, Турка!

Сколько ему, Туркѣ, еще въ жизни ночей!

Это изъ тысячи-и-одной-ночи прямо со страницъ изъ картинки вышелъ онъ и очутился въ Россіи, а изъ Россіи перекочевалъ въ Европу, а изъ Европы въ Китай, потомъ въ Сибирь и опять въ Россію.

Турка считалъ себя причастнымъ къ русской литературѣ: когда выходила замужъ дочь Глѣба Ивановича Успенскаго, Вѣра Глѣбовна, онъ былъ шаферомъ, а затѣмъ нѣкоторое время жилъ въ одномъ домѣ и по одной лѣстницѣ съ Павломъ Елисеевичемъ Щеголевымъ на Большой Дворянской, и кромѣ того любилъ посмотрѣть рѣдкія русскія книги въ книжной лавкѣ у Якова Гавриловича Новожилова.

Турка, окончивъ Петербургскій университетъ и отсидѣвъ въ Крестахъ за «безпорядки», поѣхалъ въ Германію — Турка тоже докторъ, только не агрономическія науки изучалъ онъ, какъ Пришвинъ, а по апутурному дѣлу — химикъ.

Изъ Германіи Турка вернулся въ Херсонъ къ отцу и занялся торговлей — въ Херсонѣ первая была ихъ лавка: всякія и самыя тонкія англійскія сукна.

Турка во всѣхъ влюблялся и въ Турку влюблялись, и было у Турки тысяча невѣстъ, а на тысяча первой Турка собирался окончательно жениться.

И не женился.

Сколько ни объяснялись, сколько ни говорили другъ съ другомъ, а до конца никакъ не могли договориться и по очень простой причинѣ: Турка тугъ былъ на правое ухо, а невѣста на лѣвое съ глушинкой.

Такъ и не женился.

А померъ отецъ, передалъ Турка всю торговлю братьямъ и пустился свое счастье искать.

Заманила его на востокъ икра — красная кетовая икра.

И повезло — на икрѣ большое состояніе нашлъ.

И ужъ собирался было въ Японіи домъ строить изъ фиговыхъ листиковъ, а мнѣ сулилъ китайскихъ боговъ прислать и туши японской разноцвѣтной, и вотъ случилась буря — кетовые корабли потонули, и ужъ въ 4-омъ классѣ прикатилъ Турка въ Петербургъ, — начинай сначала!

И была его турецкая жизнь полна самыхъ такихъ головоломныхъ нечаянностей: то онъ какія-то гайки продавалъ, то табашныхъ дѣломъ занялся, — но все какъ-то такъ выходило, что вотъ-вотъ на небеса, кажется, взлетитъ, хватъ, корабли ко дну, начинай сначала!

Когда началась война, Турка ходилъ къ Зимнему Дворцу, стоялъ на колѣняхъ.

Турка просился въ добровольцы, мѣшокъ собралъ съ бѣльемъ и сухарики припасъ, но почему-то ему отказали, и какъ ни добивался — отказали.

Вѣдь Турку заманивала война, какъ кета, какъ гайки!

А когда въ 1916 году добровольцевъ запретили и ужъ больше перестали принимать, Турка бросилъ мѣсто — а мѣсто онъ занималъ важное въ Сибирскомъ Банкѣ — и наперекоръ всякимъ запретамъ, опять пошелъ добиваться.

И приняли-таки, добровольцемъ угнали въ Финляндію — Турка торжествовалъ! Турка готовился принять бой! — но тутъ произошла революція, товарищи Турки, и не сговариваясь, тихо и смирно кончили войну и разбѣжались по домамъ.

И Турка кончилъ войну и вотъ появился —

При открытіи первой Государственной Думы Турка, чтобы пробраться посмотрѣть поближе, взялъ извозчика и поѣхалъ. А тамъ около Таврическаго дворца ждали членовъ и, когда замѣчалъ кто особенно чтимыхъ, выкрикивалась фамилія и всѣ вразъ бросались къ извозчику или къ автомобилю, вытаскивали и качали.

Въ сухопаромъ Туркѣ былъ опознанъ Максимъ Максимовичъ Ковалевскій, и Турку качали при всеобщемъ одобреніи и при дружномъ крикѣ:

«Да здравствуетъ Максимъ Максимовичъ!»

И теперь при возвращеніи изъ Финляндіи повторилось съ Туркой тоже недоразумѣніе: когда подошелъ поѣздъ, Турка не безъ робости выглянулъ изъ вагона, собираясь тихонько путями не черезъ вокзалъ пробраться на улицу, но къ великому изумленію увидѣлъ на платформѣ огромную толпу, устремленную какъ разъ къ его вагону.

Въ Туркѣ опознанъ былъ извѣстный Барладьянъ, Алексѣй Георгіевичъ, котораго ожидали изъ Женевы.

Турку вытащили изъ вагона — Турка цѣпкій, сопротивлялся, не помогло! — и на рукахъ понесли черезъ весь вокзалъ къ автомобилю, окруженному сочувствующей толпою.

Но что всего чуднѣе, Туркѣ говорили привѣтственные рѣчи.

Турка по восточному прикладывалъ руку то ко лбу себѣ, то къ сердцу, держась золотого молчальнаго правила.

Но въ концѣ концовъ вынужденъ былъ нарушить и сказать единственный стихъ по-турецки, единственно, что зналъ турецкаго изъ Микаэля Теръ-Погосяна:

айда илда
бай байрымъ
аква уйма
чипіимъ

акалчигенъ
сенъ алдынъ
чойма сакла
чипіимъ

Всѣ остались очень довольны и подъ крики: «Да здравствуетъ тов. Барладьянъ!» — отвезенъ былъ Турка прямо въ Таврической дворецъ.

— Только воспользовавшись нуждой, удалось сбѣжать, но съ фуражкой пришлось разстаться.

Тутъ Турка вдругъ сталъ на колѣни —

Тысячи-и-одна-ночные глаза его наполнились слезами и, по восточному прикладывая руку то ко лбу себѣ, то къ сердцу, онъ повинился, что на демонстраціи самъ онъ не былъ, а только слышалъ.

Я видѣлъ, тысячи-и-одна-ночная душа его рвется прямо подъ черный флагъ —

— — я спросилъ: какъ же ихъ хоронять?
— а хоронять такъ: на носъ мокрую тряпку, а ѣдятъ они черный хлѣбъ съ молокомъ.

IX

ЛЕНИНЪ ПРИѢХАЛЪ

12, 13, 14, 15 апрѣля — разговоръ одинъ слышишь, у всѣхъ одно:

— о Ленинѣ.

Забыли Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, грозу и страхъ, забыли Чхеидзе, председателя Совѣта — все пропало,

— одинъ Ленинъ

— Ленинъ приѣхалъ, ну теперь начнется!

— Что-то будетъ: Ленинъ приѣхалъ!

Ленинецъ — вотъ что стало грозою и страхомъ,
— большевикъ.

Въ трамваѣ насторожились.

И не знаю, за что, а должно быть видъ у меня такой, ѣхалъ я тихо, а меня хотѣли вывести.

— Такихъ надо за шиворотъ тащить! — кричала какая-то дама.

Вотъ ужъ подлинно, у страха глаза велики.

— Если Ленинъ отъ Болотникова, Блейхманъ отъ атамана Хлопка, — сказалъ Иванъ Александровичъ, переводя событія современные на Смуту XVII вѣка.

А сегодня нашъ швейцаръ заявилъ, что онъ тоже большевикъ:

— Мое социальное убеждение такое, что каждый должен помереть на своей собственной постели.

★

20-го апреля.

— — мне надо было на Невский, вскочил я в трамвай и поехал.

И все ничего. Заглядывали с любопытством на волю: обгоняли трамвай броневики — солдаты с винтовками.

Но не вѣрилось, чтобы произошло что-нибудь — февральской тревоги не было.

Возле Зимнего дворца трамвай остановился.

И я увидѣлъ тотъ нашъ Финляндскій полкъ, который пугалъ меня 27-го перекатывающимися шариками — стрѣльбой неугомонной.

*Вся власть советамъ!
Безъ аннексій и контрибуцій!
Да здравствуетъ миръ между народами!
Долой Милюкова!
Храните юную свободу!*

Плакаты — надписи несли высоко надъ головами — всѣмъ видно:

— Вотъ, подлецы, Ленина имъ надо!

— Началось! При чемъ Милюковъ?

— А вы читали, что сказалъ Милюковъ?

— Что жъ онъ сказалъ?

— Война безъ конца.

— Не безъ конца, а до побѣднаго конца.

— Я не русскій, но мне вчужѣ стыдно за Россію: что у васъ дѣлается!

— Вонъ — вонъ изъ вагона!

Поднялся шумъ: кричалъ и рабочій, кричалъ и господинъ, кричала и дама — одни заступались за иностранца-офицера, другіе поддерживали рабочаго.

— Уходите! Сейчасъ стрѣлять будутъ!

Милиціонеръ вошелъ въ вагонъ и кончилъ всѣ споры.

Пришлось вылѣзть.

Демонстрація шла по Невскому — —

*Вся власть советамъ!
Безъ аннексій и контрибуцій!
Да здравствуетъ миръ между народами!
Долой Милюкова!
Храните юную свободу!*

Часа черезъ два, когда все окончилось и безъ всякой стрѣльбы, я возвращался домой.

Трамвай биткомъ набить.

Какая-то простая женщина жаловалась на солдатъ.

— Вино грабили солдаты!

— Это не можетъ быть, солдаты!

— Какъ же не солдаты, сама видѣла: родной племянникъ.

— Нѣтъ, такъ нельзя! — рабочій, повернулся къ солдатамъ, — Щегловитовъ сидитъ въ Петропавловской крѣпости, а Милюковъ съ нимъ чай будетъ пить. А намъ надо такого, чтобы со мной пилъ.

*Вся власть советамъ!
Безъ аннексій и контрибуцій!
Да здравствуетъ миръ между народами!
Долой Милюкова!
Храните юную свободу!*

Много говорили и пугали.

Но у меня не было того чувства, чтобы совершилось что-нибудь, произошелъ бы сдвигъ.

Что-жъ, долой Милюкова, а кого на мѣсто Милюкова — —

И какъ была война, такъ война и останется.

И опять начнется — опять финляндскій полкъ — опять «долой» — —

— Ленинъ возьметъ верхъ, посмóтрите! — сказала С. П.

Но этому никто не вѣрилъ.

✱

— — какая-то женщина обираетъ билетки: по билету что хочу, то и спрошу.

— кѣмъ я былъ?

и сейчасъ же отвѣтъ мнѣ готовъ:

— родился въ Скандинавіи въ 1561 году, а имя Сергѣй.

Х

СТАЛЬ И КАМЕНЬ

Были у Вѣры Николаевны Фигнеръ.

Затѣваетъ она сборникъ «Гусляръ».

Я ужъ разъ ее видѣлъ на первомъ скифскомъ собраніи въ январѣ у С. Д. Мстиславскаго.

Закалъ въ ней особенный, какъ вылитая.

Или такъ: одни по душѣ какіе-то рыхлые, какъ будто приросшіе еще къ вещамъ, и шагъ ихъ тяжелый, идутъ, будто выдираются изъ опута, другіе же, какъ сталь — холодной сферой окружены — и въ этой стали бьется живая воля, и эта воля можетъ быть безпощадна.

Я чего-то всегда боюсь такихъ.

Или потому что самъ то, какъ кисель, и моя воля — не разлучна.

И мнѣ надо какъ-то слова разставлять, чтобы почувствовать, что слова мои проникаютъ и черезъ эту холодную сферу.

Какъ-то весной еще до войны въ Сиренско-Терецинковскій періодъ жизни нашей провожалъ меня Блокъ и разговорились мы какъ разъ о такомъ вотъ, — очень помню, на Троицкомъ мосту, начиналась бѣлая ночь.

— Не представляю себѣ, какъ вы можете разговаривать, напримѣръ, съ Брюсовымъ?

Блокъ это понялъ хорошо.

Но Вѣру Николаевну я больше слушалъ и старался отвѣчать по-человѣчески, а это было очень трудно, и выходило очень глупо.

Вѣру Николаевну я слушалъ и смотрѣлъ такъ, какъ на живую память.

Вѣдь съ ней соединена цѣлая исторія русской жизни — совсѣмъ недоступная моей душѣ сторона, выразившаяся для меня въ имени — 1 марта.

Я это всегда представлялъ себѣ — отъ убійства до казни — какъ сквозь густой промозглый туманъ, по спинѣ отъ зяби мурашки и хочется, чтобы было такъ, если бы можно было вдругъ проснуться.

И не это, а неволя — Шлиссельбургская крѣпость — долгіе одиночные годы смотрѣли на меня, и я не могъ

повѣрить, — такое терпѣніе, такая крѣпь! — и вѣриль.

Вѣра Николаевна предлагала намъ на лѣто ѣхать къ ней — въ Казанскую губернію.

И я видѣль: деревенскія вѣсти тревожатъ ее — въ деревнѣ кавардакъ.

Узналъ изъ газетъ, что пріѣхаль Савинковъ.

А сегодня днемъ на звонокъ отворяю дверь — Савинковъ.

Сколько лѣтъ не видались. Въ послѣдній разъ въ 1906 году весной, передъ Севастополемъ — — А все такой же, нѣтъ, еще каменнѣе, а глаза еще невиднѣе, совсѣмъ спрятались.

Разговорились о стихахъ — Борисъ Викторовичъ стихи писать сталъ, — о поэтахъ, о Маяковскомъ, о Кузминѣ.

А я все хотѣль спросить: помнить ли онъ, какъ еще въ Вологдѣ однажды я вотъ, какъ теперь, этотъ вопросъ:

«Революція или чай пить?»

Поняль ли онъ — двадцать лѣтъ прошло! — что меня тогда мучило?

Въ Вологдѣ, гдѣ было такъ тѣсно, я чувствовалъ въ себѣ, какъ и теперь, этотъ упоръ —
быть самимъ собой.

И я не спросилъ, — такъ стихами и кончили.

А съ Савинковымъ мнѣ легче говорить — или потому, что много переговорено за вологодскую жизнь?

А еще легче — вспоминаю теперь — съ Каляевымъ.

Помню навсегда, какъ Каляевъ цвѣтовъ мнѣ при-

несъ, и это тогда, какъ за «чай» то мой поперечный очутился я и въ тѣснотѣ, и совсѣмъ одинъ.

А ужъ совсѣмъ мнѣ легко съ Шестовымъ и Розансовымъ.

XI

И ЗАБОТЪ

Вешній Никола отдарилъ.

На Николинъ день по всей Россіи прошель снѣжный ураганъ.

Пріѣзжалъ Гржебинъ — онъ печатаетъ мою книгу «Николины Притчи», въ ней собраны русскія легенды о Николѣ.

А Никола — это нашъ русскій народный богъ.

И до чего странно и дико — такую русскую книгу ни одинъ русскій издатель не принялъ — всѣ отказали, и одинъ единственный не отказалъ Зиновій Исаевичъ.

Я смѣялся:

— Еврей принялъ русскаго Николу, а русскіе отшвырнули своего Николу сапогомъ.

А Зиновій Исаевичъ раскладывалъ по столу, какъ камушки раскладываютъ, чехонинскія картинки — тончайшія сплеты въ буквенную Николину ризу.

— Зиновій Исаевичъ, и васъ и вашихъ дѣтей любимыхъ Никола оградить, есть такой старинный апокрифъ, не дастъ въ обиду...

— Ну, а какъ вамъ эта буква?

Гржебинъ, какъ камушкомъ уральскимъ, игралъ буквой чехонинской, нарисованной бѣличьей кисточкой.

Въ домѣ у насъ бѣда: захворала С. П.

И вотъ ужъ недѣля въ тревогахъ и заботахъ.

Смутно и больно.

Не дай Богъ! и здоровому-то «безъ дѣла» трудно, а захвораешь — — въ этомъ вихрѣ-то безпощадномъ, вѣдь, всѣ какъ ослѣпли.

25-го мая.

Пошелъ посмотрѣть на Невскій — «Заемъ свободы».

Бѣдно что-то очень и призывы незвучны.

Нѣтъ, слово «война» — пугало и даже свободой не украсишь.

— Ишь, нарядились! — слышу изъ толпы голосъ.

Нѣтъ, этого народъ не одобритъ.

И мнѣ чего-то неловко за знакомыхъ, которыхъ я видѣлъ въ процессіяхъ, наряженныхъ невесело.

Звонилъ Блокъ.

Говорили о «Новой Жизни», о Горькомъ.

— Горькій правильно, только путанно, — сказалъ Блокъ.

На углу 15-ой линіи и Средняго агитаторъ—за кого не знаю, а выбираютъ въ Городскую думу.

— Спиртъ безъ книжекъ, хлѣбъ безъ очереди, сахаръ безъ карточекъ.

И до чего это всѣ партіи звѣрски; у каждой только своя правда, а въ другихъ никакой, вездѣ ложь.

И сколько партій, столько и правдъ, и сколько правдъ, столько и лжей.

И, какъ вотъ сейчасъ, идутъ выборы, и если всѣхъ послушать, и ужъ никакой правды не сыщешь: всякій все общаетъ и одинъ другого лаеетъ.

А ничего не подѣлаешь: радоваться нечему, но и горевать не къ чему —

А вѣдь это-жъ жизнь: кто кого? чья возьметъ? — въ этомъ все и удовольствіе жизни.

Да, «безъ дѣла» бѣда.

Смотрѣлъ я на агитатора: живетъ, живъ, счастливый человекъ.

— Спиртъ безъ книжекъ, хлѣбъ безъ очереди, сахаръ безъ карточекъ.

Помню, когда началось, въ какомъ я былъ волненіи: отвѣтственность, которую взялъ на себя русскій народъ, и на мнѣ, вѣдь, легла тысячепудовая.

Что будетъ дальше, сумѣютъ ли устроить свою жизнь — Россію! — столько думъ, столько тревогъ за Россію.

Душа, казалось, выходитъ изъ тѣла — такое напряженіе всѣхъ чувствъ.

Третій мѣсяць революціи.

И отъ напряженности вздыга всѣхъ моихъ чувствъ я какъ весь обнаженъ.

Совѣсть болитъ —

По другому не знаю, какъ назвать мучительнѣйшее изъ чувствъ: все дурное, что сдѣлалъ людямъ, до мелочей, до горькихъ нечаянныхъ словъ, все вспоминаю.

И жалко всѣхъ.

Вотъ ужъ никакой стали, никакого желѣза — весь мѣръ, всѣ вещи какъ слились со мной, прохожу черезъ труды, отрываясь, протискиваюсь, и за мной тянется цѣлый хвостъ, а къ рукамъ отъ плечъ и до пальцевъ тяготятъ тягчайшія крылья и мое сердце стучитъ, какъ тысяча сердець всего живого отъ человѣка до «бездуш-ной» вещи.

И мнѣ жалко всѣхъ.

Поздно вечеромъ возвращался я домой по Среднему проспекту.

Сумерки бѣлой ночи — фонари кое-гдѣ зажгли.

Шель я быстро, торопился домой.

По слѣпотѣ не разъ натыкаясь на встрѣчныхъ, всматривался, чтобы быть осторожнѣй.

И вдругъ вижу: на меня прямо какая-то груда.

И наткнулся.

И ясно, какъ только могутъ вдругъ близорукие, я все различилъ.

Замухрыстый солдатенка — шинель въ накидку — и съ нимъ, шинелью прикрывалъ онъ, дѣвочка лѣтъ двѣ-надцати.

Они переходили на ту сторону — къ банямъ.

. . . . .

Еще сумернѣе становилось, отъ рѣдкихъ фонарей слѣпѣе, еще чаще натыкался я, совсѣмъ плохо различалъ дорогу.

Но какъ ясно я видѣлъ:

Я видѣлъ наваливающуюся на меня груду — плюгащій солдатенка и, совсѣмъ какъ стебель, дѣвочка, прикрытая шинелью.

ОТПУСКЪ

Передь нашимъ отъѣздомъ въ концѣ мая, — а мы рѣшились ѣхать на лѣто въ Б. — поѣхали къ В. В. Розанову прощаться.

Сопровождалъ насъ И. С. Соколовъ-Микитовъ: подь его глазомъ вечеромъ не такъ опасно.

Первое знакомство съ Розановымъ въ 1905 г. на Шпалерной и вотъ теперь опять на Шпалерной, только не та, другая квартира, и, какъ оказалось, въ послѣдній разъ.

Пошли мы къ нему прощаться — такое время: уѣдешь, а вернешься и не застанешь, или уѣдешь и самъ не вернешься, и не потому, что бы не хотѣлъ —

Не хорошо, бѣгутъ изъ Петербурга, — началось это съ годъ — побѣжали отъ страху: нѣмцы придуть! А теперь: революціи страшно — надвигается голодъ,

Глупые! развѣ можно убѣжать — отъ судьбы никуда не уйти.

Дома застали Василя Василіевича и Варвару Димитріевну.

А дѣтей не было: уѣхали куда-то — пустое гнѣздо.

В. В. отдыхалъ, подождали, посидѣли съ Варварой Димитріевной.

А скоро и вышелъ, и какой-то, точно послѣ бани, чистый: это В. Д. ему сказала, чтобы не въ халатѣ, принарядился.

Очень озабоченный и игры этой не было розановской.

Конечно, злободневное сначала, безъ этого не обойдешься, и, конечно, по русскому обычаю, съ осужденіемъ — о правительствѣ само собой — «временное правительство».

В. В., какъ немногіе, правильно произносилъ, на послѣднемъ ударяя: временное, а не временное, какъ языкомъ чесали.

— Временное правительство подъ арестомъ.

Вѣдь, какое бы ни было правительство и самое ангельское, все равно будетъ оно всегда осуждаемое, все равно, какая бы ни была власть, а какъ власть — ярмо.

А человекъ въ ярмѣ, — человекъ брыкливъ.

И только закоренѣлый рабъ и скотъ радъ уздѣ — ярму.

О временномъ правительствѣ, о псевдонимахъ, которые верховодятъ.

— Подпольная Россія на свѣтъ вышла.

И о темнотѣ народной и теми солдатской, и о Ленинѣ — о plombированномъ вагонѣ, и о дворцѣ Кшесинской, и о дачѣ Дурново, гдѣ засѣли анархисты.

Ну, все, что говорилось въ тѣ первые три мѣсяцы революціи.

На этомъ политика кончилась.

В. В. показывалъ монеты — свое любимое, говорилъ и о египетской книгѣ — свое завѣтное.

И о нездоровьѣ — раньше никогда — прихварывать сталъ, склерозъ! — и о докторѣ Поггенполѣ, на котораго вся надежда.

Пили чай, хозяйничала Варвара Димитріевна, какъ всегда, какъ и въ 1905 г., хоть и не то — вотъ кто изболѣлъ за эти годы!

Чай примирилъ и успокоилъ.

И не будь нездоровья, В. В. пошелъ бы посмотрѣть — въ 1905 году куда не ходилъ! — а теперъ куда еще любопытнѣй.

Я рассказалъ о вечерѣ: устраивается на островѣ такой съ лозунгомъ танцевальный:

*Будемъ съять незасѣянную землю
подростки бесплатно
дамы — 50 коп.*

На минуту игра, какъ лучъ, — лукавый глазъ.

Сколько-бъ было разгово́ру: сѣмя — сѣменная тайна —

И опять погасло, глубокая забота.

— Мы теперъ съ тобой не нужны.

И сначала брыкливо, потомъ горько, а потомъ покорно:

— Не нужны.

И покорно, и тяжело, и убѣжденно, словно изъ-подъ дна вышло, послѣднее — приговоръ и отпускъ.

Варвара Димитріевна тоже очень беспокоится: сталъ В. В. прихварывать, — все можетъ случиться.

— Докторъ говорить...

И какъ это несоединимо — человѣкъ всю свою жизнь о радости жизни — о сѣмени жизни — о жизни —

— Докторъ говорить, сосуды могутъ сразу лопнуть и конецъ.

Такъ и простились.

Отъ Троицы-Сергѣя получили мы отъ Розанова Апокалипсисъ — нѣсколько книжечекъ съ надписью, но ужъ увидѣться намъ не пришлось.

★

Я долго все поминаль:

«не нуженъ... мы съ тобой ненужны».

Какъ! Розановъ не нуженъ?

Теперь, въ этой вскрути жизни, мечтавшій всю жизнь о радости жизни?

Розановъ или тысяча тысячъ вертящихся палочекъ?

— Человѣкъ или стихія?

— Революція или чай пить?

А! безразлично! — стихіи безразлично: вскрутить, попадешь — истопчетъ, смететь, какъ не было.

Вскруть жизни — революція — — и благослови ты всю жизнь, всѣ сѣмена жизни, ты одинъ въ этой крути безъ защиты и тебѣ крышка.

Такъ Розанова и прикрыли.

Розановъ, собирающій окурки на улицѣ!

Что же еще прибавить — — развѣ для некурящихъ!
— тутъ все лицо и слѣпому ясно.

И прикрыли.

— А зачѣмъ, — скажутъ, — повернулся спиной, отвергъ революцію?

— Отвергать революцію — стихію — — какъ можно говорить, что вотъ ты отвергаешь грозу, не признаешь землетрясенія, пожара или не принимаешь весну, зачатіе?

И мнѣ слышится голосъ отверженного и прикрытаго, и этотъ голосъ не жалоба, не проклятіе, голосъ человѣка о своемъ правѣ быть человекомъ:

— одно хочу я, разъ ужъ такая доля и я застигнуть бурей, и я, беззащитный, брошенный среди беспощадной

бури, я хочу подъ громъ грозы и гремящіе вихри, самъ,
какъ вихрь, наперекоръ —

*прилетайте со всѣхъ странъ!
вертящіяся, крутитесь, взлетайте
живите, живитесь
соединяйтесь!*

— я свободный — свободный съ первой памяти моей,
и легкокъ, какъ птица въ лётѣ, потому что у меня нѣтъ
ничего и не было никогда, только это вотъ — еще цѣла
голова! — да слабыя руки съ крѣпкими упорными паль-
цами —

*прилетайте!
соединяйтесь!*

— я наперекоръ взвиу тѣснящихся вещей, съ которыми
срощень, какъ утробный, продираясь сквозь живую,
бьющуюся живымъ сердцемъ толчею жизни, я хочу этой
же самой жизни, черезъ всѣ ея тысячекратные громы
подъ хлѣсть и удары въ отдаръ —

прокукурекать пѣтухомъ.

1917—1922 22/V1

Charlottenburg

ВОСПОМИНАНІЯ О БЛОКѢ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Петербургъ

ЖИЗНЬ ВЪ МОСКВѢ

По прїѣздѣ изъ Шахматова, распростившись съ С. М. Соловьевымъ, поѣхалъ въ имѣніе «Серебряный Колодезь»; хотѣлось остаться съ собою самимъ; и А. А. писалъ рѣдко; и я писалъ рѣдко ему; мнѣ запомнилось прочно одно лишь письмо¹⁾; въ немъ звучала глубокая грусть; а — разстались мы ясно; подъ дымкой предчувствія были написаны тихія строчки, въ которыхъ почуялось мнѣ опасеніе за какое-то будущее, угрожающее; въ это время видѣлъ я сонъ: А. А. явился передо мной, занесенный туманомъ; Л. Д. вижу явственно: блѣдную, въ черномъ обтянутомъ платьѣ, которое появилось чрезъ два только года на ней.

Пребываніе въ Шахматовѣ отразилось во мнѣ напряженіемъ, закипающей внутренней жизнью, желаніемъ сказать еще разъ зорямъ — «да»; мнѣ запомнилась ширь уже сжатыхъ полей; и — пологіе склоны овраговъ; въ то время усиленно занимался я Гефдинггомъ, чтеніемъ «Метафизики» Вундта и «Психологіи» Джемса; я такъ же внимательно перечитывалъ «Критику» Канта, перерабатывая свое прежнее отношеніе къ Канту, готовилъ эскизъ для введенія въ книгу, которая выросла въ сознаниі; эскизъ

¹⁾ Моя переписка съ А. А. сохранилась.

напечатанъ былъ въ «Новомъ Пути» (тутъ же, вскорѣ) — «О цѣлесообразности»; принципы цѣлесообразности я объясняю изъ образовъ переживанья, которое — цѣльно; все символическое есть цѣльное; цѣль — абстракція цѣлаго; цѣль есть то самое, что во мнѣ подымаетъ переживаніе цѣнности; отъ цѣлевого абстрактнаго взгляда на жизнь мы должны перейти въ область праксиса; философія практическаго идеализма вставала во мнѣ; мнѣ казалось, что я подошелъ къ пониманію мифологемы, построенной въ Шахматовѣ; «Lapa» — былъ мной понятъ.

Въ переживаньяхъ сознанья — дана достовѣрность; сознаніе — растяжимо; предѣлъ достовѣрности — то же; само воспріятіе — лишь зависимая переменная переживанія; видимость — переменная воспріятій, а чувственность — переменная видимости. Эта вѣра въ твореніе цѣнностей жизни вдохнулась мнѣ Шахматовымъ (точно мы сотворили тамъ Новую Жизнь); окончательный символъ дается въ прообразахъ, въ цѣнностяхъ; нашъ треугольникъ и «око» межъ нимъ для меня сталъ прообразомъ чаемой, окончательной жизни, приподымающей Человѣчество, или Ее. «Въ этомъ смѣслѣ Она», писалъ я, «есть Честнѣйшая Херувимъ». Человѣчество бралъ я по Канту, оригинально толкуемаго Соловьевымъ (Владиміромъ): «Выводы... философіи заставляютъ разсматривать человѣчество, какъ живое единство»... И — «Соловьевъ отождествляетъ... тотъ культъ (человѣчества)... съ культомъ Мадонны». Тутъ мнѣ представлялось такъ ясно: Петровскій, и я, и С. М. — культъ открыли: возженіемъ ладана передъ Мадонной — въ Москвѣ; но возженіе ладана было лишь символомъ ладана душъ, вознесеннаго въ ласковость

«шахматовскихъ» закатовъ; да, въ «шахматовской» зарѣ мнѣ почуялась эра; и да, Теократія, — зналъ я, придетъ, будетъ; мы Ее — начинаемъ; эскизъ заключалъ парадоксомъ:

nous voulous être positivistes,
nous devons poser l'Être.

Эта формула — прежде дана: философіей католицизма Росмини; съ Росмини я не былъ знакомъ; я указывалъ: «Образуется... рыцарскій орденъ, не только вѣрящій въ утренность своей звѣзды, но и познающій Ее»¹⁾). Предполагалось, что орденъ — сложился: три рыцаря ордена — я, А. А. Блокъ и С. М. Соловьевъ. Развѣ не были глупы мы? Мнѣ, прочитавшему Канта, натуралисту, — не стыдно ли было кидаться въ волну безпросвѣтной романтики? Нѣтъ: не осуждаю себя:

Бросай туда, въ мое бывшее,
Въ мои потопные года, —
Мое рыдающее горе,
Свое сверкающее: «да»!
Невыразимая Осанна,
Неотразимая Звѣзда:
Ты — откровеньемъ Юанна
Приоткрывалась: навсегда.

Сдѣлалъ выписки изъ очень вялой статьи, потому что она въ моихъ замыслахъ открывала дорогу другимъ, не написаннымъ мною; хотѣлъ агитировать я: проводить философію Духа, иль — «Третій За-

¹⁾ См. „О цѣлесообразности“ („Арабески“).

въ тѣхъ»; то писалъ не А. Бѣлый: «Lara» написалъ все; шуточные гротески о «б л о к о в ц а х ъ» я задумалъ нешуточно обосновать; и — наткнулся на трудности справиться съ логикой, бросившія меня прямо къ Канту; отъ Канта же къ Рилу; отъ Рила же — къ Риккерту; такъ уткнулся я въ Риккерта, выгрызая старательно за страницей страницу изъ «Gegenstand der Erkenntniss», исписывая вереницы листовъ (всѣ — потеряны) пролагающихъ путь — отъ Риккерта къ... къ... «Lara'у».

Между тѣмъ осеннѣло, златѣло, шуршало сухимъ листопадомъ; стояла закаты разъявшая осень; какъ часто въ то время я забираюсь въ поля; и — часами, присѣвъ на снопахъ, — дорабатываюсь до собственнаго посвященія въ жизнь: дорабатываюсь до эмблематики смысловъ (написанная «Э м б л е м а т и к а С м ы с л а» — осколокъ системы, возникшей въ тѣ мѣсяцы), до философской поэмы моей, восхваляющей наши сидѣнія въ Шахматовѣ и воспѣвающей въ Философїи — тайны Софїи.

Уже вѣяло златолистіемъ; сжатые нивы пылѣли; металась по вѣтру метелки польни да колко-малиновые помпоны татарниковъ. Съ матерью въ эти дни мы задумывали поѣздку съ Саровъ; близъ Сарова, въ обители Серафимо-Дивѣвской проживала монашкой сестра Алексѣя Сергѣевича Петровскаго уже нѣскольکو лѣтъ; она прїющила его почитанію Серафима; зачитывались мы записками Серафимо-Дивѣвскаго монастыря; и живыя традиціи Серафима влагались въ душу; прообразомъ чаемой жизни звучалъ мнѣ Саровъ, этотъ явленный многимъ паломникамъ Китежъ; мнѣ помнится, что въ сентябрѣ изъ Серебрянаго Колодца (имѣнія нашего) ѣдемъ мы съ матерью къ соснамъ Сарова, къ источнику Серафима.

Саровъ оставляетъ въ душѣ моей ноту какого-то гложущаго разочарованья: грубость монаховъ, открыто построившихъ благополучіе жизни на слухахъ о чудесахъ, шесть гостиницъ, наполненныхъ людомъ, все это осталось какимъ-то базаромъ; но сосны Сарова и прядающій животворный источникъ, остались въ памяти. Наоборотъ: проведенные миги въ Дивѣевѣ, впечатлѣніе отъ монашекъ и впечатлѣніе отъ разговора съ сестрою Петровскаго, милой Еленой Сергѣевной, посвятившей себя по окончанію гимназіи Фишеръ суровому, монастырскому подвигу, великолѣпные окрестности и канавка, прорытая самимъ Серафимомъ вокругъ монастырской обители, не имѣющей стѣнъ, — до сихъ поръ въ моей памяти ясны, свѣтлы. Переживанія Шахматова, воскуреніе ладана предъ статуэткой Мадонны связались въ сознаніи моемъ съ днемъ дивѣевской жизни; Дивѣево по преданью находится подъ особеннымъ покровительствомъ Богородицы.

Помню: осенью вышли впервые стихи А. А. Блока въ книгоиздательствѣ «Г р и ф ъ»; вѣроятно читателю бросилась бы въ глаза немотивированная отмѣтка на книгѣ: «Разрѣшено Цензурою. Нижній Новгородъ». Книга же вышла въ Москвѣ. Нижегородская цензура ее разрѣшила къ печати; боялись мы всѣ, что московскіе цензора кое-что могутъ вычеркнуть въ книгѣ, или, что хуже всего: могутъ книгу отдать для просмотра духовной цензурѣ; чтобы спасти цѣлость книги, ее мы послали Э. Метнеру, почитателю поэзіи Блока. Э. Метнеръ капризною волей судьбы занималъ мѣсто цензора въ Нижнемъ, которое вскорѣ онъ бросилъ, охваченный революціонной волной; такъ желаніемъ сохранить текстъ нетронутымъ объясняется эта отмѣтка на книгѣ.

СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЪ

Когда говоришь о поэтѣ, то говоришь о центромъ его образѣ, о миѣ сердца его и о миѣахъ, съ нимъ связанныхъ, требующихъ огромнаго комментарія; если бы мы могли разложить эти миѣы на мысли, то каждый «м и ѳъ» Блока потребовалъ тома бы.

Говорить мнѣ о внутренно-ясномъ и сложно-неясномъ во внѣ — не могу; и заранѣе общаю, что многое въ моихъ темахъ касанія Блока покажется образнымъ, т. е. разсудку неяснымъ: вѣдь ясная мысль не совпадаетъ конечно же съ ясностью разсудочной мысли; порой ясно мыслить — навѣрное, быть обреченнымъ къ неясному выраженію, т. е. отчетливо знать, что вотъ здѣсь, на примѣръ, должна кончиться ясность; и — выступаетъ изъ-подъ нея темный смыслъ (для разсудка) — все-жъ ясный, когда мы положимъ его въ наше сердце, и онъ въ нашемъ сердцѣ заяснится процвѣтающимъ образомъ; выждать, чтобы образъ созрѣлъ, не кромсать его въ сердцѣ разсудочными опредѣленіями, — это значить: быть яснымъ.

Блокъ — нашъ національный поэтъ; его участь — всѣмъ нравиться безъ объясненія, чѣмъ онъ намъ нравится; объясненія — периферичны; и пониманье у м о м ѣ не покрываетъ глубины сердечнаго взятія; Пушкинъ понравится 12 лѣтнему гимназисту: и ему, уже ставшему сорокалѣтнимъ; сорокалѣтній, быть можетъ, впервые, сознаетъ природу поэзіи Пушкина; но — такъ ли сознаетъ, какъ гимназистикъ? Многие не пережили в т о р и ч н а г о соприкосновенья съ поэтами; и — остаются при «г и м н а з и ч е с к о м ѣ» пониманіи поэзіи ихъ; всѣ оцѣнки, диктуемая такимъ пониманіемъ, — плоски; не убраны здѣсь предрасудки сознанія; не попадаетъ поэтъ въ наше сердце.

Поэту намъ надо подставить, какъ чашу, сознание наше; и ждать, иногда очень долго, чтобы струя его жизни дѣйствительно пролилась въ насъ; поэтъ долженъ въ насъ пережить себя; мы должны наблюдать «его» жизнь въ нашемъ сердцѣ; на основаніи лишь такого конкретнаго наблюденія изъ насъ прѣростають сужденія о музѣ его.

Понять Гете — понять связи «Фауста» со свѣтовою теоріей; понять Блока — понять связь стиховъ о «Прекрасной Дамѣ» съ «Двѣнадцатью»; внѣ этого пониманія — Блокъ партійно раскромсанъ и развѣ что отражается въ односторонней политикѣ, которую онъ самъ называетъ «маркизовой лужей». Не отдать Блока «лужѣ» — пройти въ его міръ, гдѣ одинъ за другимъ изъ ствола поэтической жизни, какъ вѣтви, росли его миры; и тутъ упираемся мы въ первообразъ его: тутъ «Прекрасная Дама» встаетъ.

Все, написанное о Ней — полно пошлости, плоскости; видѣть въ Ней стиль и романтику среднихъ вѣковъ, послѣ смытую реальными, гражданскими темами, — непониманіе Блока; увидѣть въ «Ней» сказку, пріятную намъ, — непониманіе тоже. «Прекрасная Дама» непроницаема безъ вольфильства, безъ вольнаго философствованія; въ Ней — огромная, философская тема; и Блокъ въ этой темѣ конкретный философъ, то-есть не тотъ кто штудируетъ серіи теоретическихъ книгъ — а тотъ, именно, кто своимъ переживаньемъ во плоти загадываетъ философскую тему.

Понять философскую, или вѣрнѣй, антропософскую тему его безъ узнанія импульсовъ, одушевлявшихъ сознанія лучшихъ русскихъ 1900—1901-ыхъ годовъ — невозможно; національные поэты суть органы дыханія коллективовъ (большихъ или малыхъ не все ли равно);

мы отмѣтили его связь съ Соловьевымъ; она — не случайна.

Начало девятисотыхъ годовъ и конецъ девяностыхъ — огромное, переломное время: всѣ кризисы, которые переживаемъ мы нынѣ, — начало свершенія перелома, уже наступившаго въ 1901 году; очень многія русскія души такъ встрѣтили этотъ годъ; Блокъ явился вождемъ ихъ. Въ періодѣ времени написанья стиховъ: «*Amte Lucem*» устремленія художниковъ и мыслителей пересѣкались въ темномъ, въ до-свѣтномъ; господствовалъ — пессимизмъ; небытіе — разливалось; тогда Александръ Александровичъ изъ себя выговаривалъ время, до-свѣтное время: «Пусть свѣтитъ мѣсяць — ночь темна», «Ночь распростерлась надо мною», «На завтра новый день угрюмый еще безрадостный взойдетъ», «Мнѣ снилась смерть», «Земля мертва, земля уныла»..., «Я старъ душой. Какой-то жребій черный — мой долгій путь», «И самъ покой тоскливъ, и насъ къ землѣ гнететъ безсильный трудъ, безвѣстная утрата»... «Стала душа, пораженная комомъ холодной земли»; никакой еще Ея (съ большой буквы) на горизонтѣ сознанья А. А. не подымается вовсе; все женственное, что мы встрѣчаемъ въ строкахъ, сосредоточено вокругъ темы Офеліи, земной дѣвушки. Такъ 23 декабря 1898 года онъ пишетъ:

Но ты, Офелія, смотрѣла на Гамлета
Безъ счастья, безъ любви...

А 8 февраля 1899 года опять пишетъ пѣсню Офеліи;
28 мая 1900 года опять поминаетъ Офелію онъ:

Мои грѣхи въ твоихъ святыхъ молитвахъ,
Офелія, о нимфа, помяни.

Мы уже знаемъ, что образъ Офеліи связанъ для Блока съ его ранней юностью, когда онъ, гимназистъ, игралъ Гамлета; роль Офеліи исполняла Л. Д., будущая невѣста А. А.

Лишь 29 июля 1900 года, сейчасъ же послѣ кончины Владиміра Соловьева подымется первая тема Софіи у Блока. Офелія исчезаетъ въ строкахъ:

То В ѣ ч н о - Ю н а я прошла
Въ неозаренные туманы.

Въ слѣдующемъ по времени стихотвореніи, помѣченномъ 22 сентябремъ 1900 года — опять В ѣ ч н о - Ю н а я («О н а» съ большой буквы):

И въ одинокомъ поклоненіи
Позналъ я истинность Твою.

25 Ноября въ томъ же году опять обращеніе къ Ней:

Я ждалъ Тебя. Я духъ къ Тебѣ простеръ.
Въ Тебѣ — спасенье.

Офеліи — нѣтъ.

А въ 1901 году раскрывается во всей силѣ Ея озаренье для Блока. «Ея» — не называетъ въ началѣ никакъ онъ; «О н а» — не имѣетъ ни образа, ни подобія. «О н а» есть «О н а».

«Ты—лучезарное видѣнье», «То—В ѣ ч н о - Ю н а я», «И Ты вдали», «Я ждалъ Тебя». Сначала «О н а» для него безъ-эпитетна и безъ-об-

разна. Первое болѣе внятное опредѣленіе Вѣчно-Юной: Она — Дѣва, Закатная и Таинственная.

... Явись ко мнѣ безъ гнѣва,
Закатная, Таинственная Дѣва.¹⁾

Тогда же въ поэтѣ туманно откладывается Ея внутренней обликъ, живущій въ душѣ: и онъ — неизмѣненъ.

Все въ обликѣ одномъ предчувствую Тебя.

Каковъ этотъ обликъ въ началѣ явленія своего предъ поэтомъ? Какіе цвѣта сопровождаютъ его? Лучезарность, золото и лазурь Ей сопутствуютъ: «Ты — лучезарное видѣніе», «И лучезарность близко», «Жду волны — волны попутной къ лучезарной глубинѣ», «Ты надъ могилой — лучезарный храмъ» и т. д.

А солнечное золото и лазурь — вотъ они: «И Ясная, Ты солнцемъ потекла», «Солнце разлейте», «Этихъ сновъ золотыхъ», «Нити бѣгутъ золотистыя»... «Ты лазурью золотой просіявшая на вѣкъ»... «Въ этой бездонной лазури»... «Это — богъ лазурный... шлеть... дары», «кто-то шепчетъ и смѣется сквозь лазоревый туманъ»... «Ты лазурью сильна»... «Твоей лазурью процвѣсти»... «Вдругъ расцвѣла, въ лазури торжествуя»... «И... Ты плывешь въ объятія лазурныхъ сновидѣній»... «Тобой синѣютъ, безъ границы моря, поля и горы, и лѣса»... Эта «лазурь» во второй половинѣ 1901 года уже ослабляется: въ голубое: «Прошла голубыми пу-

¹⁾ Стихотвореніе, написанное 27 апрѣля 1901 года.

тями» (16 іюля), «Надъ Твоей голубою дорогою» (16 іюля), «Голубая царица земли» (16 декабря), «Голубая даль свѣтла» (29 декабря), «Смотрить, смотреть свѣтъ голубой» (29 декабря).

Золото и лазурь — иконописныя краски Софіи; иконное изображеніе Софіи сопровождають тѣ краски; и у Владиміра Соловьева «Она» — пронизана лазурью золотистой; или — въ ней лазурь: «О, какъ въ тебѣ лазури... много»... У Владиміра Соловьева Она опускается съ неба на землю, переноса свое золото и лазурь къ намъ, сюда:

Знайте же, Вѣчная Женственность нынѣ
Въ тѣлѣ нетлѣнномъ на землю идетъ.

Въ этомъ предвозвѣщеніи схожденія на землю Ея А. А. вмѣстѣ съ Владиміромъ Соловьевымъ — духовный максималистъ.

Является стремленіе соединить вершину мысли съ вершинною точкою личности; воплотить философію новаго времени въ жизнь; то стремленіе — своеобразный максимализмъ, отдѣляющій, на примѣръ, Эмпедоклову философію о стихіяхъ отъ самого Эмпедокла, соединяющагося со стихіею огня въ миѳѣ, о томъ, какъ онъ бросился въ Этну. Стремленіе вотъ къ такому максимализму рождаетъ намъ тему поэзіи Блока.

Фаустъ — абстрактный максималистъ до первой сцены изъ «Фауста»: до тоски по конкретному, заставляющей его взять чашу съ ядомъ; рѣшеніе убить себя, — высѣкаетъ въ душѣ его жизнь; и жизнь отвѣчаетъ: „Christ ist erstanden!“ И Фаустъ выходитъ въ весну; тамъ встрѣчаетъ онъ Гретхенъ; не понимая видѣнія, поступаетъ съ Видѣніемъ, какъ... Донъ-Жуанъ: Мефистофель, Разсудокъ, — мѣшаетъ понять:

Гретхенъ есть Беатриче, его проводница къ голосу Жизни; она только зеркало, — въ которомъ отображается Та; къ Ней ангелы Фауста возносятся по смерти; и тамъ въ синевѣ созерцаетъ онъ тайну Ея, чрезъ Нее узнаеть, кѣмъ была ему Гретхенъ; Гретхенъ встрѣчаетъ на небѣ:

Der früh Geliebte,
Nicht mehr Getrübte,
Er kommt zurück.

На землѣ Фаустъ Гретхенъ не понялъ: и не сумѣлъ въ ней увидѣть соединеніе Вѣчнаго съ временнымъ; разрѣзалъ въ ней Вѣчное линіей времени: убилъ Гретхенъ; убійство — самоубійство вмѣстѣ со всѣми слѣдствіями — содержаніе двухъ частей «Фауста» и описаніе пути къ конкретному максимализму; изъ «кукольнаго своего состоянія» (Faust in Puppenzustand) вылетаетъ онъ яркою бабочкой духа, Марианнусомъ:

Das Unbeschreibliche
Hier ist getan.

Исканіе пересѣченія Вѣчнаго съ временнымъ, точка слиянія Вѣчнаго съ временнымъ, стремленіе охватить время Вѣчнымъ — конкретные поиски молодыхъ символистовъ начала столѣтія: символъ ихъ символовъ — актъ воплощенія Видѣнья, ведущаго къ созерцанію тайны Той, которая есть Mater Gloriosa.

Таковъ образъ Музы у Блока; кончается «Фаустъ» имъ; имъ открывается Блокъ.

Онъ — поэтъ-символистъ, теоретико-практикъ, понявшій конкретно зарю Соловьева, зарю наступле-

нія новой эпохи; онъ поняль: з а р я есть сѣченіе небомъ земныхъ и с п а р е н і й; и — стало быть: поняль — конкретное «да» той зари въ переплавленіи слоевъ жизни до разложенья тѣлесности на «мозги и составы» (прекрасное выраженіе Апостола Павла), до облеченья себя новымъ тѣломъ культуры иль ризы Ея, уподобляемой эфирному току, пресуществляющему отношенія человѣческія въ «Das Unbeschreibliche»:

Фаусту это лишь стало возможнымъ по смерти; о немъ возглашаютъ небесные хоры:

Vom edlen Geisterchor umgeben,
Wird sich der Neue kaum gewahr,
Er ahnet kaum das frische Leben,
So gleicht er schon der heil'gen Schaar.
Sieh, wie er jedem Erdenbände
Der alten Hülle sich entrasst
Und aus ätherischem Gewande
Hervortritt erste Jugendkraft.

(Faust.)

Въ Видѣніи Блока загадано Блоку: произвести на землѣ—катастрофическій актъ: совершить несовершенное.

Будутъ страшны, будутъ несказанны
Неземныя маски лицъ...
Буду я взывать къ Тебѣ: Осанна!
Сумасшедшій, распростертый ницъ.
И тогда, поднявшись выше тлѣна,
Ты откроешь Лучезарный Ликъ.
И, свободный отъ земного плѣна,
Я пролью всю жизнь въ послѣдній крикъ.

«Надвигается революція Духа» — такъ гласятъ: философія и поэзія Владиміра Соловьева, ни-

кому неизвѣстный еще, замѣчательный «Третій За-вѣтъ» А. Н. Шмидтъ и еще не поднявшійся на поверхности жизни антропософическій западный импульсъ, подводящій по своему къ встрѣчѣ съ Софіей.

А. А. Блокъ въ первой книгѣ стиховъ заостритель огромнаго импульса, подходящій къ нему несравненно рѣшительнѣй Владиміра Соловьева.

Уже для А. А. выявленіе Ея облика есть не мистическій актъ, а культурное дѣланіе, предстоящее, можетъ быть, завтра же — каждому. Какъ философски оформить проблему и какъ обложить ее Контомъ, Владиміромъ Соловьевымъ, — задача конкретныхъ философовъ. И при помощи философіи можно растолковать: тема яркой поэзіи Блока, — не сказка, не стиль; она — тема, имѣющая огромное философское основаніе.

Блокъ тогда уже зналъ, что со старымъ покончено; рухнули старыя формы; и времена измѣнились; органы воспріятія — перерождаются въ насъ. Всѣ грядущія свѣты и тѣмы, для поэзіи Блока загаданы въ томъ же образѣ: «Ты».

Не знаешь Ты, какія цѣли
Таишь въ глубинахъ Розъ Твоихъ,
Какіе ангелы слетѣли,
Кто у преддверія затихъ...
Въ Тебѣ таятся въ ожиданьи
Великій свѣтъ и злая тьма —
Разгадка всякаго познанья
И бредъ великаго ума.

Понять А. А. Блока—понять: все есть для него объясненіе звука з а р и , совершенно реальной; конкретностью окрашено для него наше время; и выходъ поэзіи Блока изъ философіи Соловьева, есть выходъ

въ конкретности факта зари; въ воплощеніи Вѣчнаго въ жизнь: это поняли символисты; аллегористы и декаденты, — не поняли: всѣ исканія и воплощенія возникали проблемою связи Владиміра Соловьева и Федорова съ философіей русской общественной мысли (съ Лавровымъ и съ Герценомъ).

Слѣдующая стадія: — соединеніе философіи Федорова (воскресеніе индивидуальнаго) съ углубленной проблемой народничества, воскресенія народнаго Коллектива, какъ хора, оркестра, которой кончается «Фаустъ»:

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichnis;
Das Unzulängliche
Hier wird's Ereignis;
Das Unbeschreibliche
Hier ist getan.
Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan.

Только Gleichniss'ы новой проблемы становятся Ereigniss'ами мірового процесса, мистеріей, солнечнымъ градомъ и Новымъ Іерусалимомъ, Покровомъ Господнимъ; и этотъ Покровъ — Вѣчно й Ж е н ы , Той, Которою кончается творчество стараго Гете, Которою начинается творчество юноши Блока: конецъ здѣсь — начало; конецъ гуманизма; начало антропософіи, примиряющей Западъ съ Востокомъ, являющей въ концѣ варварской, капиталистически-буржуазной культуры не древняго эллина, а ветхаго деньми Скиѳа въ провиденціальномъ аспектѣ: Такъ «Скиѳы» загаданы уже намъ въ первыхъ годахъ поэтической жизни А. А.; лики ихъ—въ складкахъ ризы у Той, о Которой гласится:

Höchste Herrscherin der Welt,
Lasse mich im blauen
Ausgespannten Himmelswelt
Dein Geheimnis schauen . . .
(Goethe)

Мы преклонились у завѣта
Молчаньемъ храма смущены.
Въ лучахъ божественнаго свѣта
Съ улыбкой ласковой Жены.

Единодушны и безмолвны,
Въ однихъ случаяхъ, въ однѣхъ стѣнахъ,
Постигли солнечныя волны
Вверху—на темныхъ куполахъ.

И съ этой ветхой позолоты
Изъ этой страшной глубины
На праздникъ мой спустился Кто-то
Съ улыбкой ласковой Жены.

Блокъ эпохи «Крушенія Гуманизма» и «Скиѳовъ», есть Блокъ, намъ рассказывающій отдѣльные изъ эпизодовъ огромнаго мірового переворота, начавшагося отъ реакціи соединенія неба съ пучиною водъ: тамъ на небѣ улыбка Жены, а изъ бездны навстрѣчу выходятъ прообразы Скиѳовъ, протянутыхъ къ свѣту изъ-подъ обломковъ обвала гуманистическаго ренессанса; и скиѳская линія русской поэзіи, голосами Есенина, Клюева и Орѣшина въ болѣе позднихъ годахъ перекликается съ линіей исходящей отъ Блока и Соловьева.

Есть у Гете въ теоріи красокъ великолѣпный отрывокъ, трактующій о моральномъ воспріятіи краски, гдѣ цвѣтъ превращается въ символъ моральнаго міра;

и палитра у поэта, и цвѣтъ его зорь, освѣщенье ландшафтовъ его даетъ намъ безконечное множество черточекъ, выясняющихъ его воззрѣнія на міръ: такъ: поэтъ самъ себя истолковываетъ въ выборѣ цвѣта.

Въ 1899 году А. А. говоритъ:

Земля мертва, земля уныла...

Вдали — разсвѣтъ.¹⁾

Черезъ годъ онъ пишетъ:

На небѣ зарево...

Но все еще: —

... глухая ночь мертва,

Толпится вокругъ меня, лѣсныхъ деревъ громада,

Но явственно доносится молва

Далекаго, невѣдомаго града.

Звукъ грядущаго града къ нему приближается.

А черезъ мѣсяць уже умираетъ В. С. Соловьевъ, раньше всѣхъ увидавшій, что —

Всходитъ омытое

Солнце любви...

(Июнь 1900 года).

Потому что, — «Вѣчная женственность нынѣ идетъ!» Въ мѣсяць же смерти Владиміра Соловьева, Блокъ пишетъ:

То вѣчно Юная прошла

Въ неозаренные туманы.

(1900 года).

---

¹⁾ Курсивъ вездѣ мой.

Передъ этимъ еще не былъ вовсе разгаданъ А. А. Ея образъ; тотъ образъ вставалъ передъ нимъ въ символическомъ образѣ Гамаюна, въ стихотвореніи, посвященномъ картинѣ В. М. Васнецова.

Она вѣщаетъ и поетъ
Не въ силахъ крыль поднять смятенныхъ...
Вѣщаетъ иго злыхъ татаръ,
Вѣщаетъ казней рядъ кровавыхъ,
И трусь, и голодъ, и пожаръ,
Злодѣевъ силу, гибель правыхъ...

Такъ предъ явленіемъ своимъ въ ликѣ Свѣта Она появляется въ образѣ, мстящемъ: вѣщаетъ грядущими «страшными лѣтами», которыя послѣ уже воспѣваетъ поэтъ; все вѣщаетъ она: будутъ—«Скифы» и «Куликово Поле» и «Калка», и — что еще? У Владиміра Соловьева Она появляется Дѣвой-Обидою, плещущей крыльями; старые символы Руси далекой соединяются съ новыми символами Руси грядущей, «Слово о полку Игоревѣ» съ «Куликовымъ Полемъ» будущаго, возгласъ «О, Русская земля, за шеломенемъ еси», съ возгласами стихотвореній Вл. Соловьева, съ картинами Виктора Васнецова. Туманная атмосфера ушедшаго вѣка раскрылася въ блескахъ огней.

Ищу спасенья.

Мои огни горятъ на высахъ горъ.
Всю область ночи озарили.
Но ярче всѣхъ — во мнѣ духовный взоръ
И Ты вдали... но Ты ли?

Ищу спасенья.

Стихотвореніе оканчивается словами:

Тамъ сходишь Ты съ далекихъ свѣтлыхъ горъ.
Я ждалъ Тебя. Я духъ къ Тебѣ простеръ.
Въ тебѣ — спасенье!..

Въ стихотвореніи намѣчены всѣ особенности эпохи, въ которую начинаемъ уже мы конкретно вступать: и напряжение чаяній, и великій соблазнъ отъ подмѣны («— Но — Ты-ли?»).

Предчувствую Тебя. Года проходятъ мимо —
Все въ образѣ одномъ, предчувствую Тебя.
Весь горизонтъ въ огнѣ — и ясенъ нестерпимо,
И молча жду, — т о с к у я и л ю б я.

Весь горизонтъ въ огнѣ и близко появленье,
Но страшно мнѣ; измѣнишь обликъ ты?
И дерзкое возбудишь подозрѣнье,
Смѣнивъ въ концѣ привычныя черты.

О, какъ паду и горестно и низко,
Не одолѣвъ смертельныя мечты!
Какъ ясенъ горизонтъ! И лучезарность близко.
Но страшно мнѣ: измѣнишь обликъ Ты.

Въ стихотвореніяхъ лѣтнихъ 1901 года у Блока характеристика Ея вѣяній совпадаетъ во всемъ съ характеристикой Владиміра Соловьева: въ л а з у р и и въ з о л о т ѣ оба Ее созерцаютъ; но она выявляется въ чисто Блок ов с к о м ѣ переплетеніи темъ; индивидуальнѣй, интимнѣе звучатъ темы у Блока; и — далѣе, съ осени того года рисуется нисхождение Ея въ хаосъ стихійнаго міра, въ «п у ч и н у м о р с к у ю»; здѣсь

сферы Ея пересѣкаются ужъ съ сферой Майи («А ст а р т ы» по Блоку); и возникаютъ соблазны, невѣдомыя поэзіи Соловьева: по новому возстанавливается связь съ Фетомъ и съ Лермонтовымъ; и — появляются: врубселевскіе тона.

Лучезарность не сразу является въ строчкахъ Блока; она разгорается изъ «огней» («Мои огни горятъ на высяхъ горъ...», «Весь горизонтъ въ огнѣ»).

Слетаетъ — въ вихрѣ и огнѣ
Крылатый ангелъ отъ страницъ Корана.

(3 Іюня 1900 года).

Потомъ — «огней» нѣтъ: есть лазурь и есть золото.

Но «огни» подымаются сызнова: «Стану, вѣрный велѣніямъ Рока, постигать огневую игру»... «Я умчусь огневыми кругами» (18 августа), «Пылаю я» (2 ноября), «Какъ сердца горятъ надъ бездной», «За ладьей — огневые струи — безпокойныя пѣсни мои» (20 декабря), «Первый день твоей весны будетъ пламенное лѣто» (103).

Эта вспышка огней сопровождается ослабленіемъ лазури до голубого, отъ приближенія Ея къ сферамъ, гдѣ Ликъ начинаетъ двоиться Ея, заслоняемый Ликомъ Астарты:

Но и ночью въ часъ отвѣта
Ты уйдешь въ рѣчной камышъ.

(14 Іюля 1901 года).

Или: «Ты — другая, нѣмая, безлика я, притаилась, колдуешь въ тиши» (23 ноября

1901 года), «Злая дѣва, за тобою вышлю сѣверную ночь». Это уже не «Она», Кто — «лазурью золотистой, просіявшая на вѣкъ».

Отъ тяжелаго бремени лѣтъ
Я спасался одной ворожкой.
И опять ворожу надъ тобой,
Но не ясенъ и смутенъ отвѣтъ.

Тутъ «она» — съ буквы маленькой.

Я все гадаю надъ тобою,
Но, истомленный ворожкой,
Смотрю въ глаза твои порою,
И вижу пламень роковой.

И вдругъ — перепутываются отношенія: то, что онъ обращаетъ къ «н е й» (съ маленькой буквы), къ Астартѣ, онъ вдругъ обращаетъ къ Той, Ясной, которую помѣщаетъ онъ въ теремъ (?), Которую въ терему онъ пытается страстно настигнуть:

И когда среди мрака снопами
Искры станутъ кружиться въ дыму,
Я умчусь съ огневыми кругами
И настигну Тебя въ терему.

Дымъ огней превращается въ тѣни, которыя начинаютъ все болѣе выступать и противиться пресуществленію Ею хаоса воднаго; и лазурь — померкаетъ, а золото — то подмѣняется свѣтомъ, а то осаждается позолотою на церковныхъ стѣнахъ.

До осени 1901 года Она объективно сіяетъ А. А., какъ Владиміру Соловьеву, а свѣтъ Ея, проницая ду-

шевность, въ душевности топится, растворяется; и подымаются страстныя, я бы сказалъ, что хлыстовскія ноты радѣнія, нетерпѣнія, ожиданія Ея сошествія въ личную біографію; Ликъ Ея оплотнѣваетъ; и — появляется рядъ новыхъ образовъ, сопровождающихъ главную тему поэзіи Блока.

Появляется Церковь и Храмъ, не духовный, сіяющій храмъ, а храмъ каменный. Слово «церковь» сперва очень рѣдко встрѣчаемъ у Блока.

Но съ глубокою вѣрою въ Бога
Мнѣ и темная церковь свѣтла.

Здѣсь А. А. нуждается въ церкви еще, какъ въ существенномъ знакѣ.

Уже въ концѣ года въ другомъ лейтъ-мотивѣ «она» (съ буквы маленькой): съ атрибутами чаръ, какъ в о л ш е б н и ц а, выплываетъ въ стихіяхъ метели; тогда раздается звукъ колокола, ц е р к о в н а г о, котораго не было прежде у Блока:

Ты въ бѣлой вьюгѣ, въ снѣжномъ стонѣ
Опять волшебницей всплыла,
И въ вѣчномъ свѣтѣ, въ вѣчномъ звонѣ
Церквей смѣшались купола.

(27 Ноября).

Какъ не похожъ лейтъ-мотивъ этой мчащейся въ стонущемъ вихрѣ «волшебницы» съ лейтъ-мотивомъ Ея: «Ты — цвѣтешь одиноко. Ты лазурью сильна».

Точно знанье о Ней, отлетающее, А. А. силится закрѣпить въ тяжелѣйшія ризы иконы.

Въ 1902 году звучить колоколъ, прежде неслышный, для всѣхъ оглашая пришествіе: «Высокъ и внятенъ колокольный зовъ», «Церковный сводъ давалъ размѣрнымъ звономъ всѣмъ путникамъ напутственный отвѣтъ», «Тайна жизни теплится, благовѣстны звоны», «Несутся звуки колоколенъ», «Слышу колоколъ» и т. д. Въ 1901 году встрѣчи съ Нею происходили въ поляхъ, а не въ храмѣ; теперь эти встрѣчи — въ «церковной оградѣ»; Она, замыкая себя въ кругъ матеріи, опускается въ низшія сферы; предметами культа обложены плотно всѣ мысли и чувства о Ней; всюду — церковь и храмъ, храмъ — вещественный: «Озарены церковныя ступени»... «Ты здѣсь пройдешь, холодный камень тронешь, одѣтый страшной святостью вѣковъ»... «У строгихъ образовъ», «Церковный сводъ давалъ... напутственный отвѣтъ», «Въ лампадномъ свѣтѣ образа», «Мы преклонились у завѣта, молчаньемъ храма смущены», «Вверху — на темныхъ куполахъ», «Я укрытъ до времени въ придѣлѣ», «Мы живемъ въ старинной кельѣ», «Кто-то... шепчется у святой иконы», «Я знаю: мы въ храмѣ вдвоемъ», «На мирныя ступени всходите всѣ», «Люблю высокіе соборы душой смиренной посѣщать», «Брожу въ стѣнахъ монастыря», «И вѣчно блѣдный воскъ свѣчей, и убѣленные карнизы», «Ночь долга, какъ рядъ заутренъ и обѣденъ», «Внимай словамъ церковной службы», «Огонь кадилыный берегу», «И за церковную ограду» и т. д. Всюду: церкви, ступени церковныя, ризы, лампы, кадила, заутрени, свѣчи, карнизы; вездѣ — ограниченность: кельи,

придѣлы, ограды. Въ придѣлы, въ ограды и въ кельи проходитъ Она; и колеблются тѣни и мраки вокругъ.

Лейтъ-мотиву колоколовъ и церковныхъ оградъ соотвѣтствуютъ лейтъ-мотивы тѣней и полусумрака; прогнанный Ею въ прозрѣніяхъ 901 года, тотъ сумракъ опять настагаетъ. И можно сказать: мглою, тѣнью и сумракомъ — переполнены строки Блока: такъ золото и лазурь предыдущаго года пресуществляются въ этомъ году въ свѣтъ и въ тьму. Отступленіе въ тѣнь есть послѣдствіе дерзости — Ее настигнуть, ворваться насильственно въ теремъ къ Ней:

Я умчусь съ огневыми кругами
И настигну тебя въ терему.

Это написано 18 августа 1901 года, а 24 августа слышится уже послѣдствіе «дерзости»: «Видно дни золотые прошли»; и далѣе:

Отъ себя ли скрывать
Роковую потерю?

Черезъ три дня написано:

Или великое свершилось,
И ты хранишь завѣтъ времянь
И, озаренная, укрылась
Отъ дуновенія племень?

И — нота раздвоенности:

И ты безоблачно свѣтла,
Но лишь въ безсмертіи — не въ юдоли.

Какъ будто бы дерзостная, катастрофическая попытка преобразить міръ юдоли, отражена духомъ тьмы; вырывается:

Смотри — я отступаю въ тѣни.

То тѣни церковей, стѣнь предѣловъ и келій. И — тѣнь поднимается надъ 902 годомъ: —

— «Бѣгутъ невѣрныя дневныя тѣни», «Здѣсь, въ этой мглѣ у строгихъ образовъ», «Ложится мгла», «Сгущался мракъ церковнаго порога», «въ тѣни невидѣлось ни зги», «Изъ сумрака... шаги», «надъ сумрачнымъ амвономъ», «И лѣстница темна», «И сумерки вокругъ», «Тамъ, въ полусумракѣ собора», «Тамъ, въ сводахъ сумракъ неизвѣстный», «Солнцу нѣтъ возврата изъ надвигающейся тьмы», «Тамъ сумерки невнятно трепетали», «На темномъ порогѣ тайкомъ святяя шепчу имена», «Когда окутанныя тѣнью, мои погаснутъ небеса», «Люблю... входить на сумрачные своды» (собора), «Теряясь въ мглѣ», «Свѣтъ въ окошкѣ шатался, въ полусумракѣ — одинъ» и т. д. «Мѣняются, темнѣютъ, глохнутъ стѣны», «Я... всходилъ... на темныя ступени», «И помрачались высоты», «Я соблюдаю полутьму» и т. д. Главнымъ образомъ эти сумракъ и тѣнь наполняютъ соборы и церкви.

Вхожу я въ темные храмы
Совершаю бѣдный обрядъ...

Или:

А хмурное небо низко
Покрыло и самый храмъ.

Появленіе сумрака — появленіе сумрака въ храмѣ, который трепещетъ сіяніемъ «красныхъ лампадъ», распространяется розовый отблескъ и смѣшивается съ погасающей золотой лучезарностью 901 года въ ту особую, розово-золотую, густую и пряную обрядовую Атмосферу, въ которой таится нетерпѣливое ожиданіе встрѣчи съ ней, матеріализованной въ образъ, входящій во храмъ. Розовое, озаренное замѣняетъ лазурь золотистую, лучезарную. Розово-золотое есть смѣсь свѣта съ тьмой; вмѣстѣ съ тѣмъ: это розово-золотое — нетерпѣливость ея ожиданія. Характернѣйшимъ стихотвореніемъ этого времени я считаю стихи, по недоразумѣнію посвященныя С. М. Соловьеву:

Бѣгутъ дневныя розовыя тѣни.

Высокъ и внятенъ колокольный зовъ.

Озарены церковныя ступени.

Ихъ камень живъ — и ждетъ твоихъ

шаговъ...

Ты здѣсь пройдешь, холодный камень тронешь,

Одѣтый страшной святостью вѣковъ,

И, можетъ быть, цвѣтокъ весны уронишь

Здѣсь, въ этой мглѣ у строгихъ образовъ.

Растутъ невнятно розовыя тѣни,

Высокъ и внятенъ колокольный зовъ.

Ложится мгла на старыя ступени...

Я озаренъ — я жду Твоихъ шаговъ.

Въ приводимомъ стихотвореніи проходятъ главнѣйшія темы 902 года; мгла, зовъ колокольный и розовость ожиданія — сейчасъ, непосредственно (не было нетерпѣнія этого въ предыдущемъ году).

Озарень: «Я озарень», «И путникъ шель, закатомъ озарень», «И далѣ шель закатомъ озарень», «А въ лицо мнѣ глядитъ, озаренный, только образъ, лишь сонъ о Ней», «Озарены церковныя ступени», «Брежжитъ блѣдная заря», «А въ лицо мнѣ глядитъ озаренный» и т. д.

«Я озарень — я жду твоихъ шаговъ»: здѣсь надежда на невозможную встрѣчу звучитъ нетерпѣніемъ, зудомъ, тьмой страстности, только извнѣ озаряемой, не прозаренной; прозорь, прожигающій душу, становится озареніемъ — озареніемъ внѣшняго покрывала пучины страстей; оттого поднимаются ноты хлыстовства.

Нетерпѣніемъ окрашенъ весь 1902 годъ: «Я жду твоихъ шаговъ», «Я укрытъ до времени въ придѣлѣ, но растутъ великія крыла, часъ придетъ — исчезнетъ мысль о тѣлѣ, станетъ высь прозрачна и свѣтла», «Ждать ли пламенныхъ безумій молодой души?», «Встрѣтитъ брачными дарами вѣстниковъ конца?», «Мы помчимся къ бездорожью въ несказанный свѣтъ»..., «Къ намъ прольется въ двери келій свѣтлая лазурь», «Жду вселенскаго свѣта», «Въ ризахъ цѣломудрія, о, святая, гдѣ ты?» «Жду я», «О, взойди же предо мною не въ одномъ воображеніи», «Я знаю: мы въ храмъ вдвоемъ», «Гадай и жди», «Она сама къ тебѣ сойдетъ», «Я, отрокъ, зажигаю свѣчи, огонь кадильный берегу»..., «Всѣ ждали какой-то вѣсти», «Къ ночи ждали странныхъ вѣстей», «Давно мнѣ не было вѣстей», «Я вышла въ ночь... несуществую-

щихъ принять», «Яснѣе, ближе сонъ конца», «Тамъ жду я Прекрасной Дамы въ сіяньи красныхъ лампадъ», «Будетъ день, и распахнутся двери», «Буду я взывать къ Тебѣ: Осанна! Сумасшедшій, распостертый ницъ», «Разгораются тайные знаки», «Я знаю: Ты здѣсь. Ты — близко»... и т. д.

Не слѣдуетъ забывать, что безумныя ожиданія Ея близости звучать страстными криками въ темномъ храмѣ, слегка озаряемомъ трепетомъ красныхъ лампадъ, — въ мигъ, когда хмурое небо «покрыло и самый храмъ»; ожиданіе это сопровождается стуками, медиумизмомъ и спиритизмомъ. («О, какъ понять, откуда стукъ», «Узнать, понять далекій шорохъ, близкій ропотъ, несущихся въ пространство принять, повѣрить въ мнимый конскій топотъ», «Все дикимъ страхомъ смятено», «И на дорогѣ ужась вѣетъ», «Войдетъ подобіе лица», «Но были шорохи и стуки»... и т. д.); представьте себѣ обуяннаго изступленнымъ экстазомъ, твердящаго въ темномъ храмѣ средь «красныхъ лампадъ» заклинанье: «Приди, о, приди!» И вамъ станетъ понятнымъ страхъ ждущаго, который

...Спряталъ голову въ колѣни
И не покажетъ мнѣ лица.

Или:

Прильнувъ къ церковной ступени
Боюсь оглянуться назадъ.

Въ такомъ состояньи понятны слова:

Ты свята, но я Тебѣ не вѣрю,
И давно все знаю напередъ:

Будетъ день, и распахнутся двери
Вереница бѣлая пройдетъ.
Будутъ страшны, будутъ несказанны
Неземныя маски лицъ...
Буду я звать къ Тебѣ: Осанна!
Сумасшедшій, распростертый ницъ.

И вотъ — на к а т и л о : и происходитъ все то,
что предвидѣлось въ стихотвореніи:

Гадай и жди. Среди полночи
Въ твоёмъ окошкѣ, милый другъ,
Зажгутся дерзостныя очи
Послышится условный стукъ.
И мимо, задувая свѣчи,
Какъ нѣкій Духъ, закрыль лицо,
Съ надеждой невозможной встрѣчи
Пройдетъ на милое крыльцо.

Кто же приходитъ? Она? Та, которую называлъ
А. А. Дѣвой, Зарей, Купиной, Вѣчно-Юной, лазурію
Сильной?

Закатная таинственная Дѣва...

Нѣтъ, не Дѣва уже, а... Жена. Характерно: «О н а»
измѣняется въ 1902 году у А. А. («Но страшно мнѣ:
измѣнишь обликъ Ты...»)

И съ этой ветхой позолоты,
Изъ этой страшной глубины
На праздникъ мой спустился Кто-то,
Съ улыбкой ласковой Ж е н ы.

Эту Жену, иль «жену» (съ буквы маленькой) ждетъ,
какъ любовницу онъ:

Истомленный жду я
Ласковую, милую.

Онъ ждетъ, что —

Забрежжитъ брачная заря.

«Жена» ему шепчетъ:

Милый, милый, тебя обниму.

Или:

Тамъ жду я Прекрасной Дамы
Въ сіяньи красныхъ лампадъ.

Куда же дѣвалась лазурію сильная Дѣва? Пре-
красная Дама, Жена, — вмѣсто Дѣвы пришла.

Я соблюдаю полутьму
Въ Ея... альковѣ.

Какъ? У владычицы Вселенной — альковъ? Нѣтъ,
— просто какая-то «дама»; поэтому я не вѣрю эпитету въ «нетронутомъ» альковѣ... И «дама»
является: и за «дамой» слѣдитъ онъ:

И я, невидимый для всѣхъ,
Слѣдилъ мужчины профиль грубый
Ея сребристо-черный мѣхъ
И что-то шепчущія губы.

Понятно, что послѣ такихъ ужасающихъ перемѣ-
щеній сознанья, воскликнешь:

Ты свята, но я Тебѣ не вѣрю.

И наткнешься, блуждая средь темныхъ подъѣздовъ
на «д о м ъ»:

Тамъ въ сумеркахъ бѣлѣлъ дверной навѣсъ
Подъ вывѣской «ц в ѣ т ы», прикрѣпленъ
болтомъ.

Тамъ гулъ шаговъ терялся и исчезъ
На лѣстницѣ — при свѣтѣ лампы желтомъ.

Развѣ не чувствуете, что происходитъ трагедія, пе-
реживаемая хлыстовскимъ сознаніемъ: прозрѣніе подмѣ-
няется озареніемъ (л у ч е з а р н о е — розовымъ), оза-
реніе — изступленіемъ, изступленье — паденіемъ от-
колотой половинки души, или бѣгствомъ съ горы
инспираціи къ пресловутому дому «Ц в ѣ т ы». Начи-
нается съ «Д ѣ в ы» («Я озаренъ, я жду Твоихъ
шаговъ»); подмѣняется далѣ ликъ Зари ликомъ Дамы:

И отъ вершинъ зубчатыхъ лѣса
Забрежжитъ брачная заря.

Слѣдующее по времени стихотвореніе:

Говорили короткія рѣчи.
Къ ночи ждали странныхъ вѣстей.
. . . . .
Всѣ ждали какой-то вѣсти.
Изъ отрывковъ словъ я узналъ
Сумасшедшій бредъ о невѣстѣ,
О томъ, что кто-то бѣжалъ.

Кто бѣжалъ? Откуда? Куда? Но отвѣчаетъ слѣдующее по времени стихотвореніе:

Сбѣжалъ съ горы и замеръ въ чащѣ.
Кругомъ мелькаютъ фонари...
Какъ бьется сердце — злѣй и чаще...
Меня проищутъ до зари.

Мое болото ихъ затянетъ
Сомкнется мутное кольцо,
И, опрокинувшись, заглянетъ
Мой бѣлый призракъ имъ въ лицо.

Вмѣсто «б р а ч н о й» зари остается:

Холодная черта зари,
Какъ память близкаго недуга
И вѣчный знакъ, что мы внутри
Неразмыкаемаго круга.

Преждевременное озареніе свѣтомъ Духа непросвѣтленныя глубины пучинъ подсознанія вызываетъ огромныя бури; встаютъ — двойники (наши низшія страсти), которыхъ не вѣдаемъ, отдаваясь голой мистикѣ безъ духовной науки; когда напрягается свѣтъ, — напрягаются снизу темнѣйшія силы: душа — разрывается.

Лейтъ-мотивъ двойника подымается въ темахъ поэзіи Блока тогда, когда онъ въ нетерпѣннѣи, упреждая всѣ сроки, пытается настигать въ терему свою Музу; двойникъ — стражъ порога духовнаго міра: «Уже дв о и л а сь, шевелясь, безумная, больная дума» (1902), «Жду удара, или божественнаго дара» (1902) (преждевременное порываніе къ «дару» приносить «у д а р ъ»), «И опрокинувшись, заглянетъ, мой

бѣлый призракъ имъ въ лицо», «Навстрѣчу мнѣ изъ темноты явился человекъ», «И въ этотъ часъ въпустыя тѣни войдетъ подобіе лица, и будетъ въ зеркалѣ безъ тѣни изображеніе Пришлеца», «И вотъ, слышиѣе звонъ копытъ, и бѣлый конь ко мнѣ несется... И стало ясно, кто молчитъ и на пустомъ сѣдлѣ смѣется»... (Конечно же, — мчится, на встрѣчу двойникъ вмѣсто свѣта Духовнаго Мира: не проработано подсознаніе); этотъ двойникъ то становится профилемъ грубымъ мужчины («слѣдиль мужины профиль грубый»), а то онъ — Іуда («возникъ Іуда въ холодной маскѣ, на конѣ»); «когда-то двойника, возникая впервые въ паденіи 902 года, протянуть сквозь весь первый томъ: — «Я знаю все. Но мы — вдвоемъ. Теперь не можетъ быть и рѣчи, что не одни мы здѣсь идемъ, что Кто-то задуваетъ свѣчи», «Мой страшный, мой Близкій — черный монахъ»; этотъ черный монахъ притаился въ глубинахъ сознанія рыцаря Свѣтлой Музы; то онъ увлекаетъ его въ сумракъ красныхъ лампадъ, выговаривая изъ него свои страшныя тайны:

Боюсь души моей двуликой
И осторожно хороню
Свой образъ дьявольскій и дикій
Въ сію священную броню.
Въ своей молитвѣ суевѣрной
Ищу защиты у Христа,
Но изъ-подъ маски лицѣмерной
Смѣются лживыя уста.

Вытолкнутый изъ глубины подсознанья во внѣ, онъ становится «черненькимъ человѣчкомъ», котораго поминаетъ А. А. въ концѣ перваго тома стиховъ:

По городу бѣгалъ черный человѣкъ.
Гасиль онъ фонарики, карабкаясь на лѣстницу.

Это самъ рыцарь Дамы:

Я бѣжалъ переулками мимо
И меня проглотили дома.

И себя самого видитъ онъ въ замѣчательномъ стихотвореніи перваго тома:

Среди гостей ходилъ я въ черномъ фракѣ.
Я руки жалъ. Я, улыбаясь, зналъ:
Пробьютъ часы. Мнѣ будутъ дѣлать знаки,
Поймутъ, что я кого-то увидалъ.
Ты подойдешь. Сожмешь мнѣ больно руку,
Ты скажешь: «Брось. Ты возбуждаешь смѣхъ».
Но я пойму — по голосу, по звуку,
Что ты меня боишься больше всѣхъ...
Я закричу, беспомощный и блѣдный,
Вокругъ себя безцѣльно оглянусь.
Потомъ — очнусь у двери съ ручкой мѣдной
Увижу всѣхъ... и слабо улыбнусь.

Онъ видитъ того, кто жилъ въ немъ, но кто, убѣжавъ изъ него, сталъ гасить всѣ «фонарики, карабкаясь на лѣстницу». Но раздвоение — необходимо; оно оттого, что душа посвященнаго въ свѣтъ Ея (дѣва) — уже родила искру духа: «младенца».

Звѣзда — предвѣстница взошла,
Надъ бездной плакаль голосъ новый —
Младенца дѣва родила.

Младенецъ, рожденный отъ дѣвы, есть рыцарь, живущій въ придѣлѣ Іоанна:

Я ихъ хранилъ въ придѣлѣ Іоанна
Недвижный стражъ — хранилъ огонь лампадъ
И вотъ — Она, и къ Ней — моя Осанна
Вѣнецъ трудовъ — превыше всѣхъ награда.

Это — часть высшихъ, свѣтлыхъ способностей, продолжающихъ въ горнихъ свѣтахъ Ея созерцать и въ лазури, и въ золотѣ солнца въ то время, когда въ низшихъ сферахъ сознанія совершается страшная схватка съ собою самимъ. «Постигли солнечныя волны», «Въ лучахъ божественнаго свѣта улыбка вспомнилась», «Остерегающій струился свѣтъ» (1902), «Высь прозрачна и свѣтла» (1902), «Смотри, какъ солнечныя ласки въ лазури нѣжатъ строгій крестъ» (1902), «Въ несказанный свѣтъ» (1902), «Вѣрю въ солнце завѣта» (1902), «Непостижнаго свѣта задрожали струи», «Яркимъ солнцемъ залитая шла Ты (1902). «Крылатыхъ слышу голоса» (1902), «Я возвращусь къ Тебѣ» (1902), «Непонять Золотого Глагола изнуренной желѣзомъ мечтѣ» (1902), «Возставъ отъ тягостнаго сна передъ Тобою, Златокудрой, склоняю долу знамена», «Душа блаженна, Ты близка», «Навѣки преданный Святынѣ во всемъ послушаюсь Тебя», «Подходи къ золотому порогу, затихаль предъ Твоими дверьми», «Свѣтлый

мечъ намъ вскрыеть двери ослѣпительнаго
дня».

Или:

Что мгновенная безсилья?
Время — легкій дымъ...
Мы опять расплещемъ крылья
Снова отлетимъ.
И опять, въ безумной смѣнѣ
Разсѣкая твердь,
Встрѣтимъ новый вихрь видѣній
Встрѣтимъ жизнь и смерть.

Изумительная переживанья и образы перваго тома стиховъ проплетаются острою, яркою, изостренною мыслью. Напрасно считаютъ А. А. — пѣвчей птицей; онъ — пѣвчая птица, но — мудрая птица; и — даже: въ немъ пѣсня отъ мудрости; мудрость, софійность въ А. А. не ограничивается сверхъ-сознаніемъ; она простирается въ сферу разсудочную, подавая порою намъ поводы мыслить, что много трагедій А. А. въ сферѣ внутреннихъ опытовъ произошли отъ излишняго интеллектуализма его, не позволяющаго мысли небесной, Софій, встроиться въ мысль мозга (въ мысль Канта). Сухое вниманіе интеллектуалиста сопровождаетъ порой интуицію Блока, раскалывая ее; и — онъ говорить:

Сухимъ вниманьемъ я живу.

Или:

Мой монастырь, гдѣ я томлюсь безбожно, —
Подъ зноемъ разума расплавленный гранитъ.

Этою мыслью онъ числить: «И — ч и с л ю, ч и с л ю
безъ тебя».

Я не достигну примиренья,
Ты не поймешь проклятыхъ числь.

Или:

И, *многовластный, числю...

Это счисленіе утомляетъ А. А.

Гдѣ новый скитъ? Гдѣ монастырь мой новый?
Не въ небесахъ, гдѣ гробовая тьма,
А на землѣ, — и пошлый, и здоровый
Гдѣ все найду, когда с о й д у с ь у а.

Но съ ума А. А. все-жъ не сходить, ибо въ немъ
самосознаніе живо; оно обнаруживаетъ ему грань межъ
разсудкомъ и разумомъ, межъ умомъ и Софіей, межъ
мірознаніемъ и Богопознаньемъ:

Передо мною — грань Богопознанья
Неизбѣжный сумракъ, черный дымъ.

И, прибавлю отъ себя, — страхъ беспредѣльности,
осозанный — имъ, какъ основа холоднаго кантіан-
скаго мышленія въ предѣлахъ; недаромъ въ стихотво-
реніи, посвященномъ Иммануилу Канту онъ пишетъ:

Сижу за ширмой. У меня
Такія крохотныя ножки...
Такія ручки у меня.

Эти ширмы — граница образованія кантіанскихъ понятій. Свѣтъ дневного разсудка («И чи с лю, чи с лю») — здѣсь гаснетъ. Но онъ углубляется самосознаніемъ въ сумракъ:

Углубись еще безстрастный
Въ сумракъ духа своего.

И тогда этотъ сумракъ свободно синѣетъ премудростью за разсудочной мысли, глубинностью мысли Софіи:

Ты сильна, царица, глубинностью
Въ твоей книгѣ раззолочены страницы.

И онъ проходитъ въ сферы «царицы, ищущей смысла», у которой «синія загадки»; здѣсь постигаетъ тайны кипучія живомыслія:

Никому не открою нынѣ
Того, что рождается въ мысли.
Пусть думаютъ — я въ пустынѣ
Блуждаю, томлюсь и числою.

Но — «ш и р м ы» Канта отставлены; страхъ предъ живой, кипучею мыслию преодоленъ; и онъ знаетъ Гетево «Stirb und werde»:

Здѣсь печально скажутъ: Угасъ.
Но тамъ прозвучить: Воскресни.

И уже тутъ начинается мудрость:

Иду за Тобой —
Мнѣ путь неизвѣстный вѣдомъ.

Это путь къ Мудрости, къ синимъ ночамъ живо-
мысля, гдѣ

Протекали надъ книгой Глубинной
Синія ночи царицы.

Здѣсь синія волны свободной, безмѣрной духов-
ной конкретности, или софійныя мысли:

Киваю синему раздолью,
. . . . .
. . . . . пустыней
Несусь въ пылающемъ бреду,
И въ складки ризы темносиней
Укрылъ любимую звѣзду.

Темносинія ризы — Ея; а — звѣзды есть звѣзды
нераскрывшейся, издали слышимой инспираціи:

Отворилось облако высоко
И упала голубиная книга.
А... изъ лазурнаго ока
Прилетѣла воркующая птица.

Воркующая птица есть мудрость, незнающая кан-
тіанскихъ предѣловъ, или — мысль-собственно. И до-
вѣріемъ къ мудрости, къ мысли подъ коростой внѣш-
няго исчисления дышетъ рядъ строкъ.

Лишь единая мудрость достойна
Перейти въ неизбѣжную ночь.

Остальному въ себѣ сказать надо рѣшительно:
«Stirb».

«Stirb und Werde»

Что «Werde»?

Отрекись отъ любимыхъ твореній,
Отъ людей и общеній въ міру,
Отрекись отъ мірскихъ вождѣленій
Дума и день и молись ввечеру,

Чтобъ —

... духъ на г р а н и пробужденья
Воспрянулъ, вскрикнулъ и обрѣлъ
Давно мелькнувшее видѣнье.

Вспыхиваютъ огни мысли.

Мои огни горятъ на высяхъ горъ
Всю область ночи озарили,
Но ярче всѣхъ — во мнѣ духовный взоръ
И Ты вдали...

Мысль освѣщаетъ неосвѣщенную область ночи, а
вѣра, соединенная съ знаньемъ — ведетъ.

Медленно, тяжело и вѣрно
Мѣрю ночныя пути:
Полному вѣры безмѣрной
Къ утру возможно дойти,

Потому что —

Нѣтъ мѣры нашему познанию...

Потому что —

Погибла прежняя ложь
И близится вихрь видѣній.

Но это для того, кто умѣетъ сочетать въ мудрости
жизнь и Любовь:

Какъ съ жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

Сочетають несочетаемое — терны страданій.

Терны вѣнчаютъ смиренныхъ и мудрыхъ
Бѣлымъ огнемъ Купины.

Здѣсь Мудрость и «антропосъ» (человѣкъ) —
антропософически слиты:

Она и ты — одинъ законъ,
Одно велѣнье Высшей Воли.

О томъ гласятъ письма:

Я васъ открылъ, святые письма.
Я васъ храню.

. . . . .
Со мной всю жизнь — одинъ Завѣтъ:
Завѣтъ служенья Непостижной.

. . . . .
Навѣки преданный Святынѣ
Во всемъ послушаютъ Тебя.

Это знанье истоковъ пути, превращающее синеу
въ лѣса ангельскихъ крылій (опять вы-

раженіе Блока), его надѣляетъ особою, тайною силою знанія.

Ты нездѣшной, видно, силой
Надѣлень и окрылень.

Или:

Я — мечъ, заостренный съ обѣихъ сторонъ.
Я правлю, Архангель, Ея Судьбой.
Въ щитѣ моемъ камень зеленый зажженъ.
Зажженъ не мной — Господней Рукой.

Въ высотахъ сознанья А. А. обитала высокая мудрость, не проплавленная въ мелочи жизни и ихъ не сумѣвшая переплавить: въ вопросѣ переплавленія жизни А. А. упреждаетъ всѣ сроки; и оттого-то — трагедія всей крестной жизни поэта.

Печать тайной мудрости заставляетъ поэта высказывать: «Я, изнуренный и премудрый», «Я знаю все», «Сосчиталъ, что никому не дано» . . .

Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ «искалъ таинственныхъ сощвѣтій, и, прозрѣвающій едва еще шумѣлъ, какъ въ играхъ дѣти». «Въ тихомъ воздухѣ — тающее, знающее» . . .

Это «знающее» онъ таитъ про себя:

Я скрылъ лицо и проходили годы.
Я пребывалъ въ Служеньи много лѣтъ.

Или: «Молчаливые мнѣ понятны и люблю обращенныхъ въ слухъ; за словами — сквозь гуль невнятный просыпается свѣтлый Духъ». Или: «Но во мнѣ —

потаенное знанье». Или: «Никому не открою нынѣ того, что свершается въ мысли», потому что «одна... отражается въ каждомъ слогѣ». Или: «И въ складки ризы темносиней укрылъ Любимую Звѣзду». Стихъ для поэта — завѣса, Ее укрывающая, иль порогъ, не позволяющій заглянуть за черту.

Поставлю на стражѣ звенящій стихъ.

Такъ что слова поэта есть «Мечъ, заостренный съ обѣихъ сторонъ»; не поэтъ, а — пророкъ онъ: «Мнѣ въ сердце вожгли красноватый уголь пророка».

И пророчественными строками порою онъ дышитъ; такъ, развѣ строки, написанные до войны и пожаровъ общественныхъ, — не пророчество?

Мой конецъ предназначенный близокъ,
И война и пожаръ — впереди.

Или: развѣ строки 98 года — не явный прозоръ:

Вѣщаетъ иго злыхъ татаръ,
Вѣщаетъ казней рядъ кровавыхъ,
И трусь, и голодъ, и пожаръ,
Злодѣевъ силу, гибель правыхъ.

Но эти прозрѣнія, тайная мудрость, ему доставались наградою за неимоверную боль повседневнаго умиранія; и крикомъ боли сопровождаетъ прозрѣнія онъ:

«Веселій не надо мнѣ»... «Солнцу нѣтъ возврата»...

Послѣ Видѣнія, уму непостижнаго, — чувство пустыни, страданія, умиранія: «избралъ иную дорогу я, — иду — и пѣсни не тѣ»...

Какія же пѣсни теперь? Было сладко знать о потерѣ, но смѣшно о ней говорить», «Ужасенъ холодъ вечеровъ», «Смотри туда — въ хаосъ безмѣрный, куда склоняется твой день», «Помрачились высоты»; Отлетѣло Видѣнье, захлопнулись двери: «Пускай другой отыщетъ двери, какія мнѣ не суждены»... «Не понять Золотога Глагола», «Догорающій факель закинь», «Я искалъ голубую дорогу и кричалъ, оглушенный людьми», «Все забылось — забылось давно», «Я одинъ. Я прощу. Я молчу», «Сердце несчастно», «И пробужденіе мое безжеланно», «Мнѣ больше не надо отъ Васъ ничего: я никогда не мечталъ о чудѣ», «Днемъ никому не жаль меня — мнѣ ночью жаль мое молчанье», «Молчаливому отъ муки шею крѣпко обойму»; всѣ пути къ восхожденію обрывались для Блока порою:

И глухо заперты ворота,
А на стѣнѣ — а на стѣнѣ —
Незримый Кто-то, черный Кто-то
Людей считаетъ въ тишинѣ.

Слово Черный теперь подымается, какъ излюбленное въ 1903—1904 годахъ, въ концѣ перваго тома: «Бѣгаль черный челоуѣкъ», «черный челоуѣчекъ плачетъ», «у васъ было черно е... платье», «черный кто-то», «ходилъ я въ черномъ фракѣ», «подъ ко-

пытотъ чернѣла вода», «въ черной водѣ отраженъе неслось», «черная ночь... увлекла» и т. д.

Все чернѣетъ оттого, что

Ревную къ Божеству, Кому пѣсни слагаю,
Но пѣсни слагаю — я не знаю кому.

Въ концѣ перваго тома вездѣ грусть о Прошломъ Видѣннѣи. Сперва поэтъ смотритъ на будущее; но будущее въ концѣ перваго тома уже за плечами; и — поднимается нота прошлаго (съ 182-ой лишь страницы); до — нѣтъ этой ноты: «Мы пропѣли и прошли», «Ушелъ по той же тропинкѣ, куда уходило вчерашнее», «А я забыла вчерашнее», «Все забылось, забылось давно», «Дѣла свершились», «И дни забылись»; и поднимаются прошлые сны: «Мнѣ снилось, что я не одинъ»; «У забытыхъ могилъ пробивалась трава. Мы забыли вчера... И забыли слова... И настала кругомъ тишина», «забудьте про него» (про чудо), «То, что свершилось, — свершилось въ вышинѣ», «Этой повѣстью долгихъ, блаженныхъ исканій полна моя душная пѣсенная грудь», «Изъ этихъ пѣсень я сдѣлалъ созданье», «Я знаю, не вспомнишь Ты, Свѣтлая, зла, которое билось во мнѣ, когда подходила Ты, стройнобѣла, какъ лебедь къ моей глубинѣ», «Я давно не встрѣчаю румянца», «Ты отошла, не давъ отвѣта, а я уснулъ, къ волнамъ сойдя», «Не пробудная... Спи до срока»; Видѣннѣи умерло. Въ немъ умерла она.

Вотъ онъ рядъ гробовыхъ ступеней
И межъ нихъ — никого. Мы вдвоемъ.

Спи ты, нѣжная спутница дней,
Залитыхъ небывалымъ лучемъ.
Ты покоишься въ бѣломъ гробу.
Ты съ улыбкой зовешь: не буди.
Золотистыя пряди на лбу.
Золотой образокъ на груди.

Первый томъ — потрясенье: стремительный выходъ изъ лона искусства; и — встрѣча съ Видѣніемъ Лучезарной подруги; и — далѣе: неумѣніе воплотить эту встрѣчу, обрывъ всѣхъ путей; и — вторичное присягнovenіе искусству, какъ сферѣ, высвобождающей изъ страданія; какой красотою и болью рисуетъ природу онъ послѣ катастрофы, произошедшей съ нимъ:

Свобода смотреть въ синеву.
Окно открыто. Воздухъ рѣзокъ.
За желто-красную листву
Уходитъ мѣсяца отрѣзокъ.
Онъ скоро будетъ — свѣтлый серпъ,
Сверкающій на жатвѣ ночи.
Его закатъ, его ущербъ
Въ послѣдній разъ ласкаетъ очи.
Какъ и тогда, звенить окно,
Но голосъ мой, какъ воздухъ свѣжій,
Пропѣлъ давно, замолкъ давно
Подъ тростникомъ у побережій,
Какъ блѣденъ мѣсяцъ въ синевѣ,
Какъ золотится тонкій волосъ...
Какъ тамъ качается въ листьвѣ
Забутый, блеклый, мертвый колосъ...

Стихотворенія, подобныя приведенному, останутся вѣчными образцами для настоящихъ, прошедшихъ, гря-

душихъ поэтовъ; но «вѣчное» здѣсь высѣкается — болью, молчаніемъ, внутреннимъ знаніемъ. Это молчаніе, знаніе — лейтъ-мотивъ, поднимающійся въ 1903—1904 годахъ послѣ Видѣнія 901 года и срыва 902-го: «Настала тишина, и голосъ важный, голосъ благосклонный запѣлъ вверху, какъ тонкая струна»... Этотъ голосъ есть внутренній голосъ, уподобляемый сократову демону; онъ и диктуетъ А. А. его кованныя, бессмертныя строки: «Молчаливые мнѣ понятны», «Ты сильна, Царица, глубинностью», «Люблю обращенныхъ въ слухъ», «Во мнѣ — потаенное знаніе», «Никому не открою нынѣ», «Я тайну блюду», «Все, что въ сердцѣ твоёмъ туманится, станетъ ясно въ моей тишинѣ», «Я не скрываю, что плачу, когда поклоняюсь, но перейдя за черту человѣческой рѣчи, я молчу»... «Кто-то Сильный и Знающій... замкнулъ Вамъ уста»... «Мы мало говорили, но молчанья были глубоки»... «Мы поняли, что годы молчанья были ясны»... «Тишина озаренныхъ», «Тишины снѣгового намека, успокоенныхъ думъ не буди»... «Кто бунтуетъ — въ томъ сердце щедро, но безмѣрно правъ молчаливый»... и т. д.

И молчаніе знанія, добытаго черезъ смерть, высѣкается въ поэзіи Блока черты того внутренняго реализма, который видитъ глубинное во внѣшнемъ; реалистическая струя къ концу тома стремительно крѣпнетъ; появляются: «Желтыя полоски вечернихъ фонарей», «На Васъ было черное закрытое платье»; и растетъ наблюдательность: «Ей было пятнадцать лѣтъ. Но по стуку сердца — невѣстой быть мнѣ могла»... «Бѣлые священники съ улыбкой хо-

ронили маленькую дѣвочку въ платѣ голубомъ»... «Темная, блѣдно-зеленая дѣтская комната. Нянюшка бродитъ сонная»; появляется фабрика, появляется географія мѣстъ («Мы шли на Лидо»...), появляются стихотворенія изъ газетъ: «Приходилъ человекъ съ оловянной бляхой на теплой шапкѣ»... «Лошадь влекли подъ уздцы на чугунный мостъ»..., «везли балаганъ»; вычерчиваются бытовыя подробности: «Сладко... въ мягкомъ, стеганомъ халатѣ перебраться на кровать». Появляется выписка образа, удивительная по отчетливости: «Зайчикъ розовый заплешетъ по цвѣточкамъ на стѣнѣ», «Въ золотистыхъ перьяхъ тучекъ танецъ нѣжныхъ вечерницъ»; образы получаютъ отъ этого выпуклость:

Всадникъ въ битвенномъ нарядѣ,
Въ золотой парчѣ,
Свѣтлыхъ кудрей выются пряди,
Искры на мечѣ.
Бѣлый конь, какъ цвѣтъ вишневый.
Блещутъ стремяна...
На кафтанъ его парчевый
Пролилась весна...

Но Блокъ крѣпнетъ въ своей поэтической мощи цѣною страданья, цѣной безглагольнаго тайнаго подвига антропософскихъ исканій своихъ, не слагаемыхъ въ слово.

Стихотворенія о «Прекрасной Дамѣ» — эпоха въ поэзіи русской; ни Брюсовъ, ни Бальмонтъ, ни Вячеславъ Ивановъ не дали своей суммой книгъ того мощнаго напряженія поэзіи, которое насъ встрѣчаетъ въ одномъ первомъ томѣ А. А. 1904 годъ есть дѣйствительно праздникъ въ поэзіи русской.

И правъ былъ, конечно, сектантъ, мнѣ сказавшій:
«У насъ есть одинъ лишь поэтъ, но поэтъ — гениаль-
ный: поэтъ этотъ — «Блокъ».

Впечатлѣніе отъ вышедшей книги стиховъ лишь суммировало пережитія трехъ послѣднихъ годинъ; стихи Блока, вошедшіе въ книгу, переживали мы прежде; еще до печатанія: всѣ стихи А. А. этого времени попадали въ Москву, гдѣ они распространялись въ литературныхъ кружкахъ модернистовъ. Но, помнится: «Г р и ф ы» (писатели, сгруппированные вокругъ Книгоиздательства «Грифы») относились къ поэзіи Блока теплѣй, горячѣе, чѣмъ «Скорпіоновцы»; въ книгоиздательствѣ «Скорпіонъ» доминировалъ Брюсовъ; и вліяніе начинающихъ оттѣснялось вліяніемъ Брюсова, считавшаго самого себя естественнымъ и единственнымъ поэтическимъ королемъ; К. Д. Бальмонтъ, наиболѣе популярный поэтъ модернистовъ въ книгоиздательствѣ «Скорпіонъ» признавался, ну, такъ сказать, «Мэтромъ» почетнымъ, а не дѣйствительнымъ; В. Ивановъ, въ Москвѣ импонировавшій эрудиціей, краснорѣчіемъ и годами (онъ былъ старше всѣхъ) былъ въ кругу «Скорпіона» въ то время естественнымъ замѣстителемъ «Мэтра» Брюсова; Брюсовъ, Бальмонтъ, В. Ивановъ и были поэтами Скорпіона *par excellence* въ тѣ года; Блокъ былъ — «младшій»; и — недостаточно «скорпіоновскій», чуждый по духу. Поэтому, во всѣхъ оцѣнкахъ поэзіи Блока въ кругу «Скорпіона» проскальзывалъ непередаваемый оттѣнокъ холоднаго вынужденнаго признанія:

— «Хорошій поэтъ, очень-очень хорошій поэтъ, но»...

И чувствовалось, что «но» продолжается въ фразу:

— «Но... Брюсовъ, во-первыхъ... Бальмонтъ и Ивановъ... Хорошій поэтъ, но... насъ, скорпіоновцевъ, не удивишь имъ: мы — сами съ усами»...

Такъ, центръ почитателей Блока въ Москвѣ сформировывался естественно гдѣ-то межъ «Грифами» и «Аргонавтами»...

Широкая публика вовсе не знала поэта; газеты — ругнулись на книгу.

ВЪ МОСКОВСКИХЪ КРУЖКАХЪ

Этой осенью (904 года) я вновь поступилъ, механически, какъ-то на филологическій факультетъ; и оказался теперь однокурсникомъ съ моимъ другомъ С. М. Соловьевымъ; среди товарищей, филологовъ перваго курса, я помню поэта В. Ф. Ходасевича, литератора и поэта Б. А. Садовскаго, любителя-знатока утонченій классической филологіи В. О. Нилендера, философа-когеніанца Гордона, Б. А. Грифцова...

Университетъ въ моей жизни въ то время не занималъ много времени; помнится мнѣ, какъ естественный факультетъ постановкою лабораторныхъ занятій невольно притягивалъ; ставъ филологомъ, въ Университетѣ почти не бывалъ я; интересовали меня главнымъ образомъ лекціи кн. С. Н. Трубецкого (по греческой философіи) да его семинарій (Платонъ); у С. Н. Трубецкого былъ рѣдкій, прекраснѣйшій даръ перемѣщаться въ эпоху; глядѣть на философа не сквозь призму XX вѣка, а сквозь призму эпохи его; онъ умѣлъ, отрѣшившись отъ нормъ современности, вдругъ низринуться въ бездну временъ, чтобы вынырнуть въ Гераклитѣ, въ Зенонѣ и въ Парменидѣ; въ его

изложеніи образы мудрецовъ поднимались предъ нами съ отчетливой яркостью; на семинаріяхъ по Платону С. Н. Трубецкой, предоставляя свободу высказываній студентамъ, умѣлъ создавать атмосферу серьезной, непринужденной работы; и нѣсколько менѣе удовлетворяли меня семинаріи у Л. М. Лопатина, на которыхъ читали мы съ комментариемъ «Монадологію» Лейбница; здѣсь выступали обычно А. К. Топорковъ, Б. А. Фохтъ и талантливый Бердниковъ; больше во мнѣ пробуждалъ интересъ, сгруппированный вокругъ Б. А. Фохта кружокъ кантіанцевъ и когеніанцевъ, гонимый официальными жрецами науки, предавшимися метафизическому мышленію и соплетавшими корни міросозерцаній своихъ съ философіей Владиміра Соловьева (и Л. М. Лопатинъ, и С. Н. Трубецкой были сверстниками, друзьями, во многомъ учениками Владиміра Соловьева); «Задачи положительной философіи» Л. М. Лопатина перекликались съ «Кризисомъ отвлеченныхъ началъ» Соловьева, а въ «Ученъѣ о Логосѣ» и въ статьяхъ «О конкретномъ идеализмѣ» С. Н. Трубецкого для насъ поднимались проблемы, уже возбужденныя Соловьевымъ. Въ то время во мнѣ пробуждались чистые теоретико-познавательные запросы; и философія Владиміра Соловьева казалась мнѣ отвлеченно-метафизической и не основанной на подлинномъ гносеологическомъ анализѣ; въ Соловьевѣ меня привлекалъ духъ прозрѣнія, мистики, интуиціи; къ неокантіанству меня влекъ разсудокъ; и я съ увлеченіемъ продолжалъ изученіе кантіанской литературы; руководитель студентовъ, приверженныхъ Канту, Б. А. Фохтъ, далъ очень мнѣ много своими прекрасными указаніями, совѣтами и разъясненіемъ нѣкоторыхъ для меня спорныхъ пунктовъ кантіанской литературы.

Я помню: студенты-философы организовали кружокъ, посвященный Владиміру Соловьеву; среди участниковъ я отмѣчу: Свѣнцицкаго, будущаго священника П. А. Флоренскаго (бывшаго въ это время студентомъ духовной академіи),¹⁾ Эрнъ,²⁾ С. М. Соловьева, Сыроѳчкова, Шерра, Галанина, Бердникова, А. И. Хрѣнникова и др.; образовалася секція исторіи религіи при филологическомъ студенческомъ О-вѣ; и мы тамъ собиралися подъ предсѣдательствомъ С. А. Котляревскаго (нынѣ профессора); эти собранія секціи привлекали много публики: привлекли къ нимъ студентовъ, курсистовъ и академиковъ Лавры; здѣсь дѣйствовали: Флоренскій, Свѣнцицкій и Эрнъ; помню: я здѣсь читалъ свой докладъ «О цѣлесообразности», П. А. Флоренскій доклады «О философіи Кантора» и «О чудѣ», Грифцовъ «О новѣйшей поэзіи», Свенцицкій «О мистикѣ Меттерлинка».

Главная дѣятельность кружка «аргонавтовъ» перенеслася на «среды» вошедшаго съ нами въ контактъ П. И. Астрова, съ которымъ меня познакомилъ неистовый Эллисъ, выдумавшій парадоксальнѣйшія сочетанья людей; результатомъ сближенія астровскаго кружка съ аргонавтами неожиданно возникъ сборникъ «Свободная совѣсть». Ядро астровцевъ-аргонавтовъ составили: П. И. Астровъ, А. М. Астрова, старый художникъ Астафьевъ, Шкляревскій (учитель гимназіи), Эллисъ, Я. Эртель, П. Батюшковъ, М. И. Сизовъ, Соловьевъ, Христофорова, Шперлингъ, В. П. Поливановъ, Рачинскій и нѣкоторые другіе; здѣсь часто бывали Н. И., В. И. и А. И. Астровы (братья П. И.), Эрнъ, Свѣнцицкій, Флоренскій и нѣкоторые дѣятели московскаго

¹⁾ Нынѣ профессоръ, священникъ.

²⁾ Впослѣдствіи доцентъ философіи, авторъ работъ: о Сковородѣ и Росмини.

судебнаго міра, выслушивавшіе горячія рѣчи Элліса, пропагандировавшаго символизмъ, культъ Бодлера и Данте. Вопросы общественности перекрещивались здѣсь съ эстетикой.

«Среды» Астрова длились нѣсколько лѣтъ; здѣсь являлись въ послѣдствіи разнообразныя люди: проф. И. Озеровъ (съ нами бесѣдовавшій на тему «Общественность и искусство»), проф. Громогласовъ (изъ Академіи), прив.-доц. Покровскій, Бердяевъ и В. И. Ивановъ; П. Д. Боборыкинъ однажды прочелъ здѣсь докладъ. Многообразныя темы докладовъ смѣняли другъ друга; въ сезонъ 904—905 годовъ мнѣ запомнились рефераты: мои («О пессимизмѣ», «Психология и теорія знанія», «О научномъ догматизмѣ», «Апокалипсисъ въ русской поэзіи»), Элліса (2 доклада «О Данте»), М. Эртеля («О Юліанѣ»), Сизова («Лунный танецъ философіи»), Шкляревскаго («О Хомяковѣ»), П. Астрова («О свящ. Петровѣ»); В. П. Поливановъ читалъ свою повѣсть, поэму «Саулъ», Соловьевъ — имъ написанную поэму «Дѣва Назарета» и т. д.

Впослѣдствіи «астровская» общественность вылилась въ кадетизмъ; и мы съ ней разошлись («аргонавты» держались гораздо лѣвѣе); но дружеское отношеніе съ П. И. Астровымъ сохранили надолго мы. П. И. Астровъ въ тѣ годы старался естественно сочетать устремленіе къ эстетизму съ моральнымъ, сверкающимъ пафосомъ; этотъ-то пафосъ насъ влекъ къ нему.

Продолжался кружокъ «скорпионовскій»; собирались у «Грифовъ», у Брюсова, у Бальмонта; бывали и на моихъ воскресеньяхъ; читателю станетъ понятно: общеніе съ людьми отнимало все время.

Въ тѣ мѣсяцы какъ-то особенно напряглись отношенія мои съ В. Я. Брюсовымъ; въ разговорахъ, во встрѣчахъ съ нимъ напряженіе выросло; съ особенной остротою вычерчивалась наша прямая противоположность во всемъ; прежде Брюсовъ старался ко мнѣ подойти (мы обмѣнивались часто письмами); но въ подходѣ ко мнѣ ощущалъ постоянно я нѣкоторую предвзятость и обостренное любопытство, меня заставлявшее какъ-то сжиматься; теперь, точно скинулъ онъ маску; весь стиль нашихъ встрѣчъ—откровенное, изступленное нападеніе Брюсова на устои моего моральнаго міра; и я отвѣчалъ не предвзято на это — перчаткою, брошенной Брюсову; между нами господствовалъ какъ бы вывозъ другъ на друга на умственную дуэль; все то чувствовалось, что между нами въ глубинахъ туманнаго подсознанія нашего назрѣваетъ конфликтъ; и порою мнѣ было не по себѣ въ «С к о р п і о н ѣ»; да, еслибы не С. А. Поляковъ,¹⁾ съ неизмѣнною мягкостью выроставшій межъ нами, смягчавшій углы между нами, навѣрное я бѣ съ очень громкою ссорой съ Брюсовымъ отошелъ отъ «В ѣ с о в ѣ». Но С. А. гарантировалъ мнѣ свободу всѣхъ дѣйствій: и я — оставался въ «В ѣ с а х ѣ».

Борьба съ Брюсовымъ мнѣ далась не легко: предомною порой раскрывался «м а г ѣ» Брюсовъ, не брезгающій гипнотизмомъ и рыщущій по сомнительнымъ оккультическимъ книжкамъ, какъ рысь, по лѣсамъ, за отысканьемъ приемовъ весьма подозрительнаго психологическаго эксперимента; открылся мнѣ внутренній «ликъ» его, темный, напоминающій ликъ душевателей, изображенныхъ имъ въ драмѣ «Земля». Мнѣ былъ чуждъ, непріятенъ, и болѣе того, отвратителенъ этотъ «Б р ю с о в ѣ», сидящій въ

---

¹⁾ Редакторъ-издатель „Вѣсовъ“.

Валеріи Брюсовѣ, дѣлающей порою большого поэта носителемъ бѣсноватаго изъ Гадарры.

Къ причинамъ, способствовавшимъ моей нервной усталости, отнесу и начавшіяся вокругъ меня медіумическія явленія (ступки и шопоты), для прекращенія которыхъ я обращался къ Флоренскому и епископу Антонію за совѣтомъ. Къ концу года я былъ совершенно измученъ. Меня вызывали давно Мережковскіе въ Петроградъ; звали Блоки; я помню: въ одномъ очень длинномъ посланьи къ А. А. жалуясь на меня угнетавшія обстоятельства жизни; въ отвѣтъ получаю: привѣтливую телеграмму отъ Блоковъ (А. А. и Л. Д.); въ ней — тревога; и — зовъ: «Ждемъ».

Я — ѣду.

Я Н В А Р Ъ

Помню: выѣхалъ я изъ Москвы вмѣстѣ съ матерью: мать отправлялась къ подругѣ своей; въ атмосферѣ тревожащихъ слуховъ мы тронулись въ путь; изъ отрывочныхъ, нервныхъ газетныхъ извѣстій нельзя было точно понять, что творилось: лавиной росла забастовка; впервые теперь появились не всѣмъ намъ понятныя вѣсти о роли Гапона.

Кто онъ?

Мы приѣхали въ день — знаменательный нынѣ: то было девятое января, ничего не сказавшее въ поѣздѣ намъ; мы разъѣхались съ матерью въ разныя стороны: къ Е. И. Че-вой — она; по направленію къ Гренадерскимъ Казармамъ, на Петербургскую Сторону — я, къ пригласившему офицеру, любезно отдавшему мнѣ помѣщеніе; въ той самой казармѣ жилъ Блокъ; мой знакомый служилъ подъ начальствомъ у отчима Блока, Кублицкаго-Піоттуха, батальоннаго командира.

Меня поразилъ взбаламученный видъ Петербурга; еще въ парикмахерской брившій меня парикмахеръ рѣшительно мнѣ заявилъ:

— «Такъ нельзя больше жить!»

— «Вотъ сегодня рабочіе отправляются къ Государю, который ихъ приметъ!»

Спросилъ:

— «Приметъ ли?»

— «Какъ же иначе: приметъ! Пора прекратить эксплуатацію: а пойдутъ они мирно, съ иконами. Всѣ мы пойдёмъ! Какъ не приметъ? Всѣхъ приметъ!»

И тоже гудѣло вокругъ на перронѣ вокзала:

— «Съ иконами!»

— «Приметъ!..»

— «Не приметъ!..»

— «Умремъ, а не будемъ такъ жить!..»

Тоже самое глухо, взволновано чмокалъ губами извозчикъ, ко мнѣ повернувши сизѣющій носъ:

— «Какъ же, баринъ!»

— «Рабочіе, стало быть, правы».

На улицахъ оживленно сроились немногія, напряженныя черныя кучки размахивающихъ руками людей; въ нервныхъ жестахъ стояло:

— «Пойдутъ!»

— «Не пойдутъ».

— «Уже пошли»...

— «Приметъ!»

Перебѣгающіе мальчишки перебѣгали не такъ, какъ всегда, — съ дерзкимъ присвистомъ; въ темномалиновый контуръ студенаго солнца струились, синѣя, дымки; и дымки — столбенѣли, висѣли; они поднимались отъ кухонь солдатскихъ, походныхъ, поскрипывающихъ здѣсь и тамъ; пѣхотинцы топтались у дома; а гдѣ-то, съ забора, гдѣ кучка стояла, — несло:

— «Да!»

— «Пошли ужъ: съ иконами!»

— «Неужели же будутъ стрѣлять: по иконамъ!»

— «Не будутъ»...

А у Литейнаго Моста рѣшительно топотала ногами на мѣстѣ готовая рота походныхъ солдатъ, въ башлыкахъ, съ покраснѣвшими, хмурыми лицами; два офицера переговаривались и окидывали проходящихъ растерянными улыбками, точно хотящими доказать:

— «Это — такъ себѣ»...

— «Ничего»...

— «Просто тутъ мы стоимъ»...

— «Постоимъ, и — уйдемъ».

Переѣхавши мостъ, я поѣхалъ по Набережной: вотъ — казармы, у Набережной; и отъ Набережной широко заширѣли просторы промерзшей воды; брошишь взглядъ — станеть сыро.

Заѣхавъ на чистый, просторный, казарменный дворъ, отыскалъ безъ труда я квартиру знакомаго офицера; звоню: открываетъ денщикъ, заявляетъ, что «ихъ благородія» — нѣтъ; они нынче съ отрядомъ — у газоваго, у завода: по случаю забастовки; и — всего прочаго; мнѣ — приготовлена комната.

Прихожу умываться; денщикъ — за мной слѣдомъ:

— «Казармы то»...

— «Пусты»...

— «Полкъ выведенъ»...

— «Защищаютъ мосты»...

Я подумалъ, что мой офицеръ точно такъ же стоитъ передъ хмурою ротой топочущихъ въ снѣгъ, башлыками закрытыхъ солдатъ; и закуриваетъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ хочетъ сказать:

— «Ничего, ничего»...

— «Постоимъ, и — уйдемъ»...

Я подумалъ: неловко же пользоваться гостепріимствомъ хозяина, вышедшаго на рабочихъ (рабочимъ сочувствовалъ я). Кто тогда не сочувствовалъ имъ? Размышлять было некогда; отказаться отъ комнаты безъ объясненія съ хозяиномъ — какъ то неловко; да и притомъ:

— «Постоять, и — уйдуть»...

— «Ничего»...

— «Не стрѣлять же они собираются?»

Какъ мы наивны всѣ были въ то утро!

Оправившись, поспѣшилъ я къ А. А.; въ этомъ корпусѣ обитали, какъ кажется, всѣ офицерскія семьи; всѣ двери квартиръ выходили въ огромнѣйшій каменный коридоръ, пересѣкающій корпусъ; квартира Кублицкаго выходила туда же; на двери, обитой, какъ помнится войлокомъ (сѣрымъ) блистала доска: «Францъ Феликсовичъ Кублицкій - Піотухъ». И тутъ я — позвонился; открылъ мнѣ денщикъ (мы потомъ съ нимъ дружили, обмѣнивались чаями и понимающими улыбками: «Дома-съ, пожалуйте!»); я очутился въ просторной, чистѣйшей передней съ высокими потолками предъ желтыми вѣшалками.

— «Пожалуйте».

— «Завтракають».

Дверь — распахнулъ: и просвѣтлѣлъ кусокъ комнаты съ окнами, открывающими широкій и сирый просторъ; перерѣзая кусокъ бѣлой комнаты, тамъ показалась знакомая голова, съ волосами рыжѣющими, сквозящими заоконнымъ просторомъ; то былъ А. А. Блокъ — въ фантастической, очень шедшей, уютной рубашкѣ изъ черной, свисающей шерсти, безъ талии, не перетянутой поясомъ и открывающей крѣпкую лебединую шею, которую не закрывалъ мягкій, бѣлый,

широкій воротничекъ; А. А. былъ въ немъ безъ галстука (á la Байронъ). Конечно же: Любви Димитріевнѣ принадлежала идея рубашки, потомъ появившейся на Ауслендерѣ, на Вячеславѣ Ивановѣ, перенявшихъ фасонъ тотъ); лицо закрывали глубокія тѣни передней; и все же: оно — показалось мнѣ блѣднымъ, а самъ А. А. мнѣ казался конечно же перерисованнымъ со старинныхъ портретовъ.

Первый вопросъ, имъ мнѣ брошенный:

— «Что?»

— «Ну?»

И я — понялъ въ чемъ дѣло:

— «Да говорятъ, что пошли»...

Торопливо, взволнованно встрѣтились мы, обмѣнявшись быстро привѣтствіями; золотая головка Л. Д. въ зеленовато-розовомъ широчайшемъ капотѣ стояла въ дверяхъ:

— «Вотъ и Боря».

— «Борисъ Николаичъ» — повернулась Л. Д., отвѣчая кому то, съ салфеткой въ рукѣ...

— «А мы — завтракаемъ».

— «Ну что?»

И меня повели черезъ бѣлую комнату, съ окнами, за которыми сиротливо ширѣли пространства оледенѣлой воды; у подоконниковъ поднимались, какъ помнится, листья растенія, поливаемого Александрой Андреевной; узналъ ту же все чистоту блѣдно-желтыхъ паркетовъ, сопровождавшую Александру Андреевну повсюду; мнѣ бросилась мебель, зеленая, старыхъ фасоновъ, не подавлявшая, но раставленная привѣтливо, съ пониманіемъ; вкусъ былъ во всемъ; здѣсь стояла рояль; и — стояли блестящіе, невысокіе шкапчики (кажется краснаго дерева), показуя переплетенные томики изъ-подъ яснаго чистопротертаго стекольнаго

глянца; тутъ дверь — открывала столовую, комнату меньшихъ размѣровъ, оклеенную оранжевыми, согрѣвавшими мягко обоями, со столомъ посреди, на которомъ накрытъ былъ, какъ помнится, завтракъ; приподнялась мнѣ навстрѣчу, всегда трепыхавшаяся, точно сѣрая птичка, мать Блока въ своей красной тальмочкѣ (нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, не фантазирую я — эту красную тальмочку, помню, дѣйствительно помню!); а Марья Андреевна подкидывала, подмаргивала за нею:

— «Ну, что?»

— «Да — пошли»...

— «Говорятъ, что стрѣляли».

— «Ахъ, ужасъ что!»

И Александра Андреевна рукой отмахнулась, качнувшись таліей (жестъ ея); носикъ, острясь, розовѣлъ на меня; разговора и не было, а — возгласы, предположенія, безпокойства; всѣ центры сознанья смѣстились туда, въ одинъ центръ: на Дворцовую Площадь; чрезъ каждыя десять минутъ приходили изъ кухни извѣстія, что — стрѣляютъ, стрѣляли; и — кучи убитыхъ. И Александра Андреевна хваталась за сердце (больное):

— «Поймите же, Боря, что онъ — ненавидитъ все это»...

— «А долженъ стоять тамъ»...

— «Присяга»...

Я Франца Феликсовича въ это время не зналъ: онъ, всегда такой тихій и добрый, всегда благородный, являлся со службы, вступая въ пространство оранжево-розовой комнаты съ видомъ, который могъ значить одно:

— «Я же знаю, что тутъ вы бесѣдуете о матеріяхъ деликатныхъ: нѣтъ-нѣтъ, не помѣшаю, — пожалуйста, не обращайтесь вниманія».

И тщедушной фигуркою, въ невоенно сидящемъ военномъ мундирѣ, склонивъ надъ тарелкою носъ, какъ у дятла, пощипывалъ узенькую бородку, и ясно поглядывалъ черными кроткими глазками (чуть — себѣ на умѣ!): ну, кого могъ убить онъ? Волненіе Александры Андревны за мужа я понялъ позднѣе лишь.

Но А. А. въ этотъ день волновался другимъ: значить былъ фактъ разстрѣла. Я никогда не видѣлъ его въ такомъ видѣ; онъ быстро вставалъ; и — расхаживалъ, выдѣляясь рубашкой изъ черной, свисающей шерсти и каменной гордо закинутой головою на фонѣ обоей; и контрастъ силуэта (темнѣйшаго) съ фономъ (оранжевымъ) напоминалъ мнѣ цвѣтные контрасты портретовъ Гольбейна (лазурное, свѣтлое — въ темно-зеленомъ); покуривая, на ходу, онъ протягивалъ синій дымокъ папирасы, и подходилъ то и дѣло къ окошку, впиваясь глазами въ просторъ сиротливаго льда, точно — онъ — развивалъ неукротимость какую-то; а за чаемъ узнали: разстрѣлы, дѣйствительно, были.

Съ собой изъ Москвы привезъ цѣлые ворохи разнообразнѣйшихъ впечатлѣній о томъ, что меня волновало, съ чѣмъ ѣхалъ я къ Блокамъ; но — говорить ни о чемъ не могли мы; событія заслонили слова.

Мы — простились; и я поспѣшилъ къ Мережковскимъ.

С У М Б У Р Ъ

Меня встрѣтила З. Н. Гиппиусъ возгласомъ:

— «Здравствуйте!»

— «Ну и выбирали день для пріѣзда!»

И протянула свою надушенную ручку съ подушекъ кушетки, гдѣ раскуривая душенья папирасы, лежащія

передъ нею на столикѣ въ лакированной красной коробчкѣ рядомъ съ мячикомъ пульверизатора, — она проводила безвыходно дни свои съ трехъ часовъ (къ тремъ вставала она) до — трехъ ночи; она была въ бѣломъ своемъ балахонѣ, собравшись съ ногами комочкомъ на мягкой кушеткѣ, откуда, змѣино вытягивая осиную талию, оглядывала присутствующихъ въ лорнетъ; поражали великолѣпные золотокрасные волосы, которые распускать такъ любила она передъ всѣми, которые падали ей до колѣнъ, закрывая ей плечи, бока и худѣйшую талию, — и поражала лазурно-зеленоватыми искрами великолѣпнѣйшихъ глазъ, столь огромныхъ порою, что вмѣсто лица, щекъ и носа, виднѣлись лишь глаза, драгоценные камни, до ужаса контрастируя съ красными, очень большими губами, какими-то орхидейными; и на шеѣ ея неизмѣнно висѣлъ черный крестъ, вывисая изъ четокъ; пикантное сочетаніе креста и лорнетки, гностическихъ символовъ и небрежнаго притиранья къ ладони притертою пробкою капельки туберозы-лубэнъ (ею душилась она), — сочетаніе это ей шло; создавался стиль пряности, неуловимѣйшей оранжерейной изысканной атмосферы среди этихъ красно-кирпичныхъ, горячихъ и душащихъ стѣнъ, кресель, ковриковъ, озаряемыхъ вспышками раскаленныхъ угляшекъ камина, трепещущихъ на щекахъ ея; и — на лицахъ присутствующихъ; и Д. С. Мережковскій, то показывающійся межъ собравшихся, то исчезающій въ свой кабинетъ, — не нарушалъ впечатлѣнія «а т м о с ф е р ы»; ее онъ подчеркивалъ: маленькій, щупленькій, какъ былиночка (сквознячокъ пробѣжить — унесетъ его) поражалъ онъ особою матовостью бѣлаго, зеленоватаго иконописнаго лика, провалами щекъ, отѣненныхъ огромнѣйшимъ носомъ и скулами отъ которыхъ сейчасъ же, стремительно

вырывалась растительность; строгія, выпуклыя, водянистыя очи, прилизанные волосики лобика рисовали въ немъ постника, а темно-красныя, чувственно вспухшія губы, посасывающія дорожую сигару, коричневый пиджачекъ, темно-синій, прекрасно повязанный галстухъ и ручки бѣлѣйшія, протонченныя (какъ у дѣвочки), создавали опять-таки впечатлѣніе оранжереи, теплицы; оранжерейный, утонченный, маленькій попикъ, воздвигшій молеленку средь лорнетокъ, духовъ туберозы, гаванскихъ сигаръ, — вотъ обликъ Д. С. того времени.

— «А, Борисъ Николаевичъ» — подалъ онъ мнѣ свою хилую ручку, которую (мнѣ — показалось) легко оторвать.

Разговоръ перешелъ на событія; и Д. С. постарался меня замѣшать въ разговоръ; разумѣется, — разговоръ шелъ о бывшемъ разстрѣлѣ рабочихъ, но онъ — перекидывался; линія разговора ломалась: отъ начавшейся «р е в о л ю ц і и» къ оранжерейному очередному вопросу литературнаго быта изысканнаго небольшого кружка, сгруппированнаго вокругъ Мережковскихъ, гдѣ собрался въ этотъ день небольшой кругъ людей; это, кажется, былъ день воскресный; по воскресеньямъ (съ 5 до 7-ми) собирались здѣсь къ «ч а ю»; меня поразило, что не было въ этомъ обществѣ непосредственнаго, стихійнаго отношенія къ фактамъ, какое я встрѣтилъ у Блоковъ, гдѣ не могло быть, конечно же, разговора, подхода, а былъ лишь захватъ, переживаніе, чувство; у Мережковскихъ, конечно же, говорили о только что бывшемъ, но говорили съ «п о д х о д о м ъ» къ событіямъ; и «п о д х о д ъ» доминировалъ; высказывалось «м н ѣ н і е»; и — протягивались два пальца къ бисквитуку; передавалась хрупкая чашечка хрупкими пальчиками З. Н.; и — къ чашечкѣ прикасались «о с т о р о ж н о»,

умѣло; и точно же такъ — осторожно, умѣло высказывалось мнѣніе «литератора» о событіяхъ; я не помню, всѣхъ бывшихъ гостей; можетъ быть, былъ Нувель; если былъ, то, конечно же, — это онъ прикасался съ такой осторожностью къ чашечкѣ; говорилось, что Дягилева, ѣхавшаго гдѣ-то въ цилиндрѣ, рабочіе высадили изъ кареты; былъ Минскій, пріѣхавшій, кажется, съ Васильевского Острова; былъ Смирновъ, блѣднолицый новопутеецъ — философъ въ прекрасномъ сидящемъ студенческомъ сюртукѣ, самоувѣренный Красниковъ-Штаммъ и, какъ кажется, Лундбергъ (а, можетъ быть, черезъ недѣлю мы встрѣтились) — Лундбергъ, страдающій въ эти дни расширеніемъ сосудовъ, и ставящій З. Н. Гиппіусъ возраженье-вопросъ:

— «Какъ быть съ хаосомъ?»

З. Н. Гиппіусъ изумрудила комнату взоромъ, летала лорнетка ея, Д. С., на минутку присѣвшій, отсутствующій и не слушающій ушами (а — порами, какъ выражалась З. Н. о немъ) вдругъ раздвигаль свои губы, показываль бѣлые зубы и, ударяя рукою себя по колѣнкѣ, совсѣмъ неожиданно для такого ростичка и грудки «вырыкивалъ» оглушительно - громкій періодъ; и, выпучивъ глаза, умолкаль.

Въ первый день пребыванія нашего съ нимъ въ Петербургѣ мнѣ бросилось явно въ глаза, что онъ вовсе не слышитъ того, что ему говорятъ.

Такъ, войдя неожиданно въ комнату и заставъ меня спорящимъ со Смирновымъ на философскую тему, онъ насъ перервалъ, и сказалъ назидательно, представляя меня окружающимъ:

— «Дѣло въ томъ, что Борисъ Николаевичъ — мистикъ, религіозно переживающій мысль, а Смирновъ

— чистый логикъ; другъ друга они никогда не поймутъ; тутъ различіе — непереступаемо: бездна!»

Онъ сказалъ это такъ невпопадъ, что З. Н. ему крикнула:

— «Димитрій, — да не туда же ты!»

Но Д. С., поморгавши въ пространство огромными, выпученными глазами, — уже повернулся: ушелъ въ кабинетъ.

Дѣло въ томъ, что я, именно, въ данномъ спорѣ съ новопутейцемъ Смирновымъ на мѣшанину метафизической мистики отвѣчалъ очень трезвыми кантіанскими возраженіями; въ данномъ случаѣ, — логикомъ я былъ; Смирновъ же былъ мистикомъ. Но Мережковскій, а ргіогі все порѣшившій, — напуталъ; онъ — путалъ всегда, онъ — не слышалъ, не слушалъ: фізіологически впитывалъ атмосферу происходящаго, лишь извнѣ полируя ее схематизмомъ своимъ; да, онъ слушалъ не ухомъ, — а — «п о р а м и т ѣ л а».

Остался обѣдать у Мережковскихъ; мы послѣ обѣда отправились къ Философову (жилъ онъ у матери); отъ Философова всѣ мы попали на засѣданіе представителей интеллигенціи, въ «В о л ь н о - Э к о н о м и ч е с к о е Об щ е с т в о», въ кучи народа, въ растерянную толкотню вокругъ стола, за которымъ какіе-то люди не то засѣдали, не то обсуждали случившееся; здѣсь молчаніе перебивалось возгласами, разговорами, переходящими въ споры; и оглашались различныя сообщенія; утверждалось: движеніе — не поповское, революціонное; призывалось:

— «Вооружимся!»

Недоумѣніе передъ размахомъ событій написано было на лицахъ. З. Н., любопытно взобравшись на стулъ, перегнулась надъ головами въ своемъ перетянutomъ черномъ платьѣ, шуршащемъ атласами; и, улы-

баясь, лорнировала собраніе; я рядомъ съ нею взобрался на стуль; мы обмѣнивались восклицаніями; чопорно къ намъ подошелъ гувернерствующій Философовъ и тономъ, усвоеннымъ имъ въ обращеніи съ Мережковскими, вывозимыми имъ въ большой свѣтъ «на настоящей общественности», — заявилъ: неприлично, въ виду національнаго траура, намъ улыбаться; здѣсь — мѣсто почтенное; здѣсь — собираются не какіе-нибудь декаденты, не снобы; боялся навѣрное онъ «кондачковъ», происходящихъ повсюду, гдѣ сталкивались «декаденты» съ «общественниками»; къ моему изумленію З. Н. — сконфузилась; и — смолчала, а я... я — обидѣлся не на шутку (потомъ объяснились съ Д. В. Философовымъ мы); въ то время какой-то субъектъ, послѣ только что принятой резолюціи — вооружаться провозгласилъ на весь залъ:

— «Прошу химиковъ выйти со мною въ отдѣльную комнату!»

И я подумалъ:

— «Да какъ же такъ можно — открыто, при сыщикахъ».

Оглядываюсь — З. Н. Гиппиусъ нѣтъ, Мережковского нѣтъ (делегировали его закрывать въ знакъ протеста Маріинскій Театръ), а — стоитъ Арабажинъ, мой родственникъ:

— «Ты какъ попалъ сюда?»

Сталъ уговаривать онъ, чтобы я у него ночевалъ.

Говорили:

— «Смотрите, вотъ — Горькій».

Съ нимъ былъ взбудораженный, бритый и блѣдный субъектъ, на котораго не обратилъ я вниманія; хрипло кричалъ онъ откуда-то сверху (какъ будто бы съ хоръ), призывая къ оружію. Мнѣ рассказали потомъ: это —

былъ самъ Гапонъ, переодѣтый и привезенный сюда Алексѣемъ Максимовичемъ. Потерялся въ шумихѣ я вовсе; исчезъ Арабажинъ.

И вотъ — я на темныхъ, морозныхъ проспектахъ; кругомъ — ни души; полицейскіе скрылись; выныривали подозрительно озирающія другъ друга фигурочки; изрѣдка открывалось въ морозы трескучее пламя кровавыхъ костровъ, у которыхъ сѣрѣли озябшіе и балдѣющіе солдаты, похлопывающіе себя рукавицами и потопатывающіе ногами на мѣстѣ; виднѣлися козлы изъ сложенныхъ ружей; въ ночныхъ переулкахъ хрустѣла тяжелая поступь патрулей.

Едва я добрался до бѣлаго бока Казармы; ворота — захлопнуты, а у воротъ — часовые: не пропускаютъ меня, хотя я объясняю, что некуда больше дѣваться, что только сегодня сюда я пріѣхалъ.

— «Пройдетъ господинъ офицеръ: онъ — разсудить».

И я затоптался на мѣстѣ, не зная, что дѣлать; вдругъ вижу — взволнованный толстячокъ-офицеръ, съ подбородкомъ двойнымъ, рыжеусый, въ развалку бѣжить съ револьверомъ въ рукахъ; и за нимъ два солдата; ему объясняю свое положеніе я; онъ обмѣрилъ меня недовѣрчивымъ взглядомъ; и — выпалилъ (мнѣ показалось испуганно):

— «Казармы пусты!..»

— «На Казармы, по слухамъ, рабочіе двинулись».

— «Предупреждаю: вы подвергнетесь непріятностямъ, связаннымъ съ долгой осадой...»

Но я предпочелъ непріятности «д о л г о й о с а д ы» топтанію передъ дверью Казармъ; и — меня пропустили; впоследствии мнѣ сообщили, что кромѣ семействъ офицерскихъ, шести инвалидовъ, патруля, Короткаго, подполковника (толстенькаго офицера, со

мною говорившаго), не было здѣсь никого. Долго я не ложился въ пустой, офицерской квартирѣ; событія дня волновали меня.

На другое ужъ утро рассказываю я Блоку о видѣнномъ наканунѣ, о Мережковскомъ, о «Вольно-Экономическомъ Обществѣ», о разговорѣ передъ воротами; и А. А. — улыбается:

— «Это съ тобой повстрѣчался Короткій, такой офицеръ есть; онъ — трусь; вчера вечеромъ онъ обѣгаль офицершъ, поднимая переполохи и угрожая осадю...»

Этотъ самый Короткій впоследствии появился въ Москвѣ въ роли, кажется, полицмейстера; и — оставилъ сквернѣйшую память.

Совѣтовался съ А. А., какъ мнѣ быть? Надо мнѣ переѣхать: воспользоваться гостепріимствомъ знакомаго офицера, настроеннаго реакціонно, естественно, я не хочу; и А. А. согласился со мною; и мы разговаривали объ офицерѣ, который (бѣдняга!) страдалъ одной маленькой слабостью (кажется — даже наследственной): онъ — «п р и в и р а л ь».

— «Знаешь ли» — тихо отрубивалъ Блокъ, по обычаю не смѣясь, а потаптываясь на мѣстѣ ногами, «онъ всѣмъ намъ рассказывалъ объ имѣніи, собственномъ, гдѣ у него вырастаютъ въ теплицѣ весь годъ ананасы... А вотъ что-то не вѣрятъ... Не очень-то...»

Я былъ долженъ сказать, что имѣнія никакого и не было; или, вѣрнѣе: имѣніе было — не офицера; онъ въ немъ лишь гостилъ; это было «подъ Клиномъ» (въ имѣніи В. И. Танѣева); выросъ я тамъ. Когда я это все рассказалъ, то А. А. съ той же самой серіозною юмористической дѣловитостью высказалъ:

— «Понимаю я, почему онъ сталъ съ Любою насъ избѣгать... Онъ узналъ, что мы дружны съ тобой. Онъ

— стыдится насъ: думаетъ, что исторія съ ананасами обнаружилась...»

Въ тотъ день познакомился съ милымъ я Францемъ Феликсовичемъ, который тихонько выслушивалъ всѣ разговоры, явившись къ завтраку, отъ какого-то пункта, гдѣ долженъ стоять былъ съ отрядомъ, — который выслушивалъ молча исторію съ ананасами и мои впечатлѣнія о настроеніи улицъ, поглядывалъ грустными взглядами; разговоръ все вертѣлся вокругъ происшествій; и раздавались слова, очень прямо клеймящія подлыхъ разстрѣльщиковъ: тутъ Францъ Феликсовичъ опускалъ длинный носъ, точно дятель въ тарелку; мнѣ было неловко; старался быть сдержаннѣй я; но А. А., какъ нарочно, съ приходомъ тишайшаго Франца Феликсовича говорилъ все рѣшительнѣй; мнѣ казалось: тономъ старался его — подковырнуть, уязвить, отпуская крѣпчайшія выраженія по адресу офицерства, солдатчины, солдафонства, не обращая вниманія на Ф. Ф., будто не было вовсе его, — будто мы не сидѣли въ Казармахъ; какъ никакъ, Францъ Феликсовичъ, защищавшій какой-то тамъ мостъ, могъ быть вынужденнымъ остановить грубой силою толпы (къ великому облегченію Александры Андреевны этого не произошло); но я думаю, что Ф. Ф. не отдалъ бы приказа стрѣлять, предпочтя, вѣроятно, арестъ; съ какимъ видомъ вернулся бы онъ въ этотъ домъ, такъ рѣшительно, революціонно настроенный; да и самъ онъ съ презрѣніемъ относился къ «солдатчинѣ»; тѣмъ не менѣе: фактъ стоянья Ф. Ф. у какого-то моста съ отрядомъ все время нервилъ А. А.; крѣпко, несдержанно онъ выражался, бросая салфетку; и — чувствовалась беспощадность къ Ф. Ф.

Я замѣтилъ въ А. А. этотъ тонъ беспощадности по отношенію къ отчиму и въ другихъ проявленіяхъ;

мнѣ показалось: его не долюбливалъ онъ; и — безъ всякаго основанья, какъ кажется; разъ онъ сказалъ:

— «Францъ Феликсовичъ, Боря, — не любить меня».

— «Таки очень...» — прибавилъ съ улыбкой онъ.

Но этого — я не видѣлъ, не чувствовалъ даже; наоборотъ: постоянно я видѣлъ уступчивость, предупредительность, мягкость, хотя Александра Андреевна поговаривала, что Ф. Ф. очень вспыльчивъ.

— «Онъ можетъ кричать — очень страшно!»

Но былъ онъ отходчивъ.¹⁾

Я думаю, что отчужденность межъ отчимомъ и его неприемлющимъ пасынкомъ — отчужденность круговъ, воспитанья, привычекъ; А. А. былъ профессорскаго, литературнаго круга; а Ф. Ф. — былъ военный, «с л у ж а к а»; и онъ, понимая свое положеніе въ домѣ, — во всемъ уступалъ и не вмѣшивался ни во что.

П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ

Мои первые петербургскіе дни отдѣляютъ меня отъ А. А.: революція заслонила собою все прочее; сыпались быстро удары репрессій; меня волновали аресты знакомыхъ; революціонное настроеніе крѣпло, и кромѣ того: въ эти грозные дни перебрался совсѣмъ неожиданно я къ Мережковскимъ, уговаривавшимъ меня поселиться у нихъ.

Мережковскому грозили арестомъ; онъ каждую ночь, ожидая полицію, передавалъ документы и деньги женѣ.

---

¹⁾ Ф. Ф. Кублицкій-Пиоттухъ командовалъ впоследствии на войнѣ дивизіей; онъ скончался, кажется, въ 1918 году.

Тѣснѣйшее, непрекращающееся общенье мое съ Мережковскими въ эти дни перешло въ настоящую, очень конкретную дружбу; и паѳосу дружбы отдался, воспринимая живѣй кругъ идей Мережковскаго; помнятся: тихіе, долгіе разговоры съ З. Н. Мережковской у золотого отъ углей камина въ кирпично-пунцовой гостиной; и помнится: надушенная папироска З. Н.; ею меня въ разговорѣ она угощала; въ витіеватыхъ, мудреннѣйшихъ, утонченныхъ дебатахъ все, помнится, утончали проблемы о «троичности», о «церкви», о «плоти»; и даже: другъ другу записывали въ записныя мы книжечки ходы мыслей своихъ. Разговоры затягивались — до четырехъ часовъ ночи; и даже позднѣе; и раздавался стукъ въ стѣну Д. С. Мережковскаго, которому не давали мы спать:

— «Зина, ужасъ что!»

— «Да отпусти же ты Борю!»

— «Четыре часа!»

— «Вы мнѣ спать не даете».

Порою въ передней мы слышали топотанье и шарканье туфель: пріоткрывалася въ гостиную дверь; и протягивалось лицо полуодѣятаго маленькаго Д. С. съ раздраженно-испуганнымъ личикомъ, съ выпученными глазами:

— «Когда вы тамъ кончите?»

Мы отвѣчали:

— «Сейчасъ!»

Разговоръ продолжался: до новаго стука.

Въ квартирѣ Д. С. проживали тогда сестры Гиппіусъ — Т. Н. и Н. Н.: «Т а т а» съ «Н а т о й», художницы; я подружился особенно съ «Т а т о й», которая вводила меня къ себѣ въ комнату и усаживала на сѣрый диванъ; у нея былъ альбомъ и въ него зарисовывала она всѣ фантазіи, образы, сны, сопровождая эскизы порой ком-

ментаріємъ; этотъ дневникъ, мысли-образы, я полюбилъ; и часами мы съ ней философствовали надъ эскизами; помню одинъ изъ нихъ: на луной озаренномъ лугу, въ простынѣ, кто-то бѣлый, худой и костлявый таинственно разскакался по травамъ; тогда говорили, что это навѣрно «Антонъ» (такъ въ кругу Мережковскихъ тогда называли А. В. Карташева, естественнаго соучастника малой религіозной коммуны, которая подобралась въ это время и въ центрѣ которой теперь очутился).

И помнятся неизмѣнныя появленія Д. В. Философова къ вечернему чаю, изящнаго, выбритаго, съ безукоризненно четкимъ проборомъ прилизанныхъ, свѣтлорусыхъ волосъ, въ синемъ галстухѣ, съ округленнымъ, надменнымъ, всегда чисто-выбритымъ подбородкомъ и съ малыми усиками, — Философова, переступающаго съ папиросой по мягкимъ коврамъ очень маленькими шагами, не соответствующими высокому, очень высокому росту; Д. В. озадачивалъ чередованіемъ своихъ настроеній; то онъ появлялся капризно-надменный, одѣтый въ корректныя формы обидно-сухого вниманія; устремлялъ стекловидныя взоры холодныхъ, красивыхъ и голубыхъ своихъ глазъ съ раздражающимъ видомъ придиры-экзаменатора:

— «Но позвольте...»

— «Но почему вы такъ думаете...»

И — мысль разсыпалась; и — становился трезво.

А то онъ похаживалъ съ милою «журкотней»; онъ журилъ Мережковскаго, Гиппіусъ, или меня, обдавая насъ мягкимъ уютомъ своихъ, такихъ ласковыхъ взоровъ (его доброта, безкорыстіе, честность меня много разъ умиляли); казался тогда доброй тетушкой, старую дѣвою, экономкой идейнаго инвентаря Мережковскихъ; принимая идеологію Мережковскаго, будучи

вѣренъ ей и защищая «идеи» въ печати, въ общест-
венности, былъ онъ цензоромъ этихъ идей въ маломъ
кругѣ; брюзжалъ, забраковывалъ то, что могло отор-
вать Мережковского отъ общенія съ порядочнымъ
обществомъ; какъ гувернеръ, взявши за руку мальчика,
водитъ его на прогулки, такъ именно Д. В. важи-
валъ Мережковского въ свѣтъ; и Д. С., точно малень-
кій, боязливо порою поглядывалъ на сердито-надмен-
наго «Д и м у». Бывало онъ выскажетъ что-нибудь,
и — покосится на «Д и м у», а «Д и м а», поджавъ
свои губы, готовъ приступить къ вивисекціи:

— «Это — не дѣло...»

— «А это, вотъ — дѣло!»

Я ихъ наблюдалъ: простовато порою держащей
себя Мережковскій, бывало, захлопаетъ въ воздухѣ
глазами и ухнетъ не къ мѣсту какую-нибудь изъ своихъ
углубленій о з в ѣ р с т в ѣ, иль — а н г е л ь с т в ѣ,
бѣгаетъ, маленький, и насвистываетъ пухлыми губами
своими, косяся на «Д и м у» испуганно; «Д и м а» —
молчить; и Д. С., споткнувшись идеей, робѣетъ и умол-
каетъ. И «Д и м а», невозмутимо спокойный, высокій
и статный, поглядывая на Д. С. сверху внизъ, очень
холодно начинаетъ брюзжать:

— «Но позволь...»

— «Тутъ, во первыхъ, смѣшеніе...»

— «А во вторыхъ, не понимаю я...»

Ухнувшій громкій «п р о з о р ъ» обдирается отъ
всѣхъ чувствъ; и — обнажается косточка: очень не-
важная, тусклая схемочка.

Да, Д. С. доставалось въ этихъ бесѣдахъ «à quatre»,
«à trois»: отъ З. Н., отъ Д. В.; убѣгалъ въ кабинетъ:
починить свои схемы; и послѣ двойкой, тройкой по-
чинки Д. В. принималъ сочиненное вновь Мережков-
скимъ; и ставился штампель: «н о в о е р е л и г і о з -

ное откровение». И тогда Философовъ, принявъ позу вѣрнаго возвѣстителя истины, начиналъ вывозить эту истину въ фельетонахъ, въ статьяхъ: былъ «Ли-чардою» истины.

Я помню заходы Д. В., порой позднія; и воркотню на нихъ «Дарьюшки», няни З. Н., обитающей въ домѣ и протестующей противъ позднихъ гостей.

Съ каждымъ членомъ «коммуны» старался войти я въ контактъ; мнѣ вмѣнялось общеніе въ необходимость З. Н.

— «Подойдите поближе вы къ «Татъ»...»

— «Поговорите съ Антономъ Владиміровичемъ».

— «Будетъ «Дима»: куда вы уходите?»

И я — старался: общался — съ Д. В., съ «bête noir» коллектива — съ «Антономъ».

Онъ былъ — «bête noir»; всѣ движенія его были дико стремительны; тонкій, костлявый, такой изможденный, съ заостреннымъ носомъ, съ чернѣющими кругами надъ бѣгающими зеленоватыми взглядами, съ зеленоватымъ, совсѣмъ нездоровымъ лицомъ, съ очень рѣзкими и порывистыми размахами рукъ, онъ носился по комнатѣ, какъ Хома Брутъ; и казалось; будто на тонкихъ плечахъ возсѣдаетъ невидимо осѣдлавшая Вѣдьма, которую принимается скороговоркою отчитывать онъ, потрясая нервически головой съ полуприщуренными отъ напряженья глазами; и — вдругъ остановится въ столбнякъ, пріискивая надлежащее выраженіе; и — изможденно присядетъ на кресло, роняя лицо въ изможденную руку (другая виситъ на колѣняхъ); казалось, что онъ — иль влеталъ къ намъ, или, обратно, выскакивалъ изъ квартиры, чтобы стремительно пролетѣвъ по ступенькамъ, — нестись на свой «лугъ». (Мы съ Т. Н. говорили шутя, что фигура эскиза Т. Н., заскакавшая въ травахъ подъ блѣдной луной, есть А. В.).

Какъ я помню его, упاداющимъ въ кресло съ полу- закрытыми взорами, со стиснутыми руками, прижатыми къ тошей груди, съ головой, въ знакъ согласія быстро кивающей; вдругъ, какъ сорвется, и — примется бѣгать по комнатѣ съ «да-да-да-да-да-да» иль съ «п о з в о л ь т е , — н ѣ т ь - н ѣ т ь»; онъ носился вприпрыжку; его угловатые жесты (во всѣхъ смыслахъ: внѣшнемъ, душевномъ) всегда нарушали гармонию въ «р е л и г і о з н о м ь с о з н а н і и» Мережковскихъ; ему доставалось ѣдко отъ возмущенной З. Н., открывающей пикировку, взрывающую Карташева; и поднимался: непрерывная тяжба между А. В. и З. Н.; тутъ Д. С. и Д. В. выступали всегда примирителями; успокаивали «А н т о н а . . .»

Такъ споры «А н т о н а» съ ѣдчайшею «З и н о й» подготавливали всегда очередную трагедію этой жизни «коммуны»; А. В. сколько разъ, разгласившись, стремительно вылеталъ изъ квартиры, громчайше прихлопнувши дверь за собой; и потомъ, черезъ нѣсколько дней приводился обратно онъ «Т а т о ю» — на судъ и расправу, на увѣщаніе и на дебаты проблемы «А н т о н ъ», послѣ которыхъ сидѣлъ — примиренный, притихшій, съ полузакрытыми глазами худого, зеленоватаго и изможденнаго лика.

А. В. мнѣ казался всегда замѣчательнымъ человѣкомъ, кипучимъ, талантливымъ (до геніальности), брызжущимъ вѣчно идеями, изъ которыхъ не закрѣпилъ ни одну онъ; импровизаціи Карташева въ кирпично-пунцовоѣ гостиной полны были блеска; и Мережковскому былъ онъ нуженъ, динамизируя его мысли и устраивая подвохи благополучію схемъ: вотъ, казалось, все—ясно; и ясно, что историческое христіанство — въ параличѣ; а «А н т о н ъ» — тутъ какъ тутъ: неожиданно вынырнетъ, закиваетъ, поманитъ соблазномъ отъ «д р е в -

няго» благочестія; и какъ онъ прекрасно пѣвалъ сладкимъ теноромъ великолѣпныя, церковныя пѣсни (я помню на лодкѣ его, около Суйды, гребущимъ и распѣвающимъ съ полузакрытыми глазами, — въ закатъ); въ то время въ немъ было естественное сочетаніе революціонно-настроеннаго интеллигента со старинною, благолѣпной традиціей; Златоустъ переплетался въ немъ съ Писаревымъ; да, А. В. Карташевъ импонировалъ мнѣ въ эти дни; и меня все тянуло къ нему; но мы какъ-то дичились другъ друга; и разговоры — не выходили; я помню, что разъ онъ сказалъ мнѣ про «Р и з у», титана (котораго изобразилъ въ «С и м ф о н і и»), какія-то не вполне мнѣ понятныя фразы; но мнѣ стало ясно: воспринимаетъ меня онъ по линіи «м и ѳ а», а не по линіи жизни: казался ему декадентомъ; не очень онъ вѣрилъ мнѣ въ «т щ е н і и» быть правовѣрнымъ у Мережковскихъ.

Да, каждый по своему былъ для меня интересенъ, по своему каждый входилъ въ «к о л л е к т и в ъ» незамѣняемой и нужной фигурой, окрашивающей по своему «ц ѣ л о е»; а извнѣ подходилъ въ то время къ сложившейся группѣ то Волжскій, то Н. А. Бердяевъ, то В. А. Тернавцевъ, которыхъ я видывалъ чаще другихъ передъ жаркимъ каминомъ въ гостиной за разговоромъ съ З. Н. (впрочемъ, Волжскій недолго дружилъ съ Мережковскими); и З. Н. ихъ тянула въ своеобразную атмосферу мистическаго радѣнія мыслей своихъ, въ атмосферу, которую чувствовалъ каждый и о которой однажды со свойственной ему яркостью бросилъ слово В. Розановъ.

— «Вотъ уѣдете скоро въ Парижъ, и опустѣетъ «мистическое логово» ваше... И будутъ его охранять «Т а т а» съ «Н а т о й», да наѣзжать въ опустѣлое «л о г о в о» Бѣлый»...

Дѣйствительно: что-то отъ логова было въ квартирѣ, въ которой вынашивались въ эти годы острѣйшія религиозно-философскія мысли; оранжерея, парникъ, или «л о г о в о м ы с л и», — такою казалась мнѣ квартира въ угрюмомъ и сѣро-чернѣющемъ домѣ Мурузи, встающемъ доселѣ пятью этажами своими съ угла Пантелеймоновской и Литейнаго; здѣсь вліяніе Мережковскаго распространялось не книжками, а атмосферою стѣнъ, здѣсь оклеенныхъ красно-кирпичными полосами обоевъ, тамъ — кирпично-коричневыми, пропитанными сигарой Д. С., надушенными сигаретками Гиппиусъ и запахомъ туберозы «Loubin». Я, попавъ въ ту квартиру, безпомощно забарахтался въ «а т м о с ф е р ѣ»; общеніе съ Блокомъ на первыхъ порахъ пребыванія здѣсь отступило естественно; кромѣ того: это время окрашено рядомъ знакомствъ: съ В. В. Розановымъ, С. Н. Булгаковымъ, А. С. Волжскимъ, Н. А. Бердяевымъ, Ѳ. К. Сологубомъ, В. А. Карташевымъ, В. А. Тернавцевымъ, П. П. Перцовымъ, А. С. Аскольдовымъ, Г. И. Чулковымъ, Андріевскимъ и многими другими писателями и общественными дѣятелями; каждое изъ знакомствъ брало силы; тогда собирались: у Минскихъ, у Сологуба (по воскресеньямъ), у Розанова (по воскресеньямъ же) у Мережковскихъ, въ редакціи формулируемыхъ «В о п р о с о в ѣ Ж и з н и» и въ «М і р ѣ И с к у с с т в а».

Однажды, когда мы сидѣли съ З. Н. и, предаваясь передъ каминомъ высокой «п р о б л е м ѣ», въ гостиную изъ передней дробно-быстро, скорѣе просѣменилъ, чѣмъ вошелъ, невысокаго роста блондинъ, скорѣй плотный, съ едва начинавшейся просѣдью желтой бородки торчкомъ; онъ былъ въ черномъ, какъ кажется, сюртукѣ, обрамлявшемъ меня поразившій блѣднѣйшій жилетъ; на лоснящемся полноватомъ краснѣющемъ (блѣдно-морковнаго цвѣта) дряблѣвшемъ лицѣ глянцеволи

большія очки съ золотою оправой; а голову все то клонилъ онъ на бокъ; скороговоркою приговариваль что-то, сюсюкая, онъ; и З. Н. насъ представила; это былъ — Розановъ.

Уже лѣтъ десять съ вниманіемъ я уходилъ въ міръ идеи его; онъ казался едва ли не самымъ талантливымъ, гениальнымъ почти; но и самымъ враждебнымъ казался онъ мнѣ; потому то съ огромнымъ вниманіемъ сталъ я разсматривать Розанова; онъ же, сѣвши на низкую табуретку предъ Гиппіусъ, тихо выбрызгиваль вмѣстѣ съ летѣвшей слюною короткія тряскія фразочки, быстро выскакивающія изо рта у него безпорядочной, высюсюкивающей припрыжкой; въ вытрясаемыхъ фразочкахъ, въ той характерной манерѣ вытрясывать ихъ мнѣ почуялась безразличная доброта и огромное невниманіе къ присутствующимъ; казалось, что Розановъ разговоръ свой завелъ не въ гостиной, — въ передней еще, не въ передней — на улицѣ: разговоръ самъ съ собою о всемъ, что ни есть: Мережковскихъ, себѣ, Петербургѣ; и вотъ разговоръ «с а м ь с ѣ с о б о й» продолжалъ онъ на людяхъ — о людяхъ, къ которымъ онъ шелъ, на которыхъ вытрясываль онъ свои мысли, возникшія гдѣ-то вдали; разговоръ — безъ начала, безъ окончанія, разговоръ ни съ того ни съ сего, перескакивающій чрезъ предметы, попархивающій, безцеремонный по отношенію къ собесѣднику; было густѣйшее фізіологическое вареніе предметовъ мыслительности В. В., — съ перескоками прямо на насъ: на меня, на З. Н., которую называль просто «Зиночкой» онъ, подсюсюкивая и хватаясь дрожащими пальцами рукъ, очень нервныхъ, — за пуговицу жилета, за пепельницу, за линейныя ручки З. Н.; руки — дергались, а колѣнки — приплясывали; каріе глазки, хитрѣйше поплясывающіе подъ очковыми глянцами, мнѣ казалось,

мечтали о чемъ-то; они не видали того, что всѣ видятъ: казались слѣпыми кусочками, плотяными и карими; въ обликѣ Розанова улыбалась настойчиво самодовольная мѣщанская тривіальность; «мѣщанство» кидалось нарочно, со вкусомъ, съ причмоками чувственныхъ губъ; эти губы слагались въ улыбку не то сладковатую, приторно-пряную, а не то рисовали насмѣшливую издѣвку надъ всѣмъ, что ни есть; да «въ открытомъ мѣщанствѣ — хитеръ, въ своихъ хитростяхъ — на распашку» — хотѣлось сказать, созерцая варившаго мысли В. В.; мнѣ припомнился жестъ его рукъ, когда вынулъ изъ бокового жилета гребеночку и при насъ же пустился причесывать гладкіе, точно прилизанные волоса; я подумалъ, что если бы существовали естественныя отправления, подобные отправлениямъ «просфирни», то Розановъ былъ бы «просфирникомъ» какого-то огромнаго храма; да, онъ гдѣ-то пекъ, (въ святомъ мѣстѣ), а можетъ быть производилъ беззастѣнчиво фізіологическія отправления своей беззастѣнчивой мысли; начиналъ ихъ на улицѣ, у себя въ кабинетѣ; и отправления эти продолжилъ теперь онъ при мнѣ и З. Н. Мысли какъ-то совсѣмъ неожиданно кипѣли и прядали пузырями со dna подсознанія; безо всякаго повода выскочили двѣ-три фразы изъ моего «Письма студента-естественника», напечатаннаго въ первомъ № «Новаго Пути»; онъ забулькалъ слюною и словомъ въ меня, похвалилъ за письмо, съ тѣмъ не слушающимъ отвѣтовъ небрежествомъ перекинулся послѣ къ З. Н., сталъ подшучивать, что она, дескать, — вѣдьма; З. Н. — отшутилась; она называла В. В. просто «Васей»; а «Вася» уже шепелявилъ о чемъ-то своемъ, о домашнемъ (объ отношеніи Варвары Федоровны, жены, — къ З. Н.); дергалась нервно колѣнка; и — масли-

лось лоскомъ лицо; губы сдѣлали ижицу, каріе глазки «н е в и д ѣ л и»; и — моргали куда-то: изъ-подъ стек-
колъ очковъ побѣжали они въ потолокъ.

В. В. круто ко мнѣ повернувшись, дотрагиваясь ру-
кою до пуговицъ моего пиджака, вдругъ спросилъ объ
отцѣ; и узнавъ, что отецъ мой не живъ уже, — выпря-
мился; и съ серіознымъ лицомъ молчаливо и богомольно
перекрестился; потомъ, посмотрѣвъ на меня, скорого-
воркою забормоталъ:

«Не забывайте могилки... Не забывайте могилки...
Молитесь могилкамъ...»

И все возвращался къ «м о г и л к ѣ»; такъ съ этой
«м о г и л к о й» ушелъ; уже кутаясь въ шубу, надви-
нувши крѣпко свою круглую шапочку и попадая ногою
въ объемистый ботикъ, онъ — вновь повернулся ко мнѣ;
и принялся побрызгивать:

— «Помните же: поклонитесь могилкѣ...»

Когда онъ ушелъ, то З. Н. подняла на меня весе-
лѣющій, торжествующій взглядъ, точно только что по-
казала рѣдчайшаго звѣря она.

— «Ну, что скажете?..»

— «Да...» я сумѣлъ лишь отвѣтить.

И послѣ молчанія вдругъ я воскликнулъ:

— «А знаете, «э т о» вѣдь страшно...»

— «Ужасно!» значительно посмотрѣла она на
меня.

— Тутъ какое-то отъ «приведите мнѣ
В і а . . .»

— «Тутъ — плоть: вотъ ужъ «плоть»...»

— «И не «плоть» даже, — нѣтъ», фантазиро-
валъ я, — «плоть» безъ «ть»; въ звукъ «ть» —
окрыленіе; не «плоть» только — «пл о»: или даже
два «п» (для плотяности): п-п л о!

Въ духѣ нашихъ тогдашнихъ дурачествъ прозвали мы Розанова: «Просто п п л о !» Въ звукѣ «п п л о» переживалася бездна фізіологически кипящей матеріи: и въ послѣдующихъ бесѣдахъ съ В. В. (въ той особенно, которая происходила въ Москвѣ, на Тверской и въ кофейнѣ Филиппова) мнѣ казалось, что Розановъ не высказываетъ свои мысли, а кипитъ, побрызгиваетъ фізіологическими отправлениями процесса мыслительности; побрызгаетъ, и — ослабнетъ: до — слѣдующаго отправления; оттого-то такъ дѣйствуютъ отправления эти: мысль Розанова; всѣ свершаютъ абстрактно ходы, а онъ — лишь побрызгиваетъ: отправлениями.

Въ тотъ періодъ по воскресеньямъ былъ то у Розанова, то у Ѳ. Сологуба; у Розанова собранія протекали нелѣпо, нестройно, но шумно и весело; гостепріимный хозяинъ развязывалъ узы; не чувствовалось стѣсненности въ тѣсенькой въ общемъ столовой, оклеенной бѣлыми и простыми обоями; здѣсь стоялъ большой столъ (отъ стѣны до стѣны), шумный спорами; Розановъ гдѣ-то у края стола, взявши подъ руку то того, то другого поплескивалъ фразами въ уши и ротъ строилъ ижицей; онъ поблескивалъ золотыми очками; статная фигура Бердяева выдѣлялась своей ассирійскою головою; совсѣмъ ужъ некстати напротивъ виднѣлся изъ «Новаго Времени» Юрій Бѣляевъ, или священникъ Григорій Петровъ, самодушно играющій крупнымъ крестомъ на груди и надменно выпячивающій сочныя, красныя губы; а сбоку — какъ будто осунувшійся, маленькій Мережковскій блѣднѣлъ истощеннымъ лицомъ, обрастающимъ съ щекъ бороною, недоумѣнно выпучивалъ очи и отвѣчалъ невпопадъ; у бокового столика, помнится, группа художниковъ «М і р а И с к у с с т в а» — тамъ Бакстъ, и тамъ Сомовъ; В. В., хозяйина, вовсе не слышно: мелькнетъ его бѣлый жилетъ; и плеснетъ,

проходя между стульями, фразочкой; болѣе выдѣляется грузная, розовощекая и строгая какая-то — Варвара Федоровна, супруга писателя: розовощекая, строгая — вотъ мое впечатлѣніе; впрочемъ, можетъ быть, и не строгая вовсе, а — строгая къ намъ, къ Мережковскимъ; она уже знаетъ, что я задружилъ съ З. Н. Гипіусъ, В. Ф. вѣчно внушающей не непріязнь, а какой-то мистическій ужасъ; и на меня переноситъ она «с т р о г и м ъ» видомъ своимъ — недоувѣріе къ... Мережковскимъ; здѣсь я, конечно же — «д р у г ъ» Мережковскихъ, и это я чувствую постоянно въ вопросахъ В. В., обращенныхъ ко мнѣ, въ строгомъ профиль краснощекой жены его; В. В. Розановъ мнѣ однажды поставилъ какой-то вопросъ — очень-очень мудреный, гностическій; я на него отвѣчая, принялся чертить что-то пальцемъ по скатерти, машинально; а Розановъ, словъ не разслушавши, подхвативши только жестъ моихъ словъ, мною ногтемъ начертанныхъ, принялся сложнить и вычерчивать мой рисунокъ на скатерти ногтемъ своимъ: «Понимаете!» Вдругъ онъ усталъ, запыхался, размякъ, опустилъ низко голову и, снявъ очки, принялся протирать ихъ, впадая въ изнеможеніе: ф и з і о л о г и ч е с к о е о т п р а в л е н і е с о в е р ш и л о с ь ; и — ничего онъ не смогъ мнѣ прибавить; молчалъ, отвернувшись, протирая очки; посулилъ какъ-то разъ подарить свою книгу «О п о н и м а н і и»; онъ сказалъ: «Приходите за нею: я надпишу вамъ». Закрученный вихрями петербургскаго хоровада дней — я, признаться, забылъ: не зашелъ, онъ же — ждалъ: приготовилъ мнѣ книгу; и послѣ — обидѣлся.

Книга «О п о н и м а н і и» такъ-таки и осталася непрочтенной; я въ продажѣ вполслѣдствіи все не могъ получить ее.

Совершенно иными встрѣчали гостей очень строгія «в о с к р е с е н ь я» у Ѳедора Кузмича Сологуба. Онъ — жилъ на Васильевскомъ Островѣ, въ зданіи школы, которой инспекторомъ онъ состоялъ; проходя къ Сологубу, легко можно было попасть вмѣсто комнату квартиры его въ освѣщенную классную комнату; вся квартира Ѳ. К. поражала своимъ неуютомъ, какою-то пустотой, переходами, потолками, углами, лампадками; помнилось тусклое, зеленоватое освѣщеніе — отъ цвѣтали абажуровъ, отъ цвѣтали стѣны; въ немъ вставала фигура Ѳ. К., зеленоватая, строгая; и — сестры его, какъ двѣ капли воды похожей на Ѳедора Кузмича; тоже блѣдная, строгая, тихая, съ гладко зачесанными волосами; совсѣмъ какъ Ѳ. К. — но въ юбкѣ, безъ бороды;¹⁾ на «с о л о г у б о в с к и х ъ» воскресеньяхъ господствовалъ строгій доризъ; самъ хозяинъ подчеркнуто занималъ приходящихъ своими, особенными, сологубовскими разговорами, напоминающими порою отвѣтственный, строгій экзамень; здѣсь много читалось стиховъ; и приходили поэты, по преимуществу здѣсь встрѣчался съ Семеновымъ, съ В. В. Гиппіусъ, ветераномъ и зачинателемъ декадентства; ходили сюда мы съ почтеніемъ, не безъ боязни; и получали порой нагоняй отъ Ѳ. К.; а порой и награду; Ѳ. К. былъ привѣтливъ къ поэтамъ, но скупъ; философія, религіозныя пререканія не допускались тономъ холодной и строгой квартиры; З. Н. говорила бывало:

— «Къ Ѳ. К. — вы пойдите!»

— «Ѳ. К. — человѣкъ настоящій!»

Д. С. и З. Н. почитали талантъ Сологуба; и въ своихъ отзывахъ высказывали *maximum* объективности, что было рѣдко для нихъ; а Ѳ. К. выражался порой очень остро о дѣятельности Мережковскихъ; мнѣ

---

¹⁾ Впослѣдствіи она скончалась.

кажется, — болѣе признавалъ онъ поэзію Блока; о Блокѣ тогда еще онъ выражался рѣшительно:

— «Блокъ — поэтъ: настоящій поэтъ!»

Разъ сказалъ:

— «Блокъ уменъ, когда пишетъ стихи: не уменъ, когда пробуетъ писать прозой».

Мнѣ помнится, что о книгѣ моей, только вышедшей, — книгѣ «В о з в р а т ь» — выражался *Э. К.*:

— «Вотъ — хорошая книга».

И вообще къ молодежи тогдашняго времени относился *Э. К.* снисходительно, съ пониманіемъ. Мережковскіе — не понимали, а Розанову уже не было дѣла до насъ; онъ, встрѣчаяся съ нами, совсѣмъ неожиданно начиналъ говорить комплименты, которымъ не вѣриль я вовсе; вѣдь знаешь, бывало: сегодня, поймавши и подь руку взявши — похваливаетъ; гляди — выругаетъ въ «Н о в о м ь В р е м е н и» завтра.

Разъ выругалъ онъ Блока, — на чемъ свѣтъ стоитъ; а на другой день встрѣчается съ нимъ; *А. А.* ласково первый подходитъ къ *В. В.*, какъ ни въ чемъ не бывало; такая незлобивость поразила *В. В.*; онъ рассказывалъ послѣ:

— «Вѣдь вотъ, обругалъ я его, а онъ... самъ подошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало».

З. Н. Мережковская вмѣшивалась въ отношенія мои; запрещала бывать мнѣ у Минскихъ; при всякомъ поползновеніи отправиться къ Минскимъ, — *З. Н.* надувалась:

— «Идите, коли хотите, но — помните!»

«П о м н и т е» это звучало угрозой, нешуточной; *З. Н.* именно въ это время имѣла какіе-то контры съ *Л. Вилькиной*, поэтессой, супругой *Н. М. Минскаго*; такъ я и не былъ у Минскихъ въ тогдашній пріѣздъ: они скоро уѣхали за границу.

А. А. БЛОКЪ и Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ

Религіозная общественность вскорѣ же утомила меня.

То, къ чему въ Мережковскихъ я влекся, въ томъ именно не до конца соприкасались мы съ А. А. Блокомъ; ему была вовсе чужда историческая проблема религіи, особенно историческое христіанство; исторія, какъ мнѣ кажется, слишкомъ мало его волновала; пришелъ онъ позднѣе къ проблемѣ исторіи (уже въ послѣднемъ періодѣ жизни); апокалиптическое настроеніе преобладало въ немъ явственно; апокалиптическое настроеніе было формой всегда ему свойственнаго максимализма; апокалиптикъ онъ былъ въ своемъ кровномъ переживаніи жизни, въ «нутрѣ»; наоборотъ: Мережковскій, рыкающій громко: «Гряди», — Мережковскій «а п о к а л и п т и з и р о в а л ъ» схемами; исторія перевѣшивала въ немъ все прочее; самое отверженіе историческаго христіанства Д. С. погружало его въ сѣть вопросовъ, нерасплетаемыхъ съ церковной исторіей; «и с т о р и з м ъ» полонялъ Мережковскаго; и — отталкивалъ Блока, который къ проблемамъ исторіи христіанства, къ великому возмущенію Мережковскаго, относился такъ какъ-то (вѣрнѣй, что никакъ); былъ далекъ того гнозиса, который приводитъ къ сознанію Лица Христова; тотъ Ликъ былъ для Блока еще заслоненъ ликомъ Музы: Софіи.

Вся же линія Мережковскаго — выявленіе лика Христа. Идея Софіи была Мережковскимъ не схвачена; церковь была необходима для него, какъ трамплинь, отъ котораго («церковь въ параличѣ») онъ построилъ прыжокъ въ «сверхисторическое» христіанство; Церковь — не знала Софіи. А

для А. А. просто не было никакой ужь проблемы церковной исторіи, — не было и проблемы сопутствующей: евангельской критики; тутъ онъ былъ соловьевецъ; для Соловьева проблемы евангельской критики не существовало вѣдь тоже; на религіозно-философскіе диспуты А. А. впрочемъ хаживалъ — созерцать безъ волненія схватку двухъ бурныхъ теченій (неохристіанскаго съ церковнымъ); тутъ въ немъ сказывалось отвлеченное, интеллектуальное любопытство; къ Мережковскому онъ ни въ чемъ не примкнулъ; даже болѣе: изъ чувства протеста, не вынося слишкомъ четко построенныхъ схемъ Мережковскаго онъ готовъ былъ при случаѣ стать на сторону откровенныхъ церковниковъ: правая и лѣвая, голоса, естественно противъ центра, поддерживаютъ порою другъ друга; а для А. А. Мережковскій былъ именно центромъ — «середкой на половинку»; «общественность» Мережковскихъ казалась ему слишкомъ «скучной» и «вымученной»; въ религіозныхъ воззрѣніяхъ онъ былъ рѣзче, катастрофичнѣе Мережковскаго, исходя изъ естественнаго, непосредственнаго ощущенія переживаній своихъ: признавалъ непосредственный опытъ; абстрактныя умозрѣнія, проблемы религіи и церковной исторіи оставляли холоднымъ его; если «опытъ» присутствуетъ — значитъ: присутствуетъ все; нѣтъ его — къ чему диспуты, словоблудіе, рефераты; А. А. волилъ точнаго опыта; и въ «зоряхъ» имѣлъ этотъ опытъ; и видѣлъ его въ сочиненіяхъ Соловьева; не самая по себѣ теологія покойнаго Владимира Соловьева интересовала его; Мережковскаго онъ считалъ отвлеченнымъ схоластомъ; Владимира Соловьева же «знающимъ» ритмъ эпохи; то мнѣніе о покойномъ философѣ не измѣнилъ до кончины своей, о чемъ явствуетъ его замѣтка о Соловьевѣ, написан-

ная ужъ въ 1920 году: ¹⁾ «Владиміру Соловьёву» онъ пишетъ: «судила судьба въ теченіе всей его жизни быть духовнымъ носителемъ и п'редвозвѣстникомъ тѣхъ событій, которымъ надлежало развернуться въ мірѣ... каждый изъ насъ чувствуетъ, что конца этихъ событій еще не видно, что предвидѣть его невозможно...» В. С. Соловьёвъ былъ для Блока окномъ, изъ котораго на насъ дунули вѣтры грядущаго. Мѣсто въ исторіи Соловьёва не ясно опредѣлилось; исторія нашего времени родилась изъ пророческихъ предощущеній Владиміра Соловьёва; онъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія новаго вѣка, «который сразу обнаружилъ свое лицо, новое и непохожее на лицо предыдущаго вѣка». Далѣе А. А. Блокъ явно дѣлаетъ драгоцѣннѣйшее признанье, которое подтверждаетъ слова мои о конкретно воспринятыхъ имъ зоряхъ будущаго (то страшныхъ, то ласковыхъ): «Я позволю себѣ... въ качествѣ свидѣтеля, не вовсе лишеннаго слуха и зрѣнія... указать на то, что уже январь 1901 года стоялъ подъ знакомъ совершенно инымъ, чѣмъ декабрь 1900 года, что самое начало столѣтія было исполнено существенно новыхъ знаменій и предчувствій».

Дѣйствительно: стихотворенья А. А., завершающія годъ послѣдній отшедшаго вѣка, полны удрученности, тяжести пессимизма:

Стала душа угнетенная
Комомъ холодной земли.

---

¹⁾ „Владиміръ Соловьёвъ и наши дни.“

Или:

Стала душа пораженная
Комомъ холодной земли.

Или:

Ты только замысломъ гнетущимъ
Еще измучаешь меня.

Вотъ строчки стихотворенья, написаннаго 31-го декабря 900-года, — написанныя за нѣсколько лишь часовъ до наступленія новаго вѣка:

И ты, мой юный, мой печальный
Уходишь прочь.
Привѣтъ тебѣ, привѣтъ прощальный
Шлю въ эту ночь.
А я все тотъ же гость случайный
Земли чужой.

Это — свѣтораздѣль: до — «Ante lucem»; послѣ — «Стихи о Прекрасной Дамѣ», открываемыя первыми, уже иначе звучащими строчками:

И тихими я шель шагами
Провидя вѣчность въ глубинѣ...

Стихотвореніе помѣчено январемъ 1901 года. Второе стихотвореніе цикла 1901 года бодрѣетъ:

Вѣтеръ принесъ издалика
Пѣсни весенней намекъ.
Гдѣ-то свѣтло и глубоко
Неба открылся клочекъ.

Въ этой бездонной лазури,
Въ сумеркахъ близкой весны
Плакали зимнія бури,
Рѣяли звѣздные сны.

Далѣе:

Благословенъ прошедшій день.

И — наконецъ:

Закатная, Таинственная Дѣва,
И завтра, и вчера огнемъ соедини.

Такъ, слова А. А. Блока: «Январь 1901 года стоялъ подъ знакомъ совершенно инымъ, чѣмъ декабрь 1900 года» — полны реализма; ихъ надо принять текстуально; они — выраженія опыта, пережитаго Блокомъ; А. А. былъ свидѣтель эпохи, всегда надѣленный тончайшимъ прозоромъ и слухомъ:

Д. С. Мережковскій для Блока въ противовѣсъ Соловьеву всегда былъ свидѣтель эпохи, лишенный и слуха, и зрѣнія, неощутившій предчувствія 901 года никакъ, ощутившій эпоху въ столь общихъ, неопредѣленныхъ тонахъ, что изъ нихъ не могло ничто вытечь, какъ подлинный опытъ «прозора», къ которому тянется Мережковскій столь явно, столь часто, но изъ котораго ничего не выходитъ.

Вскричитъ:

— «Или мы, иль — никто!»

И окажется:

— «Только не мы...»

Ничего не увидѣли «мы» въ огневыхъ испытаніяхъ жизни Россіи! По отношенію къ вѣяніямъ 901 года

(о нихъ я писалъ въ моей первой «Симфоніи», что это были ни съ чѣмъ не сравнимые дни, что весна надъ Москвою стояла особенная), — по отношенію къ этимъ вѣяньямъ строили мы отношенія къ людямъ; пріятшіе «зори» ни съ чѣмъ несравнимой весны были — «наши», а не пріятшіе — не были «нашими» («нашими» для меня оказались въ Москвѣ А. Петровскій, С. М. Соловьевъ, Э. К. Метнеръ и Н. К. Метнеръ, М. С. Соловьевъ и другіе); а для А. А. Мережковскій не понялъ особенности заревыхъ откровеній; такъ «новое сознаніе» Мережковскаго оказалось «старымъ», не перешедшимъ границы уже отживавшей эпохи.

А. А. относился серіозно ко всякому опыту и ко всякой серіозной системѣ идей; съ какимъ чуткимъ вниманьемъ выслушивалъ онъ мои длинныя разъясненія по поводу философіи Риккерта или Вундта, бывало; но онъ относился съ насмѣшкой къ размѣшиванію религіознаго опыта головными досужими схемами; полуфилософія — претила сознанью его; и претилъ — полуопытъ; домашнею, половинчатою философіей, напоминающей упражненія Киѣи Мокіевича, часто казались ему громоздкія построенія Мережковскаго, коренящіяся не на принципъ мысли, а на сомнительномъ каламбурѣ; онъ самъ каламбурилъ порою, но — шуточно («Arl-e-Kin» и «Erg-König»); сплошнымъ полуопытомъ выглядѣла для него субъективная мистика Гиппиусъ; къ устремленіямъ новаго религіознаго сознанія относился онъ точно такъ же, какъ если бы былъ онъ Гельмгольцемъ и предъ собою увидѣлъ образчики гегеліанскаго метафизицированія по поводу закона сохраненья энергіи; онъ былъ самъ такимъ Гельмгольцемъ, — пусть въ одной точкѣ души: въ точкѣ зорь, ему вспыхнувшихъ, въ точномъ узнаніи, что «январь

1901 года стоялъ подъ знакомъ совершенно инымъ, чѣмъ декабрь 1900 года»; спросите въ тѣ дни Мережковскаго, правда ли что заря измѣнилась, онъ смѣрилъ бы вопрошателя недоумѣнными взорами; могъ онъ «свидѣтельствовать» лишь отъ схемы, а не отъ факта; и оттого-то предъ революціей еще бредитъ онъ шапкою Навуходносора и заговариваетъ о Бѣломъ Царѣ, чтобы тотчасъ же вслѣдъ за вспышками революціи очутиться въ... «Полярной Звѣздѣ» Петра Струве; въ 12-омъ году онъ кричитъ въ разговорѣ со мною, что революція (да!) есть IV Упостась Божества; въ 1918 году — проклиняетъ меня лишь за то, что я вовсе не струсиль, какъ онъ, предъ лицомъ V поста си.

У А. А. сквозь все творчество явственно проступаютъ немногіе факты имъ внутренне узнаннаго; въ вереницѣ годинъ къ этимъ фактамъ мѣняетъ подходы; но факты — стоятъ передъ нимъ: они — тѣ же; такъ: въ 1898, еще будучи гимназистомъ, онъ пишетъ, что птица тревожная Гамаюнъ намъ —

Вѣщаетъ иго злыхъ татарь,
Вѣщаетъ казней рядъ кровавыхъ.

Черезъ десять лѣтъ въ «Куликовомъ Полѣ» онъ возвращается къ фактамъ все тѣмъ же; и 1918 въ «Скѣвахъ» (десятилѣтіемъ позднѣе) опять таки по иному приподымаетъ онъ тему — все ту же; въ 1901 году онъ гласить:

«Весь горизонтъ въ огнѣ... И — близко появленья».

А черезъ двадцать лѣтъ, въ годы потухнувшихъ зорь, вспоминая увидѣнный подлинно огневой гори-

зонть подтекущаго вѣка, онъ подтверждаетъ узнанія юности фразой: «позволю... себѣ... въ качествѣ свидѣтеля... указать нато, что... самое начало столѣтія было исполнено... знаменій и предчувствій...» Слова эти сказаны Блокомъ, не взявшимъ вполнѣ себѣ въ душу Ея откровеній («Въ поля отошла безъ возврата, да святится Имя Твое!»). Мережковскій сказалъ бы: «Въ поля отошла безъ возврата: на что Твое Имя»; — глубочайшій субъективистъ, совершенно беспочвенный человѣкъ, прикрывающій для объективности вялыми схемами эгоизмъ себялюбія — вотъ таковъ Мережковскій. Недавно еще Н. М. Минскій высказывалъ мысль: Беатриче для Данте — предлогъ возвеличенія Дантомъ Данте; такъ Данте, выдумывающимъ Беатриче, Софію, Христа — для себя и для присныхъ (для Гиппіусъ, Философова и сбѣжавшаго Карташева — сбѣжишь!) былъ всю жизнь Мережковскій; мнѣ нечего говорить: новоявленный Данте Н. Минскаго есть не Данте, а «Дантикъ», «Дантѣнокъ».

А. А. не былъ «Дантикомъ» Минскаго вопреки Мережковскому, нѣчто опытно имъ ошутимое, но не узнанное до конца (тутъ понять, тутъ узнать — значитъ: явственно разрѣшить міровую загадку) — да, опытно ошутимое знанье А. А. не хотѣлъ нарядить въ манифесты изъ словъ—объективныхъ, идейныхъ, давалъ въ субъективномъ свой опытъ: давалъ въ преломленіи; въ субъективизмѣ у Блока столь много правдивости, честности, и столь много фальши у Мережковскаго, дующагося до объективнаго манифеста, чтобъ лопнуть съ натуги; такъ: лопнулъ «Толстой» Мережковскаго; лопнула вся IV V постась (что лопнетъ

нынѣ — «к р е с т ѣ», иль красная Пентаграмма?); лопнулъ навѣтъ З. Н. Гиппіусъ: «Б л о к ѣ — б о л ь ш е - в и к ѣ»; А. А. Блокъ имѣлъ много идейныхъ разочарованій; но въ «д у р а к а х ѣ» никогда не ходилъ; слишкомъ много достоинства, такта въ немъ жило до самой кончины.

И все же я долженъ сказать: перевоплощаяся въ точку зрѣнія Мережковскаго, можно было увидѣть по своему, правъ былъ и онъ, когда въ лирикѣ Блока ему часто чуялся хаосъ, котораго такъ онъ боялся, дисциплинуя взвои хаоса въ своихъ собственныхъ нѣдрахъ логикой, не Логосомъ—плохо усвоенной логикой, отчего его космосъ приобрѣталъ видъ музея-паноптикума; въ прикровеніи хаоса плохенькой логикой у Мережковскаго сказывалась боязнь предъ стихіей радѣній.

Я помню съ какимъ торжествомъ Мережковскій однажды (то было позднѣе уже) — развернулъ предомною какую-то книгу и съ наслажденьемъ прочелъ четверостишіе напечатаннаго стихотворенія А. А., гдѣ риѣмуются странно «г р а н и ц ѣ» и «ц а р и ц - у». Вращая своими глазами, ихъ выпучивъ, склабясь, какъ демонъ (душевное выраженіе Мережковскаго, когда онъ подбираетъ цитаты иль данныя, подтверждающія положеніе его), — онъ, осклабясь, ревнулъ съ громкимъ хсхотомъ:

— «Видите, видите—я говорилъ: посмотрите «г р а - н и ц ѣ» и потомъ «ц а р и ц -»—Д. С. сдѣлалъ огромную паузу и протянулъ — «ууу ц а р и ц - у у у», не проста: у риѣмы есть хвостикъ: ууу-«ууу»; въ этомъ «у у у» вѣдь все дѣло; «у у у» — блоковскій хаосъ, радѣніе, отвратительное хлыстовство. «А, Зина, — и онъ тутъ блеснулъ волоокими взорами — каково: ца-риц-у у у!»

Еще долго расхаживалъ онъ передъ нами въ малюсенькихъ туфелькахъ, колыхая помпонами (въ туфляхъ съ «помпонами», помню разгуливалъ онъ одно время); — весь маленькій, перепуганный и въ восторгѣ отъ собственного испуга, — попугивалъ насъ онъ звѣриными звуками: «у у у» — риемой съ хвостикомъ Блока.

Въ ту пору разламывался сознаниемъ между А. А. и Д. С.; меня къ Блоку влекло непосредственно узнанное, увидѣнное; но «о п ы т ь» намъ слѣдовало воплотить — провести его въ мысли и чувства; и — вызвать «б ы т ь н о в а г о о п ы т а»; въ «н о в о й о б щ е с т в е н н о с т и» Мережковскаго, именно, и выдвигалась проблема: пресуществить религіозно пережитымъ свою жизнь; ввести внутренне пережитое въ мельчайшія частности жизни — вплоть до газетнаго фельетона; я еще не видѣлъ: у Мережковскихъ попытка введенія религіи въ жизнь ограничивается проведеніемъ религіозной идеи... въ очередной фельетонъ, ограничивается созданиемъ новаго фельетона; я еще не видѣлъ — фельетониста въ Д. С.: видѣлъ — подлиннаго реформатора (онъ въ это время не вовсе упалъ до газеты); и потому то стремленіе Мережковскихъ, меня прихватить съ собою въ газеты и сдѣлать меня журналистомъ, имъ открывающимъ двери въ общественность, — это стремленіе я несъ, какъ товарищескую обязанность, какъ шагъ къ наступающему религіозному дѣйству; но «д о л г ь» ощущался, какъ иго; А. А. меня видѣлъ насквозь; видѣлъ — боль избыточную, — ту же какую онъ видѣлъ въ Москвѣ, когда я тщетно тщился гармонизировать нестроицу «а р г о н а в т о в ь». И то же спокойное сострадательное отношеніе старшаго брата, къ владающему въ заблужденіе младшему, поднималось въ немъ.

Съ А. А. Блокомъ меня тѣснымъ образомъ связывалъ рядъ вопросовъ въ то время: Софія, внѣвременное молчаніе, Вѣчность, проблема мистеріи, память о бывшей зарѣ, неизреченность и нежеланіе распылять въ суматохѣ «п о с л ѣ д н е е» (къ распыленью «п о с л ѣ д н я г о» въ фельетонъ, наоборотъ, призывали меня Мережковскіе), довѣріе къ поэзіи Вл. Соловьева, которому Мережковскій все время противился, бѣлая личная дружба, довѣріе къ нашему коллективу, слагающемуся изъ А. А., Л. Д., С. М. Соловьева, меня; такъ я жилъ въ двухъ коммунахъ; одна — мы, иль — «Б л о к и»; другая: то — мы, «М е р е ж к о в с к і е»; къ Мережковскимъ привязывался все болѣе; но ощущалъ принужденіе въ ихъ коллективѣ: я долженъ дѣлиться былъ опытомъ безъ остатка; я долженъ былъ собственный опытъ всегда растворять въ общемъ опытѣ; Д. С. говаривалъ мнѣ:

— «Да вы — нашъ; а мы — ваши; нашъ опытъ — вашъ опытъ; вашъ опытъ — нашъ опытъ».

Это душевное принужденіе (коммунизмъ), ставшее новою формою «Communіon» (иль причастіемъ), вызывало все болѣе противленье, сомнѣнье; я чувствовалъ, что чего то послѣдняго, г л а в н а г о, своего, не могу растворить безъ остатка я въ опытѣ Мережковскихъ— не оттого, что — утаиваю, а оттого, что — не видятъ; и я какъ бы имъ говорю:

— «Посмотрите: вотъ подлинный брилліантъ моей внутренней жизни; несу его — вамъ!»

А они какъ бы мнѣ отвѣчали:

— «Но тутъ — ничего: въ васъ досадные пережитки субъективизма и декадентства».

И я понимаю, что Мережковскіе — слѣпы въ той именно точкѣ, которую я считаю лежащею въ центрѣ сознанія; точка — конкретное «Я»; тутъ то Блокъ

меня видеть; тутъ онъ понимаетъ меня; для этого, происходящаго въ моемъ «Я», происшествія нѣжной рукой старается отстранить все случайное онъ; Мережковскіе именно это случайное ставятъ въ центръ зрѣнія мнѣ; я мучительно начинаю теперь приходиться къ осознанію: «новая общественность» Мережковскихъ не есть та общественность, которая органически вырастаетъ съ законами роста «Я» (отъ свободнаго «Я» и къ свободному «Я»); нѣтъ, общественность Мережковскихъ есть подлинно групповое начало, могущее привести къ новой стадности развѣ среди ряда намъ данныхъ (какъ-то: къ государственному идиотизму, къ партійности, къ внѣшней церковности); ихъ «групповая душа» несомнѣнно же спаиваетъ примитивно Д. В. Философова, Мережковскаго, Гиппіусъ; въ дѣйствиі этой души, коллективной, коммуной, осуществляется «атмосфера», витающая въ квартирѣ у нихъ — «атмосфера», которую остроумнѣйшимъ образомъ охарактеризовалъ разъ Бердяевъ, сказавшій:

— «Вы — понимаете: вы безпомощны въ «атмосферѣ» у нихъ; вы приходите къ Мережковскимъ сказать: «Я не съ вами...» А Мережковскіе вамъ отвѣчаютъ: «Такъ почему же вы, если не съ нами, не уличаете братски насъ...» И начинаешь ихъ братски опровергать; вдругъ уже ощущаешь, что ты уличаешь — внутри атмосферы; ты сталъ — антитезою; ты — внутри синтеза; тутъ Мережковскій пристроить мгновенно свой синтезъ; попался: внутри атмосферы уже...

Въ такихъ яркихъ и вѣрныхъ словахъ Н. Бердяевъ характеризовалъ мнѣ однажды то групповое начало сознанья, которое обволакивало собесѣдниковъ З. Н. Гиппіусъ, разсуждающихъ у камина; — съ неодолимою силою; и вовлекало ихъ всѣхъ въ атмосферу;

поэтому и назвалъ В. В. Розановъ эту квартиру, пропахнувшую сигарами и духами, «мистическимъ логовомъ»; онъ оглядывалъ стѣны, какъ кошка, и — говорилъ, улыбаясь:

— «Нѣтъ, что-то такое тутъ есть».

Это «что-то такое» — я чувствовалъ; и еще болѣе чувствовалъ Блокъ; но онъ думалъ то именно, что Д. С. Мережковскій такъ риторически возглашалъ «уу-уу» (объ окончаніи блоковской рѣмы); а именно: думалъ онъ, что «атмосфера» — ирраціональный протянутый хвостъ рационально сказуемыхъ мыслей, или медиумическое начало, насильственно уга-сающее «самосознанія» Мережковскихъ; отъ этого вокругъ нихъ безсознательно развивались волны радѣнья, хлыстовства; то есть — все то, что въ верхнемъ сознанъ Д. С. Мережковскій боялся; и — въ чемъ уличалъ онъ другихъ.

Объ «атмосферѣ» квартиры, о домѣ Мурузи, — не разъ говорили съ А. А. въ это время мы.

А Мережковскіе въ свою очередь, уличали меня А. А. Блокомъ; они наблюдали неудержимое, ежедневное убѣганіе отъ нихъ къ А. А. Блоку; они бы мнѣ «запретили» охотно сбѣганіе къ Блокамъ, какъ «запретили» знакомство съ Л. Вилькиной; чувствовали, что со мной ничего не подѣлаешь: вынуждены признать, что А. А. и «Я» — братья; и все-таки: З. Н. все то хотѣла ввести въ надлежащую приличную норму мое неприличное исчезновеніе къ Блокамъ. И наконецъ Мережковскій нашелъ себѣ формулу моего тяготѣнія къ Блокамъ; «декадентская мистика» соединяетъ де насъ; убѣганія къ Блокамъ есть бѣгство «волченка» въ глухіе лѣса, въ завываніе, въ «ууу», послѣ уроковъ естественнаго муштрованія, долженству-

ющаго превратить декадентскаго, хвостъ поджавшаго, волка въ овчарку религіозной общественности; тщетно добрые пастыри Мережковскіе волченка дисциплинировали; они нуждались въ «овчаркѣ», такую «овчаркою» воспитать меня очень хотѣлось; въ сознаниі ихъ, вѣроятно, разыгрывалась картина: вотъ добрые пастыри изъ «декадентскаго лѣса» приносятъ волченка; но «сколько волченка не наставляй, — смотритъ въ лѣсъ»; сколько бѣднаго дикаго декадента ни наставлять въ твердыхъ правилахъ религіозной общественности, — все онъ потянется къ братьямъ-волчатамъ: съ собаками — не наиграется; на убѣганья къ А. А. они грустно поглядывали, какъ на бѣгство «волченка» къ «волченку» (рѣзвиться въ лѣсу послѣ строгой муштровки); такъ: мнѣ разрѣшалось общеніе съ Блоками; но на него Мережковскіе, пастыри, трезвый составили взглядъ: это только — «волчиныя игры». Что можетъ быть общаго у А. Бѣлаго, трезво могущаго поговорить и о Риккертѣ, трезво умѣющаго приподнять, если нужно, «пудовую» религіозную тему, — что можетъ быть общаго у А. Бѣлаго съ косноязычнѣйшимъ мистикомъ Блокомъ (впослѣдствіи измѣнили нелѣпнѣйшій взглядъ на А. А.); рекомендовалось мнѣ убѣдительно «обсуждать что-нибудь» съ Философовымъ, съ Карташевымъ, а съ Блокомъ я могъ развѣ что поволчиться: «у у у - у у у». Въ такой глупой пустой легкомысленнѣйшей оцѣнкѣ моихъ отношеній съ А. Блокомъ, съ С. М. Соловьевымъ и съ Александрой Андреевной напечатлялася удивительная поверхностность и нечуткость къ другимъ, которая искони отличала Д. С. Мережковскаго; говоря постоянно «мы - мы» (вмѣсто «Я») Д. С. въ сущности относился къ искомому «мы», какъ къ разбухшему «Я»

(всякое другое «Я» неумолимо съѣдалось «Я» Мережковского, перерабатываясь въ его схемы).

Неоднократно говаривалъ мнѣ Д. С. Мережковский:

— «Послушайте, эти ваши сидѣнья у Блоковъ, — болѣзнь: тутъ — безуміе».

А З. Н. прибавляла:

— «Да, да: меттерлинковское косноязычіе. «Что-то», «гдѣ-то», и «кто-то» вмѣсто открытаго Лица и Имени...»

Словомъ «у у у» пресловутой осмѣянной риѐмы: цариц-ууу. Прекрасная Дама поэзіи Блока, Царица, представилась Мережковскимъ со шлейфомъ изъ «у у у»: цариц-ууу. По представленію ихъ мы, невнятные мистики, рыцари Дамы, едва ли не собирались для упражненія въ ношеніи этого шлейфа изъ «у у у». Сочинивши пародію изъ нашего преклоненія передъ идеями Владиміра Соловьева, З. Н. принималась меня той пародіей тыкать:

— «Ужъ вы постыдились бы!»

— «Постыдились бы... Взрослый вѣдь вы человекъ; вѣдь вы дѣятель, а — Прекрасная Дама...»

— «Ужась!»

— «Хлыстовщина...»

Я же молчалъ: возражать, спорить, строить опроверженья — передъ З. Н., кто имѣетъ о ней представленіе, — тотъ меня близко пойметъ; опроверженіе — отходъ мой рѣшительный отъ Мережковскихъ съ 1909 года (отходъ навсегда); ушелъ молча: безъ споровъ (вѣдь споръ со слѣпымъ есть тщетное тщеніе — выжиманіе сока сухой перецвѣтшей гранаты: «пока тщетно тщится мать сокъ гранаты выжимать»)¹⁾. Такъ, бывало я пробираюся молча по коридору изъ своей комнатухи, стараяся проскользнуть мимо двери,

¹⁾ Кузьма Прутковъ.

открытой въ гостинную, гдѣ часа въ половинѣ четвертаго только что вставшая З. Н. Гиппіусъ передъ зеркаломъ расчесываетъ гребенкою пышныя волны золотокрасныхъ пушистыхъ волосъ, упадающихъ на спину, за спину (ниже колѣнъ); и — прикрывающихъ плечи; я — пойманъ.

— «Куда?» — и изъ красныхъ волосъ застрѣляли глаза-изумруды.

— «Я — къ Блокамъ!» — стараюсь сказать независимо я: не выходитъ.

— «Опять?»

Я — накидываю поскорѣй на себя свою шубу; и — улепетьваю; въ спину летитъ мнѣ:

— «Безуміе!»

Щелкъ (то — задвижка у двери); я — скатываюсь по лѣстницѣ, мимо щвейцара; свободень!

И — къ Блокамъ!

А возвращаюсь лишь вечеромъ.

Многочасовое сидѣніе у Блоковъ интриговало всегда любопытствующую З. Н.; она спрашивала:

— «Нѣтъ, не понимаю, зачѣмъ вы такъ долго сидите у Блоковъ. Вѣдь Блокъ — молчаливый такой. И — жена его. Что же вы дѣлаете?..»

Виновато моргаю:

— «Молчите, сидите?»

— «Молчимъ и сидимъ...»

— «И въ чувствахъ, съ несказанными чувствами: «г д ѣ - т о», «к т о - т о», «ч т о - т о» и завиваетесь въ пустоту: ну, конечно!»

Мои отношенія къ Блокамъ З. Н. окрестила названіемъ: «завиваніе въ пустоту». То названіе — стало техническимъ терминомъ. Вотъ вѣдь — будетъ Бердяевъ: и будутъ внушительно подниматься «проблемы». Гдѣ «Боря»?—у Блоковъ: и вмѣсто

общаго дѣла опять завивается въ пустотѣ. Бывало, когда возвращаюсь отъ Блоковъ и попадаю въ гостиную Мережковскихъ на важный, какъ міръ, разговоръ, отъ котораго конечно зависитъ свершеніе исторіи (протестовать или нѣтъ въ либеральныхъ газетахъ «тремъ честнымъ интеллигентамъ» противъ «гнуснѣйшаго» посланія іерарховъ); сидитъ пренадменно настроенный «Дима» (Д. В. Философовъ); неукротимый «Антонъ» (Карташевъ), вздернувъ плечи, метается по угламъ, приводя двадцать пятое возраженіе противъ вѣскаго резюмэ чьей-то мысли; — застигнувъ врасплохъ: Мережковскій, лукаво взглянувъ на меня («наигрался теперь въ пустоту: ну, пора и за дѣло»), пытается съ мягкой любовностью и меня ввести въ тему надменнаго разсужденія Философова и летанія Карташева по комнатѣ:

— «А мы вотъ, пока вы «завивались», — безъ васъ обсуждали...»

И я начинаю теперь поднимать на плечахъ пудовую общественно-религіозную тему: за Философова противъ А. В. Карташева; или — обратно: за Карташева — противъ Д. В.

Если я терпѣливо проглатывалъ всѣ подшучиванья надъ моими невольными слабостями (убѣганіемъ къ «Блокамъ» и можетъ быть декаденствомъ, бросаніемъ въ небеса «ананасомъ») — происходила такая уступчивость лишь потому, что Д. С. и З. Н. мнѣ высказывали дѣйствительно „taхитит“ дружбы, терпѣнья, вниманія; «главнаго» моего — не понимали они; и «оно» ихъ колело; «уколы» — несли; и межъ нами естественно вырабатывался тотъ «modus Vivendi», въ которомъ неоскорбительными казались мнѣ шутки. Чего не позволишь чужимъ, то позволишь

«своимъ»; Мережковскіе были воистину мнѣ своими родными. Я съ грустью вспоминаю тѣ года; и хочется все-таки черезъ все имъ сказать:

— «Вамъ — спасибо, спасибо: за все!»

ВЪ КАЗАРМАХЪ

Между Казармами и массивнѣйшимъ домомъ Мурузи я чувствовалъ въ раздвоеніи себя; я былъ вовсе разорванъ во время тревожнаго петербургскаго пребыванія; у Мережковскихъ проплющивали общественностью; самого Мережковского этой общественностью методично проплющивалъ Струве; и создавалась атмосфера «кадетской религіозной общности» до возникновенія самой партіи; изъ тяжелой, изъ пряной общественной атмосферы я вырывался стремительно — къ Блокамъ, «домой»; въ тишину безглагольнаго, камфортабельнаго покуриванья, отдохновительнѣйшихъ улыбокъ, вѣщающихъ «ни о чемъ», потому что:

— «Ахъ, знаю!..»

— «Все знаю...»

— «Не объясняй...»

Развалиясь въ мягкомъ креслѣ, откинувшись головой въ тѣнь спинки, и закрывая глаза, хорошо было думать, и хорошо сознавать, что твое настроеніе здѣсь блюдетя: ничто не спугнетъ его; что съ дивана не бросится зычно рыкающій гласъ, привскочившаго, перепуганнаго идеей Д. С.; не поднимется суетливая бѣготня черныхъ туфель съ «помпонами»:

— «Или мы, иль — никто...»

(«Мы» — конечно же, не помпоны: Д. С. Мережковский, Д. В. Философовъ, А. В. Карташевъ и З. Н.)

— «Что-жъ?»

— «Вы съ нами, или вы — съ ними?»

А. А. не оглушалъ никого: не рычалъ, не взывалъ, не глаголилъ:

— «Вы съ нами, или же съ «н и м и»!

Закинувши голову въ мягкое кресло и созерцая большими глазами пространство надъ нимъ, размыкалъ свои губы; струя голубая дымковъ наполняла пространство причудливымъ облачкомъ; и — въ душѣ отдавалось:

— «Знаю, все знаю...»

— «Ты съ нами...»

— «Не нужно рѣчей...»

Въ фантастической, очень идущей рубашкѣ изъ черной свисающей шерсти, безъ талии, не перетянутой поясомъ и открывающей крѣпкую лебединую шею, — мнѣ кажется Байрономъ онъ, перерисованнымъ со старыхъ портретовъ.

Всепонимающимъ взглядомъ посмотреть, привстанеть, ко мнѣ подойдетъ, взявъ за локоть:

— «Пойдемъ...»

— «Я тебѣ покажу переулки...»

И мы — одѣваемся; мы выходимъ на улицу; А. А. водить меня по какимъ-то кривымъ переулкамъ, показываетъ, что онъ видитъ; направо — заборъ; впереди — подоса огневая заката: и —

Край неба распоротъ,
Переулки горятъ.

Переулки, которыми водилъ меня Блокъ, я позднѣе узналъ; я ихъ встрѣтилъ въ «Нечаянной радости»; и даль переулочную, и — крендель булочной; то переулки, избороздившіе петербургскую сторону;

помню: закатный свершается часъ; небо — красное надъ заборомъ, который отъ этого кажется четкимъ и чернымъ; а впереди — край Невы; А. А., стройный, высокій и розовый отъ зари, въ нестуденческой шубѣ, въ прекраснѣйшей, мѣховой своей шапкѣ, чуть щурясь, разсматриваетъ подробности быта: согнувшихся этихъ людей (они тащатъ кули), двухъ воронъ; и я вижу: не ускользаетъ ничто отъ внимательныхъ взоровъ его; онъ окидывалъ очень-очень внимательнымъ взоромъ: двухъ галокъ, рабочихъ съ кулями, закатъ и меня; да, — вотъ слово, которое характеризуетъ его: очень-очень внимательный взглядъ, но не пристальный; въ пристальномъ взорѣ вниманія нѣтъ; не моралень взоръ, пристально устремленный; З. Н., — та, бѣвало, приставитъ лорнетку къ глазамъ; и — осматриваетъ: не внимательнымъ, п р и с т а л ь н ы м ъ, колючимъ взоромъ, впиваясь не въ цѣлое — въ черточку; Мережковскій глядитъ невнимательно передъ собою, не пристально; а то — ширитъ стеклянныя очи, то — начинаетъ поглядывать. Александръ Александровичъ все оглядывалъ очень-очень внимательнымъ взоромъ; онъ, да, — видѣлъ цѣлое, а не черточки цѣлаго, какъ З. Н. Въ этомъ взорѣ — участіе, не любопытство, а со-участіе съ тѣмъ, къ чему онъ обращался; бывало, все-все онъ замѣтитъ; не разъ вспоминалъ удивленіе добраго В. Ф. Марконета, котораго Блокъ побѣдилъ своимъ милымъ, внимательнымъ взоромъ, обласкивающимъ окружающее. Мы, бывало, не разъ останавливались въ переулкѣ, разглядывая происходящее; и А. А. говорилъ:

— «Знаешь, здѣсь — какъ-то такъ...»

— «Очень грустно...»

— «Совсѣмъ захудалая жизнь...»

— «Мережковскіе этого вотъ не знаютъ».

А это — стояло кругомъ: и охватывала жизнь бѣдноты.

— «Что вы дѣлали съ Блокомъ?»

— «Гуляли...»

— «Ну, что-жъ?»

— «Да что-жъ болѣе?»

— «Какъ — и молчали?..»

— «Смотрѣли — на переулки, заборы; на то, какъ край неба распоротъ...»

— «Удивительная аполитичность у васъ: да, мы, вотъ, — обсуждаемъ, а вы вотъ — гуляете...»

Помню: А. А. приведетъ отъ прогулки (замерзнемъ мы оба); подталкивая подъ локоть, усадить въ спокойное, мягкое кресло, неторопливо усядется рядомъ въ такое же кресло, неторопливо возьметъ преогромную, круглую деревянную папиросницу, передо мной возникающаго гада — на столѣ у него; и — протянетъ ее; разъ онъ ею совсѣмъ машинально взмахнулъ на меня, мнѣ рассказывая о чемъ то, и я тутъ невольно откинулся; онъ — разсмѣялся:

— «Ты — что?»

— «А ты что?»

— «Почему ты смѣешься?»

— «А почему ты откинулся?»

— «Такъ... Мнѣ казалось...»

— «А мнѣ показалось, что тебѣ кажется, будто бы я собираюсь тебѣ предложить эти всѣ папиросы заразъ, чтобы вставить въ твой ротъ папиросницу». (Папиросница же была преогромныхъ размѣровъ). А. А. любилъ «дикости». Мы замолчали. Молчаніе — длилось: въ молчаніи вспоминалося странное, дикое:

— «Почему эти глупыя мелочи, жесты, врываясь въ нить мысли, порой создаютъ карикатурныя ассоціаціи; знаешь что: одного очень-очень извѣстнаго литератора впопыхахъ неумѣстной услуги однажды я вдругъ схватилъ за носъ — нечаянно, неожиданно во-все: перепугался, что оскорбилъ ненамѣренно носъ литератора; все старался себѣ самому показать, что — бывшее дѣйствіе есть иллюзія, и что схватываніе за почтеннѣйшій носъ не имѣло здѣсь мѣста».

— «А вѣроятно чѣмъ болѣе ты это думалъ, тѣмъ болѣе думалось: а схватилъ таки», улыбнулся А. А. И опять отдавалось мнѣ:

— И не надо рассказывать!»

— «Знаю: все знаю...».

Въ перекидныхъ разговорахъ, въ молчаніи этомъ, смѣняющемъ ихъ, въ безотвѣтственныхъ ходахъ мыслей, въ медитативности нашего сидѣнья, — отдохновеніе приходило мнѣ.

Было что-то въ А. А. столь плѣнительное и уютное, что часами хотѣлось сидѣть съ нимъ: въ лукавой улыбкѣ, въ усталыхъ глазахъ (я впервые замѣтилъ усталость въ глазахъ у него — въ Петербургѣ), въ нѣмомъ разговорѣ, перерываемомъ затяжкой папиросы, — мнѣ чудилось приглашеніе къ отдыху.

— «Что? Бѣдный другъ — измотался, измучился...»

— «Вѣрно украдкой удралъ».

— «Не объясняй мнѣ: все — знаю...»

— «Вернешься и — будетъ тебѣ нагоняй: и Д. В. Философовъ прочтетъ тебѣ снова нотацію — за отлучку, за то, что опять «завиваешься» въ пустотѣ!»

— «Нынче вечеромъ вѣрно въ присутствіи «Т а т ы», «Н а т ы», «А н т о н а» поставятъ вопросъ «о н и»: что дѣлать съ «Б о р е й»?»

И я — улыбаясь въ отвѣтъ на улыбку, пріоткрывавшую мнѣ, что онъ — «знаетъ, все знаетъ»: до разговора о немъ; такъ незлобивые смѣшки межъ затяжекъ сопровождали медлительно тему нашей бесѣды «о М е р е ж к о в с к и х ъ»; и я долженъ отмѣтить: въ ней было столь много любви-пониманія къ Мережковскому, какъ къ хорошему человѣку, котораго онъ понималъ и любилъ «несмотря ни на что», — несмотря на идеи; невольно я былъ откровеннѣе съ нимъ, чѣмъ хотѣлъ бы быть, часто давая З. Н. поводъ къ ставимымъ мнѣ обвиненіямъ:

— «Да, да, да!»

— «Вы, навѣрное, — предаете насъ Блоку».

Но я не пугался; я — зналъ: Мережковскіе такъ любили все громкое: «Или — мы, иль — никто», «или съ нами, иль — противъ, «иль жертвуете себя намъ, иль — вы предаете насъ». «Предавать» не хотѣлъ, но и жертвовать своей жизнью для ходкаго фельетона Д. С. — не хотѣлъ; выходило, что я — «предавалъ». Мережковскіе не хотѣли понять, что съ А. А. насъ связали уже: переписка, московскіе дни и ярчайшія переживанія Шахматова; самый «стиль» отношенія моего къ А. А. Блоку слагался въ такомъ направленіи, что и не было перегородокъ межъ нами; невольно, поэтому, я дѣлился съ нимъ искреннимъ впечатлѣніемъ своимъ о Д. С. и З. Н., начинавшихъ вліять на конкретныя частности моего идейнаго быта; онъ молча выслушивалъ, обнимая внимательнымъ, всепонимающимъ взглядомъ, тѣмъ болѣе, что «людей» въ Мережковскихъ онъ и любилъ, и цѣнилъ; въ нихъ претила ему реторичность, ходульность, невольная поза, соединенная съ ригоризмомъ, абстрактностью, категорической косностью.

Болѣ всего А. А. понималъ З. Н. Гиппиусъ: понималъ — въ утонченнѣйшихъ ея чувствахъ и мысляхъ. З. Н. — замѣчательный человѣкъ, величайшее марево въ жизни ея — подчиненіе идеямъ Д. С.; Д. С. часто казался вампиромъ, паразитирующимъ на идеяхъ З. Н. Вѣроятно: огромные томы его никогда не возникли бы, еслибы не З. Н.: самопожертвенно отдавала себя имъ она; проводила дни, ночи въ бесѣдахъ, которыя приготавливали для Д. С. благодарную пашню; на ней могъ онъ сѣять: разбрасывать горсти идей въ разрыхленные души; З. Н. разрыхляла цѣлины; онъ — сѣяль, выпучивая очень-очень большіе глаза, очень-очень холодные, стекловидные, напоминающіе міръ минераловъ, разгуливалъ, очень какой-то т а к о й (что ли зябкій и щупленькій): въ туфляхъ съ помпонами. Я приглядѣлся къ Д. С.: «а т м о с ф е р а», которую чуяли всѣ, — была въ сущности «м е р е ж к о в с к о е», рабочее поле: с о б р а т ь я по Духу стремительно превращались въ семь полѣ въ рабочихъ, закабаленныхъ «в з а и м н о с т ь ю»; а интереса къ самостоятельному труду членовъ общины не было, потому что творческой плодотворной работы вѣдь не было тоже. Д. В. Философовъ газетными фельетонами силится, вставъ у двери общественной жизни, ту дверь растворить Мережковскому, долженствующему: войти, побѣдить большой свѣтъ; а З. Н. — сколько-сколько работъ было ею загублено — для облегченія Мережковскому быть учителемъ жизни; она отдувалась за все; дѣловыя сношенья, бесѣды съ людьми и активнѣйшую пропаганду «с о з н а н ь я М е р е ж к о в с к а г о» вѣдь брала на себя она, чтобъ Д. С. могъ въ роскошныхъ уютыхъ просторнаго кабинета систематически выжимать изъ себя по отмѣренной порціи текста романа, который въ то время писалъ онъ; А. В. Карташевъ не писалъ ничего оттого, что его—«т е р е

били»; онъ былъ въ «попыхахъ»; «попыхи» — очередная возникшая ссора съ З. Н. иль съ Д. С.; и потомъ: очередное возникшее примиреніе съ ними при помощи «Таты» и «Наты» (не разъ я присутствовалъ въ качествѣ молчаливаго зрителя примиреній и ссоръ, призываемый очень торжественно быть свидѣтелемъ увѣщеваній «Антонна», который — «брыкался»; и, наконецъ — «убѣжалъ»); вспоминаю: какъ только меня обнимала густѣйшая «мережковская» сфера, работа моя пропадала; на очереди стояли — «Симфонія», «Пепелъ» иль «Символизмъ»; къ рукописи, бывало, — не могъ прикоснуться: сегодня былъ долженъ писать по заказу З. Н. гимнь для пьесы ея, иль стихи «Красныхъ макковъ»,¹⁾ а завтра уже поручалось: статьей нападать призывался присутствовать при объясненіи «забунтовавшаго» А. В.; помню, что къ личнымъ трудамъ Мережковскіе относились съ отчаяннымъ равнодушіемъ; восхищались моею посредственной статьей о Бердяевѣ; а «Символизма» и «Петербурга», я буюсь объ закладъ, — не прочли; былъ имъ нуженъ лишь бойкій стрекочущій перьями фельетонистъ, помогающій Философову открывать двери «Дмитрію». Я, писатель, художникъ, для нихъ безразличенъ былъ: нуженъ былъ лишній работникъ рабочаго поля (вынашиватель совмѣстной идеи), съ котораго Мережковскій снимаетъ плоды въ своихъ грузныхъ томахъ; да, тома Мережковскаго — принадлежать не ему: принадлежать они и З. Н., и Д. В., и другимъ обиходнымъ «работникамъ», вспахивающимъ идеи Д. С.; имъ торжественно онъ говоритъ: «Да, мы — ваши, вы — наши»;

---

¹⁾ Этотъ гимнь къ пьесѣ Мережковскихъ былъ написанъ мною по просьбѣ З. Н. въ Парижѣ.

«работники» подаютъ матеріаль, а Д. С., преобильно снабженный сырьемъ, изъ сырья по шаблонамъ своимъ выпекаетъ какіе угодно хлѣба, приизюмить, присахарить: тѣсто же остается непропеченнымъ и вязкимъ (уже написалъ: о Толстомъ, о Достоевскомъ, о Гоголѣ, Тютчевѣ, Лермонтовѣ, Леонидѣ Андреевѣ — можетъ теперь закатить три объемистыхъ тома объ... Александрѣ Дюма, Маяковскомъ, или... безвременно опочившей Гуро: дѣло вовсе не въ имени — въ «в ы п е ч к ѣ»; «в ы п е ч е т ѣ», коль захочетъ, и изъ Гуро).

Я помню съ Д. С. мы встрѣчались по утрамъ, часовъ въ 10, за утреннимъ чаемъ; З. Н. не вставала (вставала не ранѣе двухъ); Т. Н. Гиппиусъ была въ Академіи; за столомъ мы встрѣчались одни; кто не зналъ Д. С., могъ бы подумать:

— «Чего онъ надулся?»

— «За что онъ такъ сердится?»

Чопорно, сухо, съ оттѣнкомъ брезгливости мнѣ подавалъ свою ручку Д. С., но я зналъ, что оттѣнокъ брезгливости вовсе ко мнѣ не относится; просто былъ полонъ онъ мыслей; передъ работою: отъ половины одиннадцатаго и до двѣнадцати аккуратно отписывалъ онъ свою малую порцію романа «П е т р ъ и А л е к с ѣ й»; и потомъ, что-то тихо посвистывая, надѣвалъ мѣховую онъ шапку и быстрыми, перебѣгающими шагами, пересѣкалъ коридоръ, направляясь въ переднюю: шель онъ гулять въ Лѣтній Садъ, оставляя на письменномъ столѣ въ кабинетѣ открытую рукопись съ непросохшимъ черниломъ; мнѣ случалось неволью прочитывать окончаніе послѣдней, написанной фразы.

Въ два — завтракали (чаще всего безъ З. Н.).

И потомъ расходились.

. . . . .

Мое путешествіе изъ дома Мурузи къ Казармамъ происходило въ 2—3 часа (каждый день); просиживалъ часто у Блоковъ часовъ до 6, до 7; очень часто обѣдалъ у нихъ.

Запомнилась мнѣ ихъ квартира, естественно раздѣленная на половину А. А. и Л. Д. и на прочія комнаты; половина А. А. состояла изъ кабинета и спальни.

Бывало звонюсъ: открываетъ денщикъ; коль А. А. и Л. Д. дома нѣтъ, — я вхожу въ двери прямо, въ гостиную; знаю, что встрѣчу я здѣсь Александру Андреевну, съ которой все болѣе я дружу; тема нашихъ общеній самостоятельная, разговоры, напоминающіе бывалые, безконечные мои разговоры съ О. М. Соловьевой; у Александры Андреевны тотъ же пытливый, скептическій взглядъ, наблюдающій подоснову душевныхъ движеній; она какъ бы мнѣ говоритъ своимъ видомъ:

— «Ну, да, — хорошо: утверждаете свѣтъ... Покажите мнѣ вашу тайную лабораторію свѣта.

За «скепсисомъ» у Александры Андреевны — огромная вѣра, надежда на... Главное; но довѣріе, настороженность — всегда; она первая явственно угадала, что стиль утверждений моихъ предполагаетъ «катастрофу», «взрывъ»; и не разъ говорила:

— «Вы въ сущности не оставляете камня на камнѣ: вы все разрушаете; ваше «да» — но мнѣ кажется, будто нѣтъ его вовсе...»

Тутъ я отвѣчалъ ей, что «духъ» — не душа, что онъ — дышитъ, гдѣ хочетъ; его не покажешь руками, не схватишь душою; и разговоры о томъ, погибать ли душевности въ Духѣ, — всегда повторялись межъ нами; Александра Андреевна меня поняла лучше прочихъ въ непримиримѣйшемъ устремленіи къ бунтарству, къ протесту; казалось, Ал. Андр. влечется ко мнѣ, но — боится меня; она явно тревожилась за судьбу «коллекти-

ва», учуявъ его распадѣніе въ будущемъ; и боялась стремительности моихъ жестовъ, боялась фанатичности С. М. Соловьева, котораго я передъ ней защищаль.

Очень много рассказывала она про А. А., про его невеселое дѣтство; рассказывала про отца А. А.; онъ казался ей темнымъ (онъ былъ въ это время профессоромъ варшавскаго университета); рассказывала о приѣздахъ «отца» въ Петербургъ, о свиданьяхъ съ нимъ Блока, о томъ, какъ всегда тяжелили А. А. эти встрѣчи съ отцомъ, увлекавшимъ А. А. за собой по ночнымъ ресторанамъ (отецъ А. А. силился поколебить вѣру въ мистику своего просвѣтленнаго сына); и явствовало: очень много раздвоенныхъ чувствъ отложилось въ душѣ у А. А. отъ общеній съ отцомъ. Александра Андреевна порой останавливалась на людяхъ, которыми интересовался А. А.; много слышаль я въ этихъ бесѣдахъ о нѣкоемъ Панченко, — музыкантѣ, который всегда импонироваль Блоку; А. А. порой влекся къ нему; этотъ Панченко по словамъ Александры Андреевны былъ умницей, замѣчательнымъ человѣкомъ, но темнымъ насквозь. Отъ А. А. я не разъ въ это время самъ слышаль:

— «А знаешь ли, — Панченко думаетъ...»

— «Панченко такъ говоритъ...»

Когда же пытался я больше спрашивать, то лицо у А. А. становилось серіознымъ; и онъ озабоченно, съ уваженіемъ въ голосѣ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ говорилъ:

— «А знаешь, онъ — темный...»

Болѣе ничего я не могъ изъ А. А. тутъ извлечь.

И потомъ повторялось мнѣ:

— «Панченко — думаетъ...»

— «Панченко!»

Панченко, Панченко, что за Панченко? Такъ думалъ я съ любопытствомъ.

Я разъ его встрѣтилъ у Блоковъ; то былъ ужъ сѣдой человѣкъ, худощавый, не очень высокаго роста съ французской, сѣдою бородкою, съ прямымъ носомъ и съ блѣднымъ лицомъ; его быстрые, острые взгляды перебѣгали; окидывалъ ими онъ зорко; и — останавливались съ недружелюбіемъ, со скрытой усмѣшкой на мнѣ; онъ старался быть свѣтскимъ; сидѣлъ за столомъ и показывалъ намъ пассіансъ; тогда не понравились откровенно другъ другу; уже Александра Андреевна рассказала мнѣ: Панченко не любилъ всѣхъ друзей А. А. Блока; особенно не любилъ онъ Л. Д.

Этотъ Панченко мнѣ показался фальшивымъ; сквозь напускной легкомысленный скепсисъ французскаго остроумія онъ пытался пустить пыль въ глаза, озадачить особеннымъ пониманіемъ жизни.

Я разъ только встрѣтился съ нимъ, онъ меня оттолкнулъ.

При посѣщеніи Блоковъ я чаще всего заставалъ ихъ. А. А. въ эти годы былъ, собственно говоря, домосѣдъ; онъ меня проводилъ изъ передней налѣво въ свой маленькій кабинетъ — въ очень строгую, длинную, однооконную комнату; изъ той комнаты бѣлая дверь вводила въ просторную спальню, откуда показывалась Л. Д. въ своемъ розово-зеленоватомъ причудливомъ платьѣ, напоминающемъ (какъ и все, что носила дома она) театральное одѣяніе. Здѣсь посиживали часто мы часами втроемъ; иногда разговоромъ была недовольна Л. Д.: быстро вставала, безъ словъ уходила къ себѣ, насъ наказывая отсутствіемъ.

Кабинетикъ А. А. занимали: объемистый письменный столъ, полированный, краснаго дерева; и такого же

дерева шкафъ, очень мягкій диванъ (отъ стола вдоль стѣны), очень-очень удобное кресло, въ которомъ А. А. неизмѣнно посиживалъ, подъ руками имѣя свою деревянную папиросницу; ею разъ напугалъ онъ меня; у окна цѣпенѣли два кресла и столикъ; здѣсь сиживала Л. Д., иль вѣрнѣй собиралась въ комочекъ, залѣзши съ ногами на кресло, склонивъ свою голову въ руки, обхватывающія деревянную спинку (любимая поза ея). Я сидѣлъ на диванѣ, облокотясь о столъ. Такъ встають предо мною сидѣнія вмѣстѣ.

Запомнилась статная молодая фигура А. А., уходящая въ тѣни кресла съ руками, небрежно положенными на ручки, съ откинutoю курчавою головою; запомнился взоръ его, будто растерянно-любопытный; улыбочиво-грустно сидѣлъ онъ, внимательно взглядываясь... во что? Онъ былъ въ той же черной, уютной рубашкѣ, свисающей складками, не перетянутой поясомъ, открывающей крѣпкую, лебединую шею, которую не закрывалъ широчайшій воротничекъ à la Байронъ; казался опять и опять новымъ Байрономъ, перерисованнымъ со старыхъ портретовъ. Его закрывали глубокія тѣни; а изъ тѣней выступали глаза да лицо, поблѣднѣвшее; не было въ немъ озаренности; поубавился съ прошлаго года загаръ розоватый; круги подъ глазами казались глубже; едва уловимыя складочки около глазъ проступили.

Вѣдь вотъ: разговора то не было: было журчаніе струй: разговаривалъ я; и — пускалъ ручей словъ, разрѣзавшій ландшафты душевнаго испаренія, образовавшаго облака, гдѣ взвивались причудливо птицы фантази; мнѣ З. Н. говаривала:

— «О чемъ же вы тамъ все молчите? Я знаю ужъ... «Г д ѣ - то, да что - то, да кто - то»... Ахъ,—это старо: просто это радѣніе, декадентщина».

Искренне я возмущался въ то время обычною характеристикой Блока тогдашими литераторами; изъ нея подымался какой-то «б а л д ѣ ю щ і й» мистикъ, оторванный отъ живой социальности и погруженнаго въ туманъ безпросвѣтной невнятицы; по-длинно:

Блокъ бѣжалъ «б о л т о в н и» и кружковской общественности, которая должна была скоро лопнуть въ годахъ русской жизни; но онъ, поэтъ страшной години Россіи, кипѣлъ, волновался въ тѣ дни; это видѣлъ я часто; а его обвиняли въ апатіи; и да: онъ изъ этого кабинетика могъ сбѣжать бы... на баррикаду, а не въ редакцію «В о п р о с о в ѣ Ж и з н и», куда собирались писатели, гдѣ трещалъ миміографъ Чулкова; Чулковъ здѣсь часами вытрескивалъ совершенно безцѣльные резолюціи и протесты ненужныхъ общественныхъ группъ, уносимыхъ водоворотами жизни, но полагающихъ, что они то и сотворяютъ ее; въ эти дни вся Россія кипѣла; у Мережковскихъ же обсуждалось: какія условія соединенія съ группою писателей идеалистовъ приемлемы. Идеалисты тѣснили новопутейцевъ; новопутейцы отстаивали себя; и невольно казалось, что отъ союза Булгакова, Н. А. Бердяева, С. А. Аскольдова съ Д. В. Философовымъ и Мережковскимъ переродится стихія тогда разливавшейся революціи.

А. А. чувствовалъ карикатурность такихъ устремленій; онъ волилъ, воистину, б ó л ь ш а г о, пренебрежительно относясь къ «п у с т ы к о в о й» журнальной шумихѣ; и оттого-то его называли аполитичнымъ, антиобщественнымъ мистикомъ; иные общественники надменно покашивались на него, какъ покашивались на него много лѣтъ ужъ спустя антиобщественныя элементы за яркость «о б щ е с т в е н н ы хъ»

устремлений, за манифестъ отъ лица русской націи — «Скиѳовъ», написанныхъ въ брестскіе дни — въ дни, когда Мережковскіе, давясь злобой на русскій народъ провалились въ квартирѣ на Сергіевской съ «IV-ю V постастью»; «V постасть Божества», о которой кричалъ Мережковскій, — пришла: Блокъ всталъ съ кресла — сказать свою громкую думу всей жизни:

Идите всѣ — идите на Уралъ:
Мы очищаемъ мѣсто бою
Стальныхъ машинъ, гдѣ дышитъ интеграль
Съ монгольской, дикую ордою...

Тутъ онъ сталъ вдругъ внятенъ: народу, который «общественникамъ», очень многимъ, казался невнятицей; тотъ народъ, о которомъ писали-писали-писали, стучали-стучали словами, — сталъ всѣмъ невнятицей; «внятица» заскрежетала зубами на русскій народъ, на Россію, на Блока.

А. А. очень рѣдко въ то время показывался въ говорильняхъ, а если показывался, то — тускнѣлъ; перепуганный, поблѣднѣвшій, съ недоумѣнными взорами; полураскрывши свой ротъ, онъ сидѣлъ и молчалъ, переживая, навѣрное, свои строчки:

Всѣ кричали у круглыхъ столовъ,
Безпокойно мѣняя мѣсто.

Онъ держался какъ бы у стѣнки; такимъ помню его я въ редакціи «Вопросовъ жизни». На громкомъ собраніи съ «резолуціей», вытрескиваемой «ремингтонной машинкою», онъ имѣлъ такой видъ, точно онъ собирается убѣжать; и маститые

идеалисты оглядывали его съ такимъ видомъ, какъ будто они говорили:

— «Ну гдѣ вамъ, куда вамъ... Довольствуйтесь тѣмъ, что пускаемъ мы васъ на страницы журнала, какъ... полемическій «т р ю к ъ», чтобы вами показывать ку-киши «М і р у Б о ж ь е м у», гдѣ васъ не печатають... Понимать наши споры — куда вамъ: вы — мистикъ!»

А. А., отвѣчая на взоры, съ растерянностью какъ-то оглядываль сборище:

— «Не для меня... Здѣсь — общественники-фило-софы, а я — мистикъ»...

Мнѣ помнится: быстро онъ скрылся.

Въ то время имѣль онъ домашній, семейственный видъ; онъ просиживаль дома съ Л. Д.; иногда отпра-влялся—«п о д ѣ л у», въ редакцію; никогда не засижи-вался; уходиль на прогулки — по островамъ; и про-стаиваль часто у взморья, встрѣчая закаты; онъ возвра-щался — повеселѣвшій и бодрый, играя вскипающей строчкой стиховъ; отъ статей того времени не осталось слѣда; не расскажешь теперь, что такое вытрескивали ремингтоны редакціи; а пѣвучія строчки Блока, на-стоянныя на приморскомъ закатѣ, остались Россіи; молчанье его огласилось навѣвки; а «гор-ло деръ» сколькихъ важныхъ вопросовъ повергся въ глубокое, гробовое молчаніе.

Самъ А. А. написалъ черезъ нѣсколько лѣтъ о «горлодерахъ» тогдашняго времени: «По ка мы разсуждали... о безконечномъ прогрессѣ — оказалось, что высверлены аккуратныя трещины между чело-вѣкомъ и природой, между отдѣльными людьми, и наконецъ, въ каждомъ чело-вѣкѣ разлучены душа и тѣло, разумъ

иволя». И далѣе: «Когда я заговорилъ о разрывѣ между Россіей и интеллигенціей, болѣе всего поразилъ меня удивительный оптимизмъ большинства возраженій: до того удивительный, что приходитъ въ голову, не скрывается ли за нимъ самый отчаянный пессимизмъ? Говорилъ я о смерти, мнѣ отвѣчали, что болѣзнь излѣчима... Я говорилъ о расколѣ; мнѣ отвѣчали, что... нечему раскалываться... Страшно слышать: «Болѣзнь излѣчима, болѣзни нѣтъ, мы сами — все можемъ». Когда ступишь ногой на муравейникъ, муравьи начинаютъ немедленно возстановлять разрушенное. Они — въ своей вѣчной работѣ... какъ во снѣ... Въ такомъ же снѣ — бабочка, танцующая у пламени свѣчи... Цвѣтъ интеллигенціи... пребываетъ... въ вѣчномъ... снѣ, или въ муравьиной кучѣ. Это — безконечное и упорное строительство съ пѣной у рта, съ паденіями. Одинъ сорвался — лѣзетъ другой, другой сорвался — лѣзетъ третій. И муравейникъ растетъ... И вдругъ нога лѣснаго звѣря.. ступаетъ въ середину... Отклоняется въ обсерваторіи стрѣлка сейсмографа. Еще неизвѣстно, гдѣ произошло событіе, какое событіе. Черезъ день телеграфъ приноситъ извѣстіе, что уже не существуетъ Калабрія и Мессина — 23 города, сотни деревень и сотни тысячъ людей...»

Я сознательно привожу эту длинную выписку; она — въ духѣ тѣхъ мыслей, которыми А. А. Блокъ мнѣ описывалъ отношеніе свое къ окружающимъ литературно-общественнымъ спорамъ, — къ кипящему муравейнику, неспособному предотвратить свою гибель отъ лапы прохожаго звѣря, иль той міровой катастрофы, которую прозиралъ онъ всегда съ міровою зарею, о чемъ гласятъ строчки стихотворенія «Г а м а ю н ъ». А «міровые вопросы» Д. С. Мережковского ему казались въ тѣ дни только бабочкой, затанцевавшей у пламени свѣчки; онъ пламя ужъ видѣлъ; онъ видѣлъ, что «бабочка» скоро погибнетъ; его-жъ приглашали выслушивать «трепеты бабочкиной пыльцы крыльевъ» — религиозно-философскіе рефератики, иль «рыкъ» Мережковского — въ туфляхъ съ помпонами; «туфли съ помпонами» — эгоизмъ, выпирающій изъ общественныхъ схемъ: «Или мы (т. е. «Зина» и «Дима» и я: а въ концѣ концовъ — я, ибо «Зина» и «Дима» — работники, собирающіе мнѣ матеріалы), иль — ты, иль — никто...» Да, «помпоны» — хроническій субъективизмъ объективнѣйшихъ положеній Д. С., надъ которыми со снисходительнымъ добродушіемъ часто пошучивалъ А. А. Блокъ у себя въ кабинетѣ; порой онъ взрывался: тогда онъ писалъ объ ослабленной каменной маскѣ, — о выраженіи лица Мережковского, нашедшаго парадоксъ: «А знаешь ли, Зина...?»; А. А. повторялъ очень часто все то, что потомъ было сказано имъ въ его яркихъ статьяхъ «Россія и интеллигенція»: «Есть священная формула, такъ или иначе повторяемая всѣми писателями: «Отрекись отъ себя для себя, но не для Россіи» (Гоголь). «Чтобы быть самимъ собой, надо от-

речься отъ себя» (Ибсенъ). «Личное самоотреченіе не есть отреченіе отъ личности, а есть отреченіе лица отъ своего эгоизма». Эту формулу повторяетъ рѣшительно каждый человѣкъ... Эта формула была бы банальной, если бы не была священной... Только тогда, когда эта формула проникнетъ въ плоть и кровь каждаго изъ насъ, наступитъ настоящій «кризисъ индивидуализма».¹⁾

Въ преодолѣніи «индивидуализма» со стороны всѣхъ тогдашнихъ «путей» А. А. чувствовалъ фальшь; этой фальшью являлась ему откровенная смѣсь субъективнѣйшихъ переживаній З. Гиппіусъ съ бѣдной схоластикой Д. С., размѣшанной устремленьями «вопросо-жизненниковъ», далекихъ отъ жизни и отъ вопросовъ, связанныхъ съ катастрофой сознанія, о которой А. А. говоритъ: «Мы еще не знаемъ въ точности, какихъ намъ ждать событій, но въ сердцѣ нашемъ уже отклонилась стрѣлка сейсмографа. Мы видимъ себя уже какъ на фонѣ зарева».²⁾ Религіозно-философскія собесѣдованія Мережковскихъ на огненномъ фонѣ дѣйствительной катастрофы казались А. А. неудачною карикатурою: «Теперь они опятъ возобновили свою болтовню, но всѣ эти обозленные и образованные интеллигенты, посѣдѣвшіе въ спорахъ о Христѣ, ихъ супруги, свояченицы въ приличныхъ кофточкахъ, много-

¹⁾ „Россія и интеллигенція“. Стр. 61.

²⁾ Idem. Стр. 55

думные философы и лоснящіеся отъ самодовольства попы, знаютъ, что за дверьми стоятъ нищіе духомъ... А на улицѣ — вѣтеръ, проститутки мерзнутъ, люди голодаютъ, ихъ вѣшаютъ; а въ странѣ — «реакція», а въ Россіи жить трудно, холодно, мерзко. Да хоть бы всѣ эти болтуны въ лоскъ исхудали отъ своихъ исканій... — ничего въ Россіи бы не убавилось и не прибавилось...»¹⁾

Всѣ эти мысли въ Блокѣ мнѣ были хорошо извѣстны еще тогда — въ 1905 году; и было извѣстно, что на снисходительное поглядываніе «сверху внизъ» на него въ редакціи «Вопросовъ Жизни» онъ и тогда внутренне отвѣчалъ строками своей болѣе поздней статьи: «Что же, просвѣщайтесь интеллигенты; не думайте только, что «простой человѣкъ» придетъ говорить съ вами о Богѣ. Мы поглядимъ на васъ и на ваши «серіозныя исканія»; поглядимъ да и выплеснемъ... на васъ немножко винной, лирической пѣны: вытирайте лысины, какъ знаете...»

Общественность Блока въ то время свершалась не въ засѣданіяхъ, а — въ прогулкахъ по Петербургской сторонѣ; иногда онъ захватывалъ на прогулки меня; мы блуждали по грязенькимъ переулкамъ, наполненнымъ къ вечеру людомъ, бредущимъ отъ фабрикъ домой (гдѣ-то близко уже отъ Казармъ начинался рабочій районъ); здѣсь мелькали измученныя проститутки-работницы; здѣсь изъ грязныхъ лачугъ двухъ-этажныхъ домовъ раздавались пьяные крики; здѣсь

¹⁾ Idem. Стр. 26.

въ ночныхъ кабачкахъ. насмотрѣлся А. А. на суровую правду тогдашней общественной жизни; о ней же онъ, мистикъ-поэтъ, судилъ рѣзче, правдивѣй, реальнѣй ходульныхъ общественниковъ, брезгающихъ такими мѣстами, предпочитающихъ «пренія» съ сытыми попиками.

Приговоръ всей общественности Мережковскимъ сочелся въ А. А. съ очень тонкимъ вниканіемъ въ психологію ихъ, какъ людей, очень маленькихъ, очень запутанныхъ; въ ихъ интимномъ, въ неповторимомъ—любилъ ихъ; въ томъ смыслѣ онъ даже съ какою-то трогательностью относился къ «п о м п о н а м ъ» на туфляхъ Д. С. Мережковскаго; мы очень часто опредѣляли людей въ это время; мнѣ помнится, что А. А. соглашался, смѣяся, что будто бы Мережковскій — какой-то «к о р и ч н е в ы й», и что пахнетъ корицею отъ него (въ умпостигаемомъ смыслѣ); дѣйствительно: этотъ цвѣтъ сопровождалъ Мережковскаго всюду; ходилъ онъ въ коричневомъ пиджакѣ вдоль стѣны съ коричневатаго цвѣта обоями, посасывая коричневую сигару; обложки его толстыхъ книжекъ — и тѣ: были часто какихъ-то кофейно-коричневыхъ и коричнево-желтоватыхъ оттѣнковъ (онъ самъ выбиралъ эти краски, навѣрное); можетъ быть (не ручаюсь), раскуривалъ онъ у себя въ кабинетѣ курительными бумажками, распространяющими запахъ корицы; казалось мнѣ: этотъ запахъ есть запахъ «и д е й н о - о б щ е с т в е н н о й» атмосферы квартиры его; вѣроятно въ всего это—запахъ душистыхъ сигаръ, перемѣшанный съ духами З. Н. (Тубероза Lubain).

А.А. нѣжно любилъ въ Мережковскихъ — интимныхъ субъективистовъ, неповторяемыхъ, оранжерейныхъ цвѣтовъ, заболѣвшихъ «о б щ е с т в е н н о с т ь ю» и потерявшихъ отъ этого свою цѣнность; такъ рѣдкія

пальмы, заболѣвающія въ теплицахъ, роняютъ прекрасные листья; и видишь лишь волосатые корни, да выпирающей безлистный торчокъ; «религиозно-философское общество», движимое Д. С., для А. А. было только «торчкомъ» Мережковскаго.

— «Ну, а какой же по твоему «Дима»?»

— «Какой?»

— «Онъ по моему: темнолазурный...»

Въ импровизацияхъ веселѣли мы; импровизировала я; и А. А. меня поправлялъ; иногда — присоединялась и Александра Андреевна, которая находила естественнымъ, что я днями просиживаю у Блоковъ; однажды, взявъ за руку, и помаргивая карими своими глазами, она мнѣ сказала:

— «Да какъ же вамъ быть то безъ насъ...»

— «Вѣдь естественно...»

— «Вотъ вы и съ нами...»

Мнѣ помнится, что отсутствіе С. М. Соловьева, доселѣ участвовавшего въ нашихъ сидѣніяхъ не нарушало гармонію цѣлага; наоборотъ: безъ С. М. стало тише, спокойнѣе, непритязательнѣй вмѣстѣ; и если мое пребываніе въ Шахматовѣ извлекло звуки розово-золотыхъ ясныхъ зорь, то сидѣніе въ петербургской квартирѣ у Блоковъ оставило образъ: высокаго зимняго голубоватаго неба въ барашкахъ.

— «О чемъ вы тутъ пишете?» вѣроятно воскликнуть иные: пишу я о новой, о истинно новой общественной, слагавшейся изъ бережнаго переплетѣнія душъ; гдѣ даны а, в, с, тамъ дано: ав, вс, ва, св, авс, асв, сав, ит.д. Даны — безконечные вѣера модификацій общенія; я пишу о томъ «личномъ», которое чувствуетъ себя въ цѣломъ; «общественность» безъ творчества въ личныхъ общеніяхъ каждаго съ каждымъ, «общественность безъ общенія» — сонъ!

Да, общественность, расцвѣченная всѣми видами общеній другъ съ другомъ, — уже не общественность, а «м и с т е р і я»:

Глаза — въ глаза: бирюзовѣть...

Межъ глазъ — межъ насъ — «Я» воскрешень.

И вѣстью первую провѣть:

Не «я», не «ты», но — «мы», но — «Онъ»...

Къэтому-то и стремилися Мережковскіе; но «Онъ» — не вставалъ, потому что общественностью безъ общенія отрѣзали они себя отъ Него: и оттого-то общественность ихъ изошла фельетонами.

Помнится: въ революціонные дни Айседора Дунканъ исполняла 7-ую Симфонію неумирающаго Бетховена, и Л. Д. заставила пойти — на концертъ; эвритмическій звукъ изъ-за жестовъ Дунканъ предо мною впервые проснулся; помню меня поразившее исполненіе XX прелюдіи¹⁾; юная, новая, зареволюціонная Россія вставала; въ тѣ дни увлекались Дунканъ (болѣе всѣхъ увлекалась Л. Д.); А. А. былъ всѣхъ сдержаннѣй, но и онъ отдавался соединенію музыки съ жестомъ; ворчалъ В. В. Розановъ, котораго мы встрѣтили въ залѣ: онъ, взявъ меня подъ руку, недовольно поплескивалъ словомъ:

— «Нѣтъ, нѣтъ, ни одного движенья, какъ слѣдуетъ!»

Тутъ махнулъ онъ рукою.

А. А. чувствовалъ силу прозора В. В.; порою онъ съ ужасомъ вглядывался въ міръ В. В., столь враждебный ему; В. В. Розановъ мучилъ его; онъ однажды въ письмѣ, обращенномъ ко мнѣ, фантазировалъ, будто В. В. «потрясая своей рыжеватой бородкою» подбирается ближе и ближе; и — настигаетъ

¹⁾ Шопена.

уже. «Н а с т и г а ю щ і й» Розановъ стоялъ предъ А. А. въ эпоху, когда мучилъ Кантъ; то двойное подстереганье сознанія А. А. и Розановымъ, и Кантомъ происходитъ въ эпоху, когда «Она», «Цѣльная» начинаетъ уже отходить, подмѣняясь образами «Астарты», дѣйствующими чрезъ абстракціи (Кантъ) и чрезъ чувственность (Розановъ); цѣльность — надломлена; появляются двѣ половинки; полъ цѣльности — логика Канта; и полъ цѣльности — «полъ» (тема Розанова). Переживанья такія смущали А. А. уже въ 1903 году. Но и въ 1905 году онъ становился настроженнымъ, когда возникалъ предъ нимъ Розановъ.

Онъ внимательно вслушивался въ разговоры о Кантѣ, высказываясь очень рѣдко на темы критической философіи, не попадая въ просаки, какъ Д. Мережковский, котораго философствованіе — сплошные «просаки». Я часто въ тѣ дни философствовалъ; и Л. Д. мнѣ внимала; она въ это время была вѣдь курсисткою филологичкой и посѣщала внимательно лекціи по философіи; такъ, однажды она мнѣ поставила строгій вопросъ: каковы должны были-бы быть гносеологическія основы «L a p a n», ежели бы этотъ философъ культуры дѣйствительно появился; и изъ вопроса естественно выросъ рядъ лекцій моихъ, импровизированныхъ на квартирѣ у Блоковъ; А. А. неизмѣнно присутствовалъ тутъ и прислушивался ко мнѣ.

Такъ жилъ я въ тѣ дни въ Петербургѣ — двойною и сложною жизнью: у Блоковъ, у Мережковскихъ: ко мнѣ на Литейный частенько захаживалъ Л. Семеновъ; и мы отправлялись гулять въ Лѣтній Садъ. Въ то время Семеновъ переживалъ крутѣйшую эволюцію отъ монархизма къ революціонному максимализму; онъ вмѣстѣ

съ рабочими шель на Дворцовую Площадь, чтобы увидѣть, какъ царь приметъ ихъ; вмѣсто этого: вмѣстѣ съ толпой онъ лежалъ, упавъ въ камни; вокругъ же свистали летящія пули; идею самодержавія подстрѣлила въ немъ свистнувшая самодержавная пуля; онъ рассказывалъ мнѣ, что онъ гдѣ-то увидѣлъ великаго князя Владиміра Александровича и инстинктивно схватился за револьверъ, чтобы выхватить его изъ кармана; но во время спохватился; но жестъ былъ такъ рѣзокъ, такъ явенъ, что тревога, испугъ передернулъ великокняжеское лицо.

Мы — спорили.

Въ это время совсѣмъ неожиданно къ Мережковскимъ явились Свѣнцицкій и Эрнъ; оба только что приѣхали изъ Москвы съ проектами обращенія къ Синоду отъ группы церковниковъ, желающихъ заклеить синодальное оправданье разстрѣловъ: Д. С. Мережковскій, А. В. Карташевъ и Д. В. Философовъ впервые тогда познакомились съ молодыми людьми (я ихъ зналъ еще прежде); Волжскій восторженно заявлялъ: появились де «религіозные радикалы». Собрались мы въ Пале-Рояль (на Пушкинской) у П. Перцова: обсудить предложеніе «неистовыхъ москвичей»; кромѣ себя, Мережковскихъ и Перцова помню на томъ собраніи Философова, Розанова и Тернавцева; Розановъ и Тернавцевъ тогда отнеслись невнимательно къ предложенью Свѣнцицкаго. Помню: Тернавцевъ сказалъ:

— «Ну, что-жь, можетъ быть вы и пророки: идите, прочтите-ка іерархамъ то, что написали».

Д. В. Философовъ воскликнулъ:

— «Какъ вы, Валентинъ Александровичъ, зная навѣрное, что грозить этимъ юношамъ, посылаете ихъ въ пасть ко льву?»

Но Тернавцевъ отвѣтилъ — полушутливо:

— «Что-жъ? Если считаютъ себя они въ правѣ судить представителей церкви, они и должны быть готовы на все: Даніилъ вѣдь былъ вверженъ въ ровъ львиный, а — уцѣлѣлъ...»

В. В. Розановъ въ это время помалкивалъ, рѣзко блистая дрожащими золотыми очками, подплясывая колѣнкой на стулѣ; освѣдомился онъ небрежно лишь о происхожденіи Свѣнцицкаго; а относительно реформаціоннаго пыла онъ выплеснулъ по адресу синодальнаго строя:

— «Была вотъ навозная куча... осталась навозная куча: такъ нечего ее и раскапывать...»

И тѣмъ не менѣе: бросилось мнѣ въ глаза удивительное перемигиванье его и Тернавцева (Тернавцевъ же былъ убѣжденный церковникъ); они оба поѣхали отъ П. Перцова, обнимаясь, — на извозчикѣ; и понялъ я, что соединяетъ ихъ не религія, — быть и эстетика культа.

Въ эти дни же мы шли (я, Свѣнцицкій и Эрнъ) отъ Д. С. Мережковскаго; у Литейнаго Моста Свѣнцицкій остановился и сталъ развивать мнѣ впервые возникающую въ немъ идею о «христіанскомъ братствѣ борьбы»; это братство возникло въ Москвѣ. Я шелъ къ Блоку. Свѣнцицкій пошелъ машинально со мною, охваченный мыслями о новомъ братствѣ; такъ онъ попалъ къ Блокамъ; и всѣмъ намъ мѣшалъ; онъ сидѣлъ, теребя свою бороду; и обдумывалъ путь къ осуществленію братства; А. А. и тогда не понравился онъ.

Никогда не забуду послѣдній мой день въ Петербургѣ; мы условились, что встрѣтимся въ Шахматовѣ; и А. А., и Л. Д. провожали меня на вокзалъ; когда тро-

нулся поѣздъ, увидѣлъ въ окнѣ ихъ веселія, ласково мнѣ закивавшія лица.

Межъ тѣмъ: въ этотъ часъ былъ убитъ генералъ-губернаторъ Москвы В. К. Сергѣй Александровичъ. Первое извѣстіе, узнанное мною въ Москвѣ — на вокзалѣ, — газетное описаніе взрыва въ Кремлѣ. И опять, какъ тогда при извѣстіи объ убійствѣ фонъ-Плеве въ часы возвращенья изъ Шахматова (въ 1904 году), мое сердце вдругъ вздрогнуло; и почему то я мысли свои обратилъ къ А. А. Блоку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1905 годъ

МОСКВА 1905 ГОДЪ

Я подхожу къ описанью того, какъ расшатывались отношенія наши съ А. А.; какъ схождение подготовлялось годами, такъ точно: и расхождение наше произошло въ рядѣ мѣсяцевъ. Но сперва мнѣ пришлось пережить непріятность въ Москвѣ. Такъ: однажды является Брюсовъ ко мнѣ на квартиру; предлогъ — дѣловой; но я чувствую: Брюсовъ таитъ что-то; онъ со мной сухъ, въ высшей степени непріятенъ; по окончаніи дѣловыхъ разговоровъ, вдругъ онъ переноситъ слова свои на Мережковскаго, котораго принимается онъ поносить; нападеніе такъ неожиданно, что на него не сумѣлъ я отвѣтить съ достаточной силой; не сразу нашелся; а онъ, отругавши Д. С., подалъ руку (пресуху); оставшись одинъ и опомнившись, я пришелъ въ бѣшенство; и написалъ оскорбителю очень-очень рѣшительное письмо; въ немъ увѣдомлялъ я В. Я., что словамъ его о Д. С. не могу придавать я значенія; извѣстно: В. Я. есть отпѣтый болтунъ.

На другой же день получаю отвѣтъ съ обращеньемъ на «Милостивый государь»; «милостивый государь» увѣдомляется: послѣ печатныхъ его заявленій о Брюсовѣ, Брюсовъ не можетъ перенести такой от-

зывъ о немъ; письмо оканчивается официальнымъ вызовомъ на дуэль, съ указаніемъ куда слѣдуетъ обратиться, и кто секунданты.

Къ дуелямъ въ тѣ дни относился серьезно я; я полагалъ, что пока у насъ нѣтъ силы вынести оскорбленіе по христіански, вся аппеляція къ христіанству, есть фальшь; и дуэль, мной въ глубинахъ отвергнутая, есть печальная форма для разрѣшенья конфликтовъ; но я относился къ дуэли серьезно лишь въ томъ только случаѣ, если нѣтъ больше средствъ разрѣшить столкновенье людей, пересѣкшихъ другъ другу пути. Между тѣмъ: очевидно, что Брюсовъ искусственно подстроилъ дуэль, что причины къ дуэли межъ нами и не было; Мережковскій — предлогъ, чтобъ взорвать меня; дуэль — провокація Брюсова; для провокаціи этой имѣлъ онъ причины; о нихъ ничего не скажу; у меня же причинъ вѣскихъ не было принимать этотъ вызовъ. Все то изложилъ я въ письмѣ; и просилъ В. Я. Брюсова взвѣсить факты; коль онъ будетъ твердо настаивать на дуэли, то я, буду вынужденъ, но именно — вынужденъ на нее согласиться.

Тутъ я обратился къ друзьямъ Л. Л. Кобылинскому и С. М. Соловьеву, прося ихъ при случаѣ быть секундантами; но вмѣшались друзья; и — дуэль отмѣнилась.

В. Я. находился все время въ какомъ-то повышенномъ «истерическомъ» состояніи; и отъ дуэли переходилъ къ его обступающимъ образамъ смерти, самоубійства; въ стихотвореніяхъ «В ѣ н - к а» отразились душевныя состоянія Брюсова, какъ напримѣръ въ «Ахиллесъ у алтаря»; все хотѣлось ему просіявъ, умереть; онъ кидался изъ крайности къ крайности и ко мнѣ относился неровно; черезъ двѣ-три недѣли по вызовѣ на дуэль, мы съ нимъ встрѣтились около типографіи Воронова (близъ Манежа);

изъ шубы его торчалъ толстый свертокъ закатанныхъ гранокъ; склонивъ на бокъ голову, онъ даже съ нѣжностью заворковалъ что-то мнѣ; разговоръ перешель на одно изъ написанныхъ стихотвореній о смерти; вдругъ Брюсовъ воскликнулъ:

— «Да, да: хорошо умереть въ ранней молодости, Борисъ Николаевичъ. Не правда ли? Умерли бы вы теперь, пока молоды, а то — напишете вы уйму книгъ; и — испишетесь къ старости. Отчего бы не умереть вамъ теперь?»

Помню, я — возразилъ:

— «Да не хочу я, В. Я., умирать; еще годика черезъ два, когда будетъ мнѣ 26 лѣтъ, — ну, тогда мы посмотримъ».

В. Я. же отвѣтилъ съ улыбкою:

— «Ну, — поживите еще — такъ: два годика. До 26 лѣтъ? Такъ? Не правда ли?»

Характерно, что 26 лѣтъ я едва не отправился къ предкамъ; мнѣ Брюсовъ, даря два лишь года, какъ будто заранѣе отнималъ всѣ возможности жить.

Въ это время Москва волновалась; митинговали вездѣ; по преимуществу въ богатыхъ домахъ; буржуазія была революціонно настроена; часто такія собранія протекали въ особянкѣ на Смоленскомъ бульварѣ, у М. К. Морозовой; я съ ней познакомился на одномъ изъ собраній; М. К. — оказалась большимъ человѣкомъ; она повліяла на многихъ изъ дѣятелей того времени: на А. Н. Скрябина, на Э. К. Метнера, Г. А. Рачинскаго, кн. Е. Н. Трубецкого и на группу, впоследствии собранную вокругъ книгоиздательства «Путь». Въ ней — встрѣчало рѣдчайшее сочетаніе непосредственности съ совсѣмъ исключительнымъ пониманіемъ Ницше и музыкальной культуры; она имѣла способность объединить музыкантовъ, философовъ, символистовъ,

профессоровъ, общественниковъ, религіозныхъ философовъ; насъ, символистовъ, влекло къ ней ея пониманіе зорь 901—902 годовъ; она зори видѣла: воспринимала конкретно; профессора, музыканты, общественники находили въ ней нѣчто свое, мы, московскіе символисты (позднѣй «мусажетцы») въ ней видѣли «нашу»; она понимала поэзію Вл. Соловьева и Блока большою душою своею; весна того года окрашена мнѣ возникающей дружбой съ Морозовой, у которой я часто бывалъ и съ которой часами бесѣдовалъ; да, она понимала стихійно тончайшіе ритмы интимнѣйшихъ человѣческихъ отношеній; но съ присущей ей свѣтскостью, подъ которой таилась застѣнчивость, она не всегда открывалась во внѣ; очень многіе къ ней относились небрежно; и видѣли въ ней «мещанатку», а удивительнаго человѣка — просматривали.

Я ей обязанъ въ жизни безконечно многимъ.

Въ маѣ пріѣхали Мережковскіе; у М. К. Морозовой мы съ К. А. Бальмонтъ устроили лекцію Мережковского въ пользу какихъ-то организацій (часть средствъ шла на дѣятельность возникшаго христіанскаго братства борьбы); говорили: Свѣнцицкій, Рачинскій, С. А. Соколовъ и еще кто-то, и я; отвѣчалъ — Мережковскій. Рачинскій, торжественно закрывая собраніе, грянулъ:

— «Святися, святися, Іерусалиме!»

М. К. послѣ много смѣялась.

Я, только что написавшій статью «Апокалипсисъ русской поэзіи», мнѣ навѣянную общеніемъ съ Блоками и съ С. М. Соловьевымъ, загнулъ что-то круто мистическое на собраніи у Морозовой; этого не могъ вынести бывшій на вечерѣ князь С. П. Трубецкой, юмористически сказавшій кому-то:

— «Не понялъ ни слова я въ воѣ Бореньки Бугаева..»

Мое лѣвое соловьевство, настоящее на символизмъ, воспринималось патронами московской идеологіи «роемъ»; у «воюющаго» — оказались друзья; и въ салонѣ Морозовой Метнеръ, Рачинскій, хозяйка салона отстаивали устремленія Блока и Бѣлаго передъ Лопатинымъ, профессорами Хвостовымъ и Трубецкими. Покойный С. Н. Трубецкой оставался до смерти непримиримымъ; а съ другими (съ Лопатинымъ, съ В. М. Хвостовымъ) встрѣчались дружески мы; мнѣ впоследствии кн. Е. Н. Трубецкой признавался: онъ долго не понималъ, какъ поэта меня; и наконецъ таки — понялъ.

Мы каждую среду встрѣчались у Астрова; на собраніяхъ оказывалось все больше народу; образовалось въ тѣ дни христіанское братство борьбы, подъ руководствомъ Свѣнцицкаго; пріѣзжавшіе въ то время въ Москву А. С. Волжскій съ Булгаковымъ совершенно подпали подъ обаянне Свѣнцицкаго; помню: зашедшій ко мнѣ А. С. Волжскій, шагая растерянно и сутуло по комнатѣ, встряхивалъ пышной копною волосъ и посматривалъ на меня дѣтски-добрыми, голубыми глазами:

— «Что-жъ, — можетъ быть, и они низведутъ огонь съ неба?»

«Они» — В. Ф. Эрнъ и Свѣнцицкій. Сформировывалось и Московское Религіозно-Философское Общество; уставъ еще не былъ написанъ; но уже происходили собранія въ Зачатьевскомъ переулкѣ; на этихъ собраніяхъ бывало порой до двухсотъ человѣкъ; тутъ сидѣли священники, социалисты-революціонеры, сектанты, эстеты, марксисты, студенты, доценты и нищанцы; я помню, какъ въ жаркій денекъ, когда всюду въ садахъ раскрывались бѣлыя гроздья сирени, я ѣхалъ въ

Зачатьевскій переулкъ; и — думаль: четыре лишь года назадъ, въ это время какъ разъ я писалъ о собраніяхъ «мистиковъ» въ первой, въ «Московской Симфоніи»; тамъ описывалось, какъ сѣтъ мистиковъ покрывала Москву, и какъ мистики собирались въ Зачатьевскомъ переулкѣ; но не было «сѣти» еще въ эти дни; а теперъ — «сѣть» возникла; въ Зачатьевскомъ переулкѣ (?) дѣйствительно «собирались»; и помнится: я подивился «Симфоніи»; и казалось: я самъ теперъ, ѣдущій въ первый Зачатьевскій переулкъ, поѣхаль по собственнымъ строкамъ, какъ бы мнѣ оформившимъ линію устремленій моихъ.

Сѣти мистиковъ покрывали Москву; на углахъ попадались порой прокламаціи съ чернымъ крестомъ; то студенты изъ «христіанскаго братства борьбы» по ночамъ ихъ наклеивали на углахъ переулковъ; Свѣнцицкій въ то время считаль спеціалистомъ себя, но — особаго рода: онъ ставиль вопросы священникамъ, посѣщавшимъ собранія; бѣдный священникъ, не чужь ловушки, стараяся быть радикальнымъ, ему отвѣчалъ, а Свѣнцицкій отвѣтъ превращаль вновь въ вопросъ, на который священнику было трудно отвѣтить; на третьемъ, четвертомъ вопросѣ священникъ срывался; Свѣнцицкій же восклицаль патетически:

— «Вотъ отецъ (имя рекъ) отрекается отъ Іисуса Христа!»

Іезуитскій вопросъ, на которомъ священникъ срывался, вращался вокругъ самодержавія и православія; В. Н. Свѣнцицкій умѣль прижимать простоватыхъ священниковъ къ стѣнкѣ и вырывать у нихъ вынужденные отвѣты, послѣ которыхъ онъ заявляль укоризненно:

— «Вы отреклись отъ Христа!»

Помню: это продѣлалъ съ Востоковымъ онъ; приемы Свѣнцицкаго отвращали меня отъ него; мнѣ казалось, что «братство борьбы» есть духовная тиранія Свѣнцицкаго надъ людьми; возмущенный такими поведками кандидата въ «великомученики», я однажды пришелъ къ нему и къ В. Ф. Эрну, чтобы высказать:

— «Вы — Симонъ волхвъ!»

А Свѣнцицкій въ отвѣтъ — разрыдался; и новымъ «пріемомъ» обезоружилъ меня; я не разъ наблюдалъ его: онъ дѣйствовалъ на души, но лишь «нахрапомъ»: и то вырывалъ отреченіе отъ Христа, то — рыдалъ; онъ былъ боленъ тяжелою формою «истеріи»; и я это видѣлъ, и Блокъ это видѣлъ; не видѣли: Эрнъ, Шерръ, Булгаковъ, Рачинскій и многія религіозныя почитательницы Свѣнцицкаго.

И я, и С. М. Соловьевъ отстранились отъ «братства»; С. М. Соловьевъ повезъ меня въ маѣ къ себѣ, въ Дѣдово; мы проживали съ нимъ въ маленькомъ домѣ покойныхъ родителей С. М., а обѣдать ходили мы къ бабушкѣ С. М., А. Г. Коваленской; просиживали вечерами въ селѣ Надовражинѣ, у Любимовыхъ; и поднимались разговоры — о Брюсовѣ и о Блокахъ; С. М. юмористически инсценировалъ нашу «секту»; и намъ доставалось за это:

— «Вотъ, вотъ, погодите...»

— «Васъ черти за это...»

Стояли туманные, тихіе дни; лили дожди; атмосферой романтики окружало насъ Дѣдово; и готовились зацвѣтать «колокольчики» Владиміра Соловьева (изъ Пустыньки); мнѣ говаривалъ С. М.:

— «Посмотри: что-то есть «оссіановское» въ этомъ лѣтѣ...»

Говаривали о Фингалѣ, читали Жуковского; я рассказывалъ о моемъ пребываніи въ Петербургѣ у Блоковъ; мы собирались въ Шахматово. Въ это время въ С. М. Соловьевѣ проснулись филологическіе интересы; и цѣлыми днями онъ разбиралъ конъюнктуры; а я сочинялъ «Дитя Солнце», поэму свою (мною утерянную въ послѣдствіи). Здѣсь же писалъ я «Химеры», въ «Вѣсы».

Фигурировала необъятныхъ размѣровъ крылатка покойнаго Владиміра Соловьева, которой владѣтелемъ оказался С. М.; вечерами (то я, то С. М.) надѣвали «крылатку» (и въ ней утопали), чтобъ шествовать по дождямъ, по росистымъ лугамъ, вспоминая поэзію Оссіана, Жуковского.

Это хожденье въ крылаткѣ Владиміра Соловьева казалось: хожденіемъ въ соловьевскихъ завѣтахъ; «крылатка» куда-то исчезла потомъ; можетъ быть, пожаръ домика, гдѣ мы жили, ее уничтожилъ.

И болѣе въ Дѣдовѣ нѣтъ колокольчиковъ Пустыньки.

С Т Р А Д А

Іюль сталъ душить насъ; мы выѣхали въ грозовой, угрожающій тучами день, отправляясь въ Шахматово; нагоняла тяжелая туча; гнала насъ раскатами грома; межъ Крюковымъ и Подсолнечной отгремѣла гроза; прошелъ ливень: С. М. Соловьевъ возбужденно посмѣивался:

— «Да — вотъ, — да: «старый богъ» разгремѣлся завѣтомъ Синая!»

Приѣхали къ Блокамъ, покрытые грязью (дороги размыло); но небо очистилось.

Память рисуетъ мнѣ много подробностей перваго пребыванія въ Шахматовѣ; а отъ втораго свиданья втроемъ — очень мало осталось конкретныхъ воспоминаній; какая-то драма безъ словъ заслоняетъ подробности жизни тяжелой недѣли.

Не знаю, — въ чемъ суть: по приѣздѣ мы сразу же ощутили, что что-то случилось; мы встрѣтились недоумѣнно; недоговоренность какая-то ужъ стояла; со странной натяжкой мы ощущали себя по отношенью другъ къ другу; А. А. былъ другой; и Л. Д. измѣнилась. Казалось мнѣ: и А. А. и Л. Д. насъ не встрѣтили съ прежнимъ радушіемъ; было ли то только дѣйствіе дней — грозovýchъ, испаряющихъ влагу; мы всѣ задыхались атмосферою грозъ; ежедневно гремѣло; и бѣгали по небу тучи; но про себя понимали мы: атмосферическое давленіе — рамка иного, душевнаго; всѣхъ насъ давило: давило присутствіе вмѣстѣ.

Я постараюсь, какъ ни трудно мнѣ это, характеризовать настроеніе cadaго; характеристика — субъективна, конечно.

Начну я съ себя: по приѣздѣ съ С. М. къ А. А. Блоку замѣтилъ я вскорѣ-же нѣчто, меня огорчившее; именно: я замѣтилъ, съ недоумѣніемъ, — мнѣ очень трудно «в т р о е м ѣ», «в ч е т в е р о м ѣ»; прежде—трудностей не было; прежде С. М. былъ цементомъ, связующимъ и А. А., и меня; такъ было въ Москвѣ; и — такъ было въ Шахматовѣ; теперь — измѣнилось все это; я сталъ замѣчать: «т р о й к и», которая возникала естественно, — нѣтъ; то былъ порознь съ А. А.; то — былъ порознь съ С. М.; вмѣстѣ было намъ неуютно, натянуто — не выходили сидѣнья вмѣстѣ; весь стиль моего отношенія къ Блокамъ (къ А. А., и къ Л. Д., къ Александрѣ Андреевнѣ) перемѣнился разительно; былъ какъ-бы принятъ въ семью (младшимъ братомъ), гдѣ

я отдыхалъ отъ вопросовъ, просиживая въ Казармахъ; теологическіе вопросы межъ нами безъ всякаго уговора совѣмъ отступили куда-то; произошло это, думаю я, оттого, что А. А., какъ и я, отошелъ отъ скорѣйшаго разрѣшенія «с о л о в ь е в с к и х ь» вопросовъ; проблемами Теократіи не занимались; и отдавались только душевности, безъ «д у х о в н ы х ь в о п р о с о в ь»; я не былъ встающимъ на цыпочки, какимъ видѣлъ меня А. А. нѣкогда, вопрошая:

— «Кто онъ? И не пьетъ, и не ѣстъ».

Я сталъ «ѣ ст ь» и сталъ «п и т ь»: сталъ вполне человѣкомъ, — не человѣкомъ отъ Теократіи, занимающимъ «п о с т ь» въ образованномъ нами «в с е л е н с к о м ь с о б о р ь»; да и не было для меня въ Петербургѣ «с о б о р а», а было простое, житейское; и стихи мои этого времени — «П е п е л ь»; бродягу полей полюбилъ во мнѣ Блокъ; а житейски во мнѣ любилъ «Б о р ю»; мнѣ кажется, Александра Андреевна права была, мнѣ сказавъ въ Петербургѣ:

— «Какъ вамъ быть безъ насъ?»

Этимъ, вѣрно, хотѣла сказать она, что я вросъ въ ихъ семью; не могла бы сказать то же самое о С. М.Соловьевѣ; въ семью онъ не вросъ; не нуждался— быть «п р и н я т ы м ь»; въ Блокахъ онъ видѣлъ участниковъ нѣкой творимой легенды, — навязывая бессознательно имъ отвлеченныя думы свои; это все тяготило А. А., далеко отошедшаго отъ завѣтовъ «Lаран'а» (стихотворенья «Н е ч а я н н о й Р а д о с т и» существовали уже); я — былъ ближе: смѣшенія личнаго паѳоса съ религіозно-общественнымъ во мнѣ не было вовсе; С. М. же особенно смѣшивалъ «н а с ь» и «д а л е к і я ц ѣ л и» свои, не желая понять строкъ А. А.:

Ты въ поля отошла безъ возврата...

А. А. былъ въ безвозвратности; С. М. каждымъ жестомъ своимъ возвращалъ, поворачивалъ на былое, не замѣчая, что все измѣнилось. А. А. съ нетерпѣньемъ (я былъ терпѣливъ) отталкивался отъ «теократіи», навязываемой С. М. Соловьевымъ; я видѣлъ протесты А. А. противъ темъ разговоровъ С. М.; и я видѣлъ: С. М. — этихъ жестовъ не хочетъ понять.

Межъ тѣмъ: съ С. М. связывался я тѣснѣй и тѣснѣй (въ планѣ жизни); сроднились мы съ нимъ; вѣдь недаромъ я жилъ это лѣто съ С. М., переѣхавши въ гостепріимное Дѣдово вмѣсто того, чтобы ѣхать въ имѣніе наше; передъ С. М. виноватымъ себя я почувствовалъ; я не сумѣлъ посвятить его въ стиль отношеній моихъ съ А. А. въ бытность мою въ Петербургѣ; увидѣвши жесты протеста А. А. противъ стиля С. М., защищалъ я С. М... Исчезалъ, исчезалъ нашъ жаргонъ («б л о к о б ѣ л о в с к і й - с о л о в ѣ в с к і й»); и появились жаргоны: то—«б ѣ л о в с к о - с о л о в ѣ в с к і й»; то—б л о к о - б ѣ л о в с к і й»; было мучительно: было—фальшиво: сидѣть межъ двухъ стульевъ; колесница общенія въ «главномъ» — завязла, общенье втроемъ распалось; образовались — «пары». А. А. отводилъ меня въ сторону и мы начинали бесѣду вдвоемъ, и С. М. отводилъ меня въ сторону: мы начинали бесѣду вдвоемъ.

Такъ я чувствовалъ встрѣчу.

С. М. Соловьевъ переживалъ, вѣроятно, ту встрѣчу иначе; за годъ измѣнился и онъ; въ немъ филологъ окрѣпъ; и выросло въ сознаньи его все значенье поэзіи Брюсова и стремленіе къ чеканкѣ переживаній; поэзія Блока казалась ему «романтической невнятицею»; А. А. ставилъ онъ ниже, чѣмъ Брюсова; и себя пережилъ онъ поэтомъ; А. А. отрицалъ въ немъ поэта:

— «Поэзія не для Сережи...»

И это-же повторяла за нимъ Александра Андреевна.

Вмѣсто прежнихъ интимныхъ бесѣдъ поднимались литературные разговоры; А. А. намъ читалъ цикль стиховъ изъ «Нечаянной Радости»; а въ С. М. поднимался протестъ; и А. А. и особенно Александру Андреевну протестъ обижалъ; обижало отчетливое отрицанье «невнятицы»; противопологались чеканные образы Брюсова; С. М. мнѣ сталъ жаловаться на авгурскій, нѣсколько, тонъ поэтическихъ замѣчаній А. А., и — поднималъ свой протестъ противъ темнаго смысла иныхъ замѣчаній:

— «Чреговѣщаніе, невнятица».

И С. М. принимался отчетливо выгораживать Брюсова, не принимавшагося въ этомъ домѣ за мэтра; его огорчало и то, что стихи, имъ написанные, отвергаются «Б л о к а м и» за филологію и за «у ч е н о с т ь».

Въ С. М. того времени происходилъ переломъ: филологическія изысканія уводили отъ темы Владиміра Соловьева; особенно онъ налегалъ на исторію «теократіи», требуя отъ А. А. строгой вѣрности «религіознымъ завѣтамъ»; когда выдыхаются импульсы религіознаго творчества, то выдвигается «д о л г ь»; такъ: С. М., налегая на «д о л г ь», на «о б я з а н н о с т ь» поднимать «с о л о в ь е в с т в о», — испытывалъ самъ оскудѣніе соловьевскихъ порывовъ; и Александра Андреевна отмѣтила оскудѣніе Владиміра Соловьева въ С. М., попадая въ давно наболѣвшую рану, которую юный филологъ въ себѣ не замѣтилъ еще; относился съ большимъ нетерпѣніемъ онъ, даже съ гнѣвомъ, къ «п о д г л я д ы в а н і ю», — тѣмъ болѣе, что Александра Андреевна несправедливо судила объ оскудѣніи этомъ; противорѣчіе межъ филологомъ и проповѣдникомъ религіозныхъ завѣтовъ, — она объясняла побѣдой въ С. М. «д о с т о е в щ и н ы» (что не было

вѣрно); такъ: требованія отъ А. А. неотступныхъ хожденій предъ зорями и относила она (какъ страдала она непростительнымъ химеризмомъ порою!) къ сухимъ, «карамазовскимъ» разсужденіямъ на «соловьевскія» темы; предъ нею вставала химера въ С. М.: ей привидѣлся Карамазовъ Иванъ.

Ей привидилось такъ-же, что съ кровью О. М. Соловьевой С. М. въ себя впитывалъ кровь Коваленскихъ; межъ ними и родомъ Бекетовыхъ существовала глухая борьба; вѣдь А. Г. Коваленская поэтому же не принимала поэзіи Блока; поэтому-же Александрѣ Андреевнѣ въ С. М. вдругъ привидѣлся «Коваленскій». И это — внушала А. А. она: и А. А. говорилъ:

— «Нѣтъ, Сережа — не Соловьевъ...»

— «Онъ скорѣй — «Коваленскій»...»

Въ терминологіи Блоковъ «не Соловьевъ — Коваленскій» — укоръ: я боролся съ напраслиной; эти протесты переходили въ нападки на Александру Андреевну, порой очень рѣзкія, но она мнѣ прощала; и все-же я чувствовалъ, что трехлѣтній союзъ нашъ трещить по всѣмъ швамъ.

И С. М. это чувствовалъ: чувствовалъ, что его побужденія призывать А. А. къ долгу, къ отвѣтственности — воспринимаются, какъ «химера»; отъ этого мучился онъ; помню: днями просиживалъ онъ у себя наверху, согнувъ спину надъ греческимъ «текстомъ»; упорной научной работой хотѣлъ заглушить въ себѣ боль; и сидѣніе это опять вызывало «подглядыванія» Александры Андреевны; «научность» вмѣнялась въ вину:

— «Это все проявленія — черствости, методичности: все «Коваленскій».

С. М. же съ своей стороны говорилъ:

— «Посмотри — Саша просто лѣнтяй...»

— «Ничего онъ не дѣлаетъ...»

— «Я не могу, право, больше участвовать въ атмосферѣ невнятицы, чревоущательныхъ разговоровъ...»

— «У «Б л о к о в ъ» — бездѣлье...»

Я видѣлъ: онъ правъ и неправъ; видѣлъ то-же, что правъ и не правъ А. А. Видѣлъ, а — высказать мысли моей имъ обоимъ не могъ.

Л. Д., «строгая наша сестра», или — «око» межъ нами — переживала какую-то думу; замѣтилъ я въ ней того времени — обостренное психологическое любопытство. Какая-то въ ней просыпалась пытливость; она изучала насъ всѣхъ: въ нашихъ сходствахъ и въ нашихъ различіяхъ; даже: она провоцировала, чтобы въ каждомъ изъ насъ выявлялось раздѣльное между нами.

А. А. — вошелъ въ полосу мрака; и намѣчалась какая-то скрытая рознь между нимъ и Л. Д. Уже не было молодой прежней «п а р ы»; присоединялись семейныя трудности; у Л. Д. все отчетливѣй нарастало какое-то отчужденіе отъ Александры Андреевны; семейныя тренія углубляли въ А. А. разувѣренье въ себѣ. Въ это время не могъ онъ писать; Александра Андреевна мнѣ разъ на прогулкѣ сказала:

— «А знаете, почему Саша — мрачный; онъ ходитъ одинъ по лѣсамъ; онъ сидитъ тамъ часами на кочкахъ... Порой ему кажется, что разучился писать онъ стихи; это его мучаетъ».

Помню: онъ разъ намъ прочелъ свою серію новыхъ стиховъ, передъ этимъ написанныхъ или отдѣланныхъ, какъ «побывала старушка у Троицы», «какъ колдунъ укачалъ молодую весну», прочиталъ про «лягушечью лапу».

Меня озадачили болотный, ненастный пейзажъ этихъ новыхъ стиховъ; озадачило четверостишіе:

И сидимъ мы, дурачки,
Немочь, нежить водъ:
Зеленѣютъ колпачки —
Задомъ напередъ...

И подумалось: четверостишіе соотвѣтствуетъ стихотворенію «Аргонавты»; «мы» тамъ — тѣ-же все; въ 1903 году обращается къ «намъ» со словами надежды онъ:

Молча свяжемъ вмѣстѣ руки,
Отлетимъ въ лазурь.

Въ 1905 году — устанавливаетъ: рукъ — не связали; не отлетѣли въ лазурь; корабли не пришли; насъ не взяли; и мы — одурачены, на сырыхъ и болотныхъ кочкахъ; мы — «немочь», игрушки стихій. Очень часто сидѣнія вмѣстѣ за чайнымъ столомъ напоминали А. А., вѣроятно, сидѣнія одураченныхъ «мистиковъ». Подозрѣвая А. А. въ этихъ мысляхъ о насъ, я сердился; стихи возмущали меня; возмущеніе я не высказывалъ вслухъ.

Что въ А. А. затаилось давно, что онъ высказалъ разъ на лугу, отчего проступило мнѣ въ небѣ лазурномъ вдругъ черное небо, — свершилось. Собранія наши за чайнымъ столомъ въ это лѣто происходили подъ черной небесною бездною; цвѣтъ душъ — почернѣлъ; не пытался А. А. заговаривать зубы. С. М. Соловьевъ относилъ черный цвѣтъ атмосферы душевной къ паденію Блока, а я — я раздваивался.

Да, ироніей для А. А. прозвучали бесѣды на темы «L a p a n», два-три раза С. М. покусился на эти бесѣды; произошло нѣчто странное: вздрогнувъ, Л. Д. поблѣднѣла, ушла: такъ обидѣлась на бесѣды, звучація явной

насмѣшкою; и попросили С. М. не касаться «L a p a n»; онъ былъ изгнанъ; и для С. М. это значило: изгнаны темы, связавшія насъ: и С. М. — разобидѣлся; съ этого времени вмѣсто дружескихъ тихихъ совмѣстныхъ сидѣній окрѣпъ тонъ глухой, напряженной борьбы: и межъ нами въ молчаніи свершался труднѣйшій діалогъ, который я могъ обложить-бы словами въ такомъ приблизительно смыслѣ:

С. М.: «Ты сбѣжалъ отъ высокой горы озареній: «с б ѣ ж а л ь — и з а м е р ь в ь ч а щ ѣ...»

А. А.: «Но Она отошла безъ возврата...»

С. М.: «Она — съ нами...»

А. А.: «Но Прекрасная Дама не ѣздитъ на парходѣ».

Я: «Ахъ, никто изъ насъ этого и не думалъ; но не ты ли когда-то насъ самъ провоцировалъ именно къ этого рода гротескамъ, когда утверждалъ, что Она индивидуально способна раскрыться во всемъ, что ни есть; «L a p a n» вѣдь есть, въ сущности, миѳъ о конкретнѣйшемъ идеализмѣ, котораго философское обоснованіе ты невѣрно воспринялъ».

А. А.: «Конкретизація была невозможна: и личное, слишкомъ личное, вы внесли въ наши зори; ты это созналъ; а «С е р е ж а» — ни капли: въ его иступленіи, въ фанатизмѣ его всѣ идеи о Н е й уплотнились».

Я: «Осознаемъ же наши ошибки».

А. А.: «Ахъ, легко то сказать: непоправимое — совершилось: и чаянія — не для насъ; мы — во мракѣ, въ надрывѣ; мы — «немочь».

Такой разговоръ совершался межъ нашими душами непрерывно въ тѣ дни, заостряясь въ дилемму:

С. М.: «Я заставлю насильно тебя быть слугой коллектива».

А. А.: «Уходи-ка отъ насъ съ твоимъ явнымъ насильемъ».

С. М.: «Блокъ себя изгоняетъ изъ храма Іоаннова; онъ — ренегатъ, падшій рыцарь».

Словами такими мы вслухъ не обмѣнивались; только издали, изъ молчанія фехтовались другъ съ другомъ; «и де и», которыми жили, казались Брунгильдой, похищенной темнымъ Дракономъ; хотѣлось Дракона убить.

Очень помнится мнѣ, что въ то именно время Л. Д. показала рукой картину, повѣшенную на стѣнѣ, изображавшую привязанную Брунгильду; у ногъ-же ея извивался Драконъ.

И сказала она:

— «Освободите Брунгильду!»

Я понялъ, что насъ призываетъ она на послѣдній, рѣшительный бой:

— «Что такое Драконъ?»

Онъ есть демонъ унынія, косности, разочарованной лѣни; онъ — духъ буржуазности, жизни безъ подвига; и — выходило: А. А., унывающая и угрюмо сидящая часами на кочкахъ, — причина побѣды Дракона; подробнѣйшимъ образомъ то разъяснялъ мнѣ С. М.; съ Александрой Андреевной, съ А. А., какъ съ какимъ-то «о держимыми» вель себя онъ; и насильно отчитывалъ ихъ.

А они упирались; въ задорѣ С. М. все усматривая химеру: абстрактную страстность мыслителя Карамазова, переступающаго черезъ жизни людей.

И -- пугались.

И возникали какія-то нападенія другъ на друга, угрозы другъ другу и заговоры, и засады — въ подразумеваемомъ, въ темно глухомъ, въ молчаливомъ; слова же таили мы, разговаривали литературными темами и хвалили мы «Тантала» Иванова, вышедшій только

что; литературными темами — фехтовались; С. М. — нападалъ на невнятицу. Цѣль А. А. заключалась въ другомъ: отстраниться, отрѣзаться отъ вліянья С. М., заключивши со мною союзъ (ибо я не насилывалъ поэтическую свободу А. А.); я на «миръ сепаратный» съ А. А. и съ Л. Д. не пошелъ; мнѣ казалось предательствомъ отказаться отъ друга въ томъ именно, что составляетъ основу его устремлений.

Мучительны были обѣды, сидѣнья всѣхъ вмѣстѣ:

Разъ кто-то воскликнулъ съ надрывомъ:

— «Давайте-же мы откровенно играть въ нападенья, — въ разбойниковъ».

С. М. запѣлъ:

Не бродилъ съ кистенемъ
Я въ дремучемъ лѣсу.

Водворялись: «надрывности» каторжныхъ пѣсень, усмѣшечка Гоголя и «ужимочка» Достоевскаго.

Разъ за обѣдомъ С. М. неумѣстно воскликнулъ:

— «А знаете, Люба, — въ васъ что-то отъ Грушеньки Достоевскаго».

Л. Д. съ вызовомъ усмѣхнулась, а Александра Андреевна — нахмурилась.

Разъ — я не выдержалъ: вдругъ за столомъ при всѣхъ вмѣстѣ сорвалъ съ себя крестъ, бросивъ въ траву; А. А. усмѣхнулся недоброй улыбкой.

А. А. въ это время уже былъ — не розовый; да, желтоватыя пятна лица чередовались съ тѣнями; онъ выглядѣлъ встрепаннѣмъ; съ недоумѣннымъ испугомъ, растерянно ширя глаза, съ полуоткрытымъ и жалобнымъ ртомъ, искривленнымъ улыбкой, сидѣлъ между нами, какъ будто онъ былъ посторонній, чужой, не

«хозяинъ» (держаль себя гостемъ); «хозяйствовала» Александра Андреевна.

Былыя сидѣнія послѣ чая закончились; послѣ чая С. М. уходилъ заниматься; Л. Д. — уходила; А. А. — уходилъ, безъ нея; я — бродилъ въ напряженной тревогѣ — безцѣльно по малымъ дорожкамъ тѣнистаго сада, порой опускаясь въ оврагъ; мнѣ запомнились лишь отдѣльные разговоры съ С. М., съ Александрой Андреевной, съ А. А. (а Л. Д. избѣгала бесѣдъ). Съ Александрой Андреевною говорили мы все о «Сережѣ» и «Сашѣ»; я чувствовалъ: цѣль всѣхъ разспросовъ ея — доказать, что «Сережа» не правъ въ обвиненіи «Саша», что обвинитель опять-таки — «Коваленскій», что «Саша» — все тотъ-же. С. М. защищаль, какъ умѣль я. А. А. говорилъ про «Сашу»: разочарованъ онъ въ зоряхъ; разочарованъ онъ въ насъ; и дѣйствительно: А. А. доказываль; всѣмъ будетъ трудно другъ съ другомъ; по разному подходили къ зорѣ; непониманіе еще прежде таилось межъ нами; теперь оно вскрылось: быть худу.

Открылось:

... мертвецъ

Впереди разсѣкаетъ ущелье.

А. А. былъ мнѣ знаменемъ; онъ былъ магнитомъ, по линіи притяженья къ магниту мнѣ строилось многое въ идеологической жизни; была его жизнь явнымъ символомъ мнѣ; созерцаль эту жизнь — эпохальною жизнью; не проста-же: Блокъ, безидейный поэтъ, пребываль вѣчно въ центрѣ слагавшейся умственной жизни; притягиваль идеологовъ онъ; сперва — «насъ»; притягиваль послѣ — Чулкова, Иванова: «Факелы», «Оры», «Руно», «Мусагетъ»; послѣ — «Скифы»,

«В о л ь ф и л у»; такъ фактъ его жизни воспринимался, какъ знамя, столь многими.

Фразою, жестомъ динамизироваль онъ мой внутренній міръ; и порою могло показаться: обмѣнивались незначашей фразою мы; но та фраза звучала, какъ шифръ, къ безглагольному; и за нею стояли года пережитаго вмѣстѣ; подь фразой «Б л о к а». угадываль я иногда — ненаписанный томъ. Я читаль его въ сердцѣ своемъ; и желая понять его жестъ, какъ-бы мысленно закрываль я рукою глаза, чтобы внѣшнее впечатлѣнье отъ облика «Б л о к а» не заслонило бы молніи сердечнаго вѣдѣнія, высѣкаемаго молніей «с л у ч а й н а г о» слова; говорили всегда не о томъ, что — въ словахъ, а о томъ, что — подь словомъ; прочитывая шифры другъ друга, мы достигали невѣроятнаго пониманья; когда не умѣли прочесть, между нами вставала ужасная путаница, угрожающая катастрофой.

Непониманье другъ друга въ таящемся за словами — несчастное Шахматово 1905-го года; оно было явственнымъ расхожденіемъ трехъ жизней, пришедшихъ къ рѣшенію — «в з я т ь с я з а р у к и», образовать жизнь совмѣстную, новую: отойти ото всѣхъ, все начать изъ себя; такой выводъ — самъ строился; и — оказалось: мы — разные; мы не призваны къ «н о в о м у»; для А. А. стало ясно: — не призваны мы ни къ чему; «к о л л е к т и в ь» — «Б а л а г а н ч и к ь»; участникъ несчастнаго коллектива, — Пьерро: видно, мистики — договорились до «ч е п у х и», («к о с а с м е р т и», срѣзающая культуру — «к о с а т о л ь к о д ѣ в у ш к и»); — «и с т е к а е т ь о н ъ к л ю к в е н н ы м ъ с о к о м ъ». Я «к л ю к в е н н ы й с о к ъ» не прощаль ему годы: «с к е п т и ч е с к у ю и р о н і ю» надъ собою самимъ. И какіе же были мы злые!

Я помню всѣхъ насъ за столомъ: вотъ С. М. — загорѣвшій, весь черный какой-то, поднявъ свои брови и стиснувши губы за темными и густыми усами старается ухнуть крѣпчайшую дикость, чтобъ испугать не на шутку сѣрбящую Александру Андревну, съ которой онъ борется; въ томъ, какъ онъ держитъ салфетку, пытаюсь расправить сутулыя плечи, — сосредоточенность, вызовъ; и Александра Андревна, блѣднѣетъ, бросаетъ салфетку и съ нервной улыбкой откидываетъ парадоксъ отъ себя, потрясая язвительно стриженной головою своею; и каріе глазки ея такъ и бѣгають: по салфеткамъ, по краю стола и по грудямъ сидящихъ; въ глаза не глядитъ, точно кошка, готовая защитить жизнь дитеныша:

— «Я полагаю, Сережа,», тишайте, едва ли не шопотомъ отвѣчаетъ она, «что все это — не т о и не т а к ъ ; это — «б р ю с о в щ и н а».

— «Отчего-же», грохочетъ Сережа, «я полагаю, что Брюсовъ нашъ первый поэтъ; вѣдь и Пушкинъ не испугался ни бездны, ни ужасовъ...»

— «Вотъ ужъ, выдумалъ — Пушкинъ; у Пушкина вовсе не такъ...»

Любовь Дмитриевна, въ широчайшемъ капотѣ, въ платкѣ на широкихъ плечахъ, наклоненная неприязненно въ супъ, вдругъ откидывается:

— «Всѣ стали «Б а л ь м о н т а м и»: всѣ — испанцы; хватаются звѣрски за шпаги».

А я отвѣчаю:

— «Давайте-же, — будемъ разбойниками!»

Окаменѣло, насмѣшливо въ носъ произноситъ А. А.:

— «Что-жъ, — давайте!»

Въ «д а в а й т е» же слышится вызовъ, какое-то «х а», — не безъ дерзости (а, каково?). Будто видомъ своимъ говорить онъ:

— «Молчу я, молчу, да и . . .»

Что «да и» — скрыто; и окаменѣлая, зеленовато-желтая щеки (не розовая), прорѣзанная морщина на лбу, не предвѣщающая улыбки; а между тѣмъ — усмѣхается онъ, будто дразнится:

— «Вотъ вѣдь вамъ всѣмъ: захочу — все напорчу, разрушу, нарушу: не трогайте лучше меня».

Я — раздвоенный, даже разстроенный (межъ А. А., Л. Д. и С. М.), вынужденно защищаю упорные выпады С. М. Соловьева; но упираюсь въ суроваго, непреклоннаго Блока, съ которымъ таинственно соприкасаюсь еще. Не понимаетъ никто ничего. И «подкиваетъ» лишь невнятицѣ съ края стола заморгавшая Марья Андреевна; «Вироль», глухонѣмой молодой человѣкъ, чуя что-то, чего онъ не можетъ понять, озирается; эти сидѣнья за мертвымъ столомъ въ электричествомъ блестящемъ вечерѣ, напоминали мнѣ сцены изъ Меттерлинка.

Свершалася драма души: погибала — огромная «синяя птица»; Прекрасная Дама — перерождалася въ Коломбину, а рыцари — въ «мистиковъ»; розоватая атмосфера оказывалась: тончайшею бумагой, которую кто-то проткнулъ; за бумагою открывалось ничто.

Это все показалъ «Балаганчикъ», написанный черезъ полгода. Да, вотъ — нашель слово я: что меня возмущало? То именно, что горѣнья недавняго Блока, которыя образовали союзъ съ нимъ, теперь отражались въ немъ «Балаганчикомъ». «Балаганчика» — не было правда еще, но «Балаганчикъ» мы чуяли (онъ — писался въ душѣ):

— «Не «Балаганчикъ» — нѣтъ, нѣтъ: если есть «Балаганчикъ», то — «Балаганчикъ» въ тебѣ лишь!»

Особенно помнится жуткій, грозою насыщенный вечеръ, въ которомъ заложена мина, взорвавшая навсегда дружбу «Б л о к о в ъ» съ С. М. Въ этотъ вечеръ я долженъ былъ «Б л о к а м ъ» читать мою рукопись «Д и т я - с о л н ц е» (поэму). С. М., уже слышавшій эту поэму, сидѣлъ наверху, у себя; мы его увидѣли: безъ шапки, безъ верхней одежды сосредоточенно прошагаль на террасу: послышалось гремянне сапогъ; онъ нырнулъ въ темный садъ.

Я читалъ очень долго; мы долго бесѣдовали; уже черная ночь прилипала; ужъ подали чай...

— «Гдѣ Сережа?»

— «Навѣрное сочиняетъ стихи» (онъ стихи сочиняетъ на прогулкахъ).

Мы сѣли за столъ; чай былъ отпить: одиннадцать! Гдѣ-же «С е р е ж а»? Мы вышли втроемъ на террасу; и звали въ пространство стволовъ:

— «А-а-у!»

— «А!»

— «Сереее-жа!»

Молчаніе; стало всѣмъ жутко:

— «Гдѣ онъ?»

Мы разсыпались по саду; и кричали:

— «Сережа!»

И мы вышли въ поле: кричали; луна подымалась (ущербная); желтые свѣты ложились:

— «Сережа!»

Молчаніе.

Кто-то сказалъ:

— «А въ окрестныхъ лѣсахъ-то вѣдь много болотныхъ оконецъ: туда попадешь, — да и канешь...»

— «Что-жъ, были несчастные случаи?»

— «Были».

. . . . .

— «Серее-жааа!»

Часы гдѣ-то пробили: часъ!

Помню, грустною кучкою жались другъ къ другу: Л. Д. перекуталась въ темный платокъ; я кричалъ, что есть мочи. А. А. въ рыжеватенькомъ, старенькомъ пальтецѣ (изъ него онъ давно уже выросъ), съ короткими рукавами, руками сжимая зачѣмъ-то огромнѣйшій колъ (съ нимъ пошелъ онъ въ поля,) разклокоченный, съ перепуганными глазами, безъ шапки, молчалъ передъ нами.

Часы тамъ ударили: половина второго; ударили: два.

Ужъ вернулись объѣздчики, посланные кричать по окрестностямъ (если попалъ онъ въ болото, которое медленно втягиваетъ, то онъ могъ-бы откликнуться); да, естественное объясненіе: «п о г и б ъ!»

Поднялись мы наверхъ; и — засѣли понуренно въ комнатѣ у С. М.; занимался разсвѣтъ; мнѣ запомнился зеленолицый какой-то А. А. въ своемъ рыженькомъ пальтецѣ, почему-то сидящій у стѣнки: на корточкахъ.

Вдругъ на столѣ у С. М. мы увидѣли крестъ; одна страшная мысль, точно молнія, промелькнула.

— «Нѣтъ!»

— «Думаешь — нѣтъ?» переспросилъ тутъ А. А.

— «Никогда!»

— «Ты увѣренъ?»

— «Увѣренъ!»

Въ росѣющемъ утрѣ сидѣли у дома на лавочкѣ; и — продолжали молчать; да, сомнѣнія не было: вѣроятно С. М., невзначай оказался въ «б о л о т н о м ъ о к н ѣ»; перебирали воспоминанія о дорогомъ, насъ покинувшемъ; мы любили его въ этотъ мигъ б е з к о н е ч н о й л ю б о в ѣ ю ; и слезы — наворачивались. Дѣлать нечего: надо еще подождать: часъ, другой; и потомъ разо-

слать по окрестностямъ; надо увѣдомить въ волости; надо сходить на окрестную ярмарку; и — разспросить пришлый людъ:

— «Не видали-ль, — студента, безъ шапки, сутулаго, въ черной тужуркѣ, въ большихъ сапогахъ...»

Но — какое тамъ! Нѣтъ, вѣроятно, Сережа погибъ; это думали и Александра Андреевна, и я.

Утромъ въ разныя стороны посланы были гонцы; А. А. подали лошадей; онъ бойко вскочилъ; и—помчался, я помню, куда-то галопомъ; а я побѣжалъ на окрестную ярмарку; было свѣжайшее синее утро; ни — облачка; молніей озарила надежда меня: я — найду его слѣдъ.

Я толкался на ярмаркѣ; останавливалъ — бабъ, мужиковъ, писарей и торговцевъ:

— «Послушайте!»

— «Не видали-ль — студента, безъ шапки, сутулаго, въ черной тужуркѣ, въ большихъ сапогахъ?»

— «Нѣтъ, кажись, не встрѣчался...»

Прошелъ всѣ ряды: ничего не узналъ.

Вдругъ меня окликають:

— «Послушайте, — женщина тамъ вотъ изъ Боблова: барина видѣла...»

Вытолкалась изъ толпы низкорослая, старая женщина съ видомъ прислуги:

— «Вы это про барина, — про студента, который изъ Шахматова — безъ фуражки, въ тужуркѣ?..»

— «Да, да...»

— «А они ночевали у нашихъ господъ...»

— «Вы откуда?»

— «Изъ Боблова, отъ Мендѣлѣевыхъ: какъ же, — баринъ пришелъ ночью къ намъ; чуть было не искусили собаки его...»

— «Онъ — у васъ?»

— «Какъ-же, какъ-же...»

Не слышалъ я ногъ подъ собой. Прибѣжалъ, — и кричу еще издали:

— «Сережа — нашелся!..»

И — рассказалъ всю исторію; всѣ расцвѣли; лишь нахмурилась Александра Андревна:

— «Какой эгоистъ: насъ заставилъ промучиться! Нѣтъ, — не прощу его... Могъ бы прислать верхового...»

А. А. усмѣхнулся — загадочно, чуть-чуть насмѣшливо (мнѣ не понравилась эта усмѣшка); Л. Д. улыбнулась — лукаво. А къ вечеру лѣсъ огласился веселыми бубенцами; и подѣхала тройка; изъ тройки къ намъ выскочилъ бойкій, веселый Сережа, — безъ шапки.

Но — тутъ произошло невѣроятное что-то. Я Александру Андреевну никогда не видалъ въ такой злости; произошла невѣроятная сцена; стояли мы, помнит-ся, вчетверомъ на лугу: Александра Андреевна, задыхаясь, едва-ли не шопотомъ спрашивала С. М.:

— «Что-жъ, — по твоему «т а к ъ» поступилъ ты?»

С. М., вдругъ нахмурилась, отвѣтилъ:

— «Да, я поступилъ такъ, какъ долженъ былъ».

— «А ты подумалъ, что я съ моимъ сердцемъ, могла умереть?»

— «Долгъ — первое...»

— «Какой-же тутъ долгъ: убѣжать, никому ничего не сказавъ...»

— «Это — личный мой долгъ...»

— «Такъ для личнаго долга ты можешь переступить черезъ жизнь человѣка?»

— «Могу!»

Александра Андреевна перекривилась отъ гнѣва; и передъ нею и ставшимъ кремневымъ С. М. произошелъ разговоръ очень четкій; я — словъ не припомню; но помню, что этого разговора С. М. не простилъ Алек-

сандрѣ Андреевнѣ, какъ не простила ему и она твердаго заявленія, что для личнаго долга онъ можетъ переступить черезъ жизнь человѣка.

С. М. впослѣдствіи объяснялъ, что спустился съ террасы онъ въ садъ машинально, прошелъ тихо въ лѣсъ; и увидѣлъ — зарю; и звѣзду надъ зарею; вдругъ понялъ онъ, что для спасенія «зорь», намъ свѣтившихъ года, долженъ онъ совершить нѣкій жестъ символическій, что отъ этого жеста зависить вся будущность наша; вѣдь ощутилъ-же потребность у Ибсена Боркманъ — взять палку и выйти бороться съ его обступившею жизнью; С. М. вдругъ почувствовалъ: если сейчасъ не пойдетъ напрямикъ онъ чрезъ лѣсъ, чрезъ болота (все прямо, все прямо)—къ зарѣ, за звѣздой, то что-то, огромное, въ будущемъ рухнетъ; и онъ — зашагалъ, не вернулся за шапкой: все — шель, шель и шель, пока ночь не застигла въ лѣсу; такъ онъ вышелъ изъ лѣса, прошелъ черезъ поле; и кануль — въ лѣса; возвратиться-же вспять онъ не могъ; тутъ онъ вспомнилъ, что выбрался къ Боблову. Въ Бобловѣ — встрѣтилъ пріють; и успокоенный въ томъ, что спасъ будущность нашу, не думалъ о насъ; актъ любви его къ намъ въ этомъ дикомъ, безумномъ почти, уходе за блистающей, нашей звѣздой, въ Александрѣ Андреевнѣ естественно преломился химерою; поняла въ этомъ жестѣ одно лишь она:

— «Ахъ, какой эгоистъ!..»

Я былъ искренне возмущенъ: Александра Андреевна, А. А., — какъ не поняли героической лирики С. М. Соловьева? Какъ могли опрокинуть ее, исказить? Мнѣ казалось, что лучшій мой другъ оклеветанъ; почувствовалъ я, что мы всѣ — сумасшедшіе здѣсь; неразбериха межъ нами и пребываніе дальнѣйшее въ Шахматовѣ просто актъ безобразія.

Я признался С. М.:

— «Больше нѣтъ, не могу: я — усталъ; уѣзжаю...»

С. М. мнѣ отвѣтилъ:

— «Тебя понимаю прекрасно!»

— «А ты? Уѣзжай-ка со мною...»

С. М. посмотрѣлъ на меня исподлобья; и — сухо отрѣзалъ:

— «Ну нѣтъ: я — останусь...»

Я понялъ, что въ томъ «ну останусь» С. М. затаилъ неугасимую оскорбленность, которую быстрымъ отъѣздомъ онъ не хотѣлъ Блокамъ выдать.

Я вышелъ въ темнѣющій садъ; и увидѣлъ А. А., я сказалъ ему:

— «Саша, я не могу; я — поѣду...»

— «Нельзя-ли съ утра лошадей мнѣ?»

А. А. посмотрѣлъ на меня очень вѣско и грустно:

— «Ну что-жь?»

— «Поѣзжай...»

— «Понимаю тебя...»

Въ этомъ тихомъ и знающемъ «п о н и м а ю т е б я» было сказано:

— «Прошлое — безъ возврата. Не знаю, какъ въ будущемъ встрѣтимся; знаю, не встрѣтимся больше по прежнему».

Я — понималъ: межъ С. М. и А. А. образовалася роковая преграда, которую воспринималъ я «душевною драмой»; я понялъ еще, что С. М. остается, чтобъ точки на «і» были твердо поставлены:

— «Знай, что отнынѣ — враги мы!»

Впослѣдствіи мнѣ С. М. рассказалъ, что когда я уѣхалъ, два дня еще оставался онъ съ Блоками; ничего не сказали другъ другу они; съ остервенѣніемъ (неестественнымъ) просражались за картами; и С. М. распѣвалъ все:

— «Три карты, три карты, три карты...»

Въ А. А. преломились нелѣпые, сумасшедшіе дни пребывания нашего въ Шахматовѣ и трехдневнымъ сраженіемъ въ карты съ С. М. Соловьевымъ строками стихотворенья, написаннаго въ эти дни; или вскорѣ же послѣ:

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглѣе іюльскаго дня,
Бормочетъ, монетой звеня,
Слова слаще звуковъ Моцарта.¹⁾

Кругомъ — возрастающій крикъ,
Свистки и нечистыя рѣчи,
И ярмарки гулу — далече
Въ поляхъ отвѣчаетъ двойникъ.

Въ словахъ и «ярмарки гулу — далече въ поляхъ отвѣчаетъ двойникъ», мнѣ бросается, можетъ быть, безсознательная ассоціація съ только что бывшимъ; на «ярмаркѣ», бывшей въ сосѣднемъ селѣ, отыскались слѣды пропадавшаго С. М. Соловьева; при чемъ-то «двойникъ» туть (чей — А. А. или — С. М. Соловьева?). Стихотвореніе живописуетъ судьбу: «Потѣха! Рокочетъ труба, кривляются бѣлыя рожи, и видитъ на флагъ прохожій огромную надпись: «Судьба...» Въ стихотвореньѣ, написанномъ вскорѣ, я помню, наткнулся на строчки, казавшіеся мнѣ обидными; стихотвореніе живописуетъ флюгарку; встрѣчаются строки тамъ: «Флагъ бесполезный опущенъ. Только флюгарка на крышѣ сладко поетъ о грядущемъ»... Далѣе:

¹⁾ Изъ баллады Томскаго „Однажды въ Версали“, которую всегда распѣвалъ С. М. Соловьевъ: „Слова, слаще звуковъ Моцарта: О карты, о карты, о карты!“

«Бѣдный пѣтухъ очарованъ, въ синюю
глубь опрокинутъ...» И еще далѣе: «Пой,
пѣтушекъ оловянный!..» Въ этихъ строкахъ
мнѣ кажется изображенъ паѳосъ мой — отъ отчаянья:
паѳосъ, старающійся непоправимую бездну межъ нами,
— перекричать вѣрой въ «зори», которыхъ не видѣлъ
ужъ я; я обидѣлся на тѣ строки, къ себѣ отнеся ихъ.

Такъ, здѣсь, въ эти дни, былъ заложенъ фунда-
ментъ для будущей бѣшенно-дикой «вѣсовской»
полемики: безъ С. М., безъ меня и безъ Элліса, эта
полемика не могла бы такъ долго продлиться; демон-
стративно приподняли Брюсова мы, отвѣчая на яв-
ный «поклепъ» (такъ казалось въ послѣдствіи
намъ) «Балаганчика»; демонстративно А. А.
подчеркнулъ свою близость съ Чулковымъ; вмѣшался
Ивановъ; образовался расколъ между «Орами», «Фа-
келами» и «Вѣсами», — расколъ, долго длив-
шійся; первую трещиной въ этомъ расколѣ считаю
я страдные дни, проведенные въ Шахматовѣ. Вечеромъ
я поднялся къ себѣ, зажегъ свѣчку; и — вижу: лету-
чая мышъ бьется въ стѣны; гоню — все не выгоню;
долго боролся съ летучею мышью, съ кусочкомъ отъ
тьмы, обступающей насъ; тьма уже ворвалась въ кругъ
свѣта, который былъ — розовымъ абажуромъ, бумаж-
нымъ; его разорвали: и ночь ворвалась:

— «Плохой знакъ!»

Съ тѣмъ и легъ.

Утромъ подали мнѣ лошадей. Мы спѣшили про-
ститься; я что-то сказалъ на прощаніе; Блокъ, опу-
стивъ низко голову, слушалъ; Л. Д. незамѣтно платоч-
комъ смахнула слезинку.

Первое извѣстіе, прочитанное—бѣгство Потемкина
(броненосца) въ Румынію. Казалось: непоправимое —
совершилось; не знаю, зачѣмъ я проѣхалъ въ Москву;

я не знаю зачѣмъ очутился въ имѣніи Поляковыхъ, гдѣ жилъ мой пріятель, художникъ Владиміровъ; послѣ доѣхалъ до станціи «С н ѣ г и р и» (Павелецкой дороги); оттуда вернулся лишь въ «Д ѣ д о в о».

— «Боря, что съ вами?», — спросила А. Г. Коваленская.

— «Да ничего...»

— «Разскажите, какъ Блоки...»

Но я отмолчался; А. Г., затрясаясь надъ столомъ блѣднымъ носомъ и зажевавши губами, вонзила въ меня свои острые глазки; она поняла, что тяжелое что-то случилось; и — смолкла; и — не спрашивала.

На другой уже день, на закатѣ (закатъ былъ—багровый) вернулся С. М., проигравъ два дня въ карты: его не узналъ: показался онъ мнѣ опаленнымъ, худымъ.

Очень странно: — мы въ Д ѣ д о в ѣ прожили съ мѣсяць еще, но молчали о Блокахъ; перемѣнился весь темпъ разговоровъ; о «з о р я х ѣ» — не вспоминали; Жуковского — не читали; но — упивались мы Гоголемъ: «Страшною местью» и «Віемъ»; то именно, чего Блокъ не любилъ, чего прежде боялись; казалось: весь дѣдовскій воздухъ напитанъ былъ Гоголемъ.

Зори подъ августъ вставали — ласкавшія зори; разъ былъ леопардовый свѣтъ на закатѣ; пошелъ на него; и — запутался въ травахъ; хотѣлось мнѣ руки ему простирать: звать зарю.

Слышу — голосъ; повертываюсь: изъ кустовъ среди травъ — поднимается сутуловато С. М.; и кричитъ очень строго:

— «Ты — что?»

— «Ничего».

И С. М., посмотрѣвъ на зарю, повернулъ отъ зари меня; и — отрѣзалъ:

— «Пойдемъ: все — безуміе».

Понялъ: С. М.; замолчавшій со мною — за мною слѣдилъ очень чутко: все видѣлъ, все зналъ.

Такъ «з а р я» для С. М. стала символомъ одержанія: «п а н н о ч к о й» «В і я»; обозначался въ немъ и во мнѣ — переломъ: отъ «р о м а н т и к и», отъ Владимира Соловьева, — къ надрывности Гоголя, къ Грушенькѣ, къ темамъ народничества, къ революціи, къ пѣснямъ, хватавшимъ за сердце, которыя расплывали «п о п о в н ы» въ селѣ Надовражинѣ:

Догорай, моя лучина:

Догорю съ тобою я...

Поднимали сырые туманы села Надовражина карикатуры на ложную сладость душевныхъ радѣній: «С е р е б р я н ы й Г о л у б ь»; и не Она снилась въ зоряхъ; чрезъ годъ мнѣ С. М. Соловьевъ, созерцая закатъ (золотой, въ пятнахъ тучъ) прошепталъ:

— «А закатъ — леопардъ: «э т о» выражу рядомъ рассказовъ; а книгу рассказовъ я такъ назову: «З о л о т о й Л е о п а р д ь» . . .

И заглавіе «З о л о т о й Л е о п а р д ь» — заговорило во мнѣ, развивая мнѣ образы; образы крѣпли позднѣе «С е р е б р я н ы м ь Г о л у б е м ь».

А. А., въ свою очередь, измѣнился: ужъ написана была «Н е в и д и м к а»; и зрѣла «Н о ч н а я Ф і а л к а»; отъ розовыхъ зорь въ голубѣющемъ небѣ онъ шель въ тѣ лилово-зеленые тоны осеннихъ закатовъ, горящихъ средь сѣрыхъ тумановъ — надъ ржавымъ болотомъ, которые вырвали крикъ:

О, исторгни ржавую душу...

Со святыми меня упокой.

Скоро онъ написалъ:

... Ибо что-же пріятнѣй
Чѣмъ утрата лучшихъ друзей.

Въ письмахъ Блока ко мнѣ проступала отчетливо нота: что-жъ дѣлать, что было, — того не вернешь.

Въ скоромъ времени онъ прислалъ рядъ стиховъ (я не помню кому, — мнѣ-ли, С. М.?). но я помню: С. М. въ письмѣ къ «Б л о к а м ъ» разнесъ всѣ стихи; и А. А. «н е п р і я т н о» отвѣтилъ; отвѣтилъ на этотъ отвѣтъ очень дерзко. И получилъ отъ Л. Д. двѣ-три строчки, увѣдомляющія меня, что затѣянная между нею и мной переписка оборвана. Въ свою очередь я отвѣтилъ: отнынѣ я прерываю сношенія съ ней и съ А. А., такъ что мы — незнакомы.

НОЧНАЯ ФІАЛКА

То было въ Москвѣ уже.

Все кипѣло, какъ въ кратерѣ. Революція захватила; «А р г о н а в т ы» сносились съ социаль-демократами черезъ Эллиса; Эллисъ забылъ, что онъ сталъ символомъ; притаскивалъ онъ нелегальныхъ; и заставлялъ: читать Маркса. Въ Университетѣ шелъ митингъ; и предлагались платформы для выраженія отношенія студентовъ къ событіямъ; двѣ платформы — гласили: одна — превратить Университетъ въ революціонную трибуну: для агитаціи; закрыть его; а другая гласила: оставить занятія, для часовъ, освобожденныхъ отъ митинговъ.

Помню: на астровскихъ средахъ являлись растерянно къ намъ и общественники; появлялся порой Челно-

ковъ (былъ позднѣй городской голова онъ); но позиція Астровыхъ намъ казалась правой; я, Эллисъ, Петровскій, — склонялся къ меньшевикамъ; Соловьевъ — былъ эсъ-эромъ; Сизовъ и Н. П. Кисилевъ — анархистами; вращался въ то время Семеновъ межъ нами; проѣздомъ застрялъ онъ въ Москвѣ; онъ бывалъ у меня и на астровскихъ средахъ; онъ ему нравились (я отходилъ ужъ отъ Астрова); на похоронахъ Трубецкого онъ бурно расталкивалъ толпы, устраивалъ цѣпь; были вмѣстѣ мы.

Но расклеили прокламаціи Трепова. Она такъ задѣла меня; я стремительно бросился къ Астрову — требовать: бойкотъ офицерамъ; но — встрѣтилъ: рѣшительное несочувствіе; это меня отдалило отъ астровскаго кружка; я, Петровскій и, кажется, М. И. Сизовъ очутились въ Университетѣ, чтобъ съ кафедры провозгласить офицерамъ бойкотъ. Но — до бойкота ли? Провозглашалась Россія республикой; и — указывалось: быть на площади намъ, передъ Думой. Съ А. С. Петровскимъ рѣшили: пойдемъ!

И я былъ передъ Думою; вмѣсто толпъ я увидѣлъ лишь жалкую кучку: десятка два-три: то — студенты, курсистки; конями плясалъ эскадронъ добродушныхъ сумцовъ; я прождалъ: надоѣло; пошелъ по Тверской я — къ кофейнѣ Филиппова; тамъ посидѣлъ минутъ десять; и — сталъ возвращаться на площадь; но — выстрѣлы, крики; отъ площади вижу — бѣгутъ, заворачиваютъ въ переулокъ; не помню, какъ я очутился на стоптанномъ университетскомъ дворѣ; и — заваливали ворота; то было начало университетской осады; казаки отрѣзали революціонеровъ-студентовъ отъ внѣшняго міра; мнѣ дали особое порученіе: выйти въ Москву собирать провіантъ; и мнѣ помнится: я леталъ по знакомымъ; и собиралъ, гдѣ могъ деньги; я возвращался къ Универси-

тету; изъ переулковъ выглядывали казаки; въ университетскихъ воротахъ оставили узкую щель для прохода; входиль: Боже мой, — что за видъ!

На дворѣ, среди слякоти, ярко пылали костры; у костровъ раскаляли желѣзные прутья разобранной университетской рѣшетки; увидѣль Петровскаго, раскалявшаго на кострѣ тяжелѣйшую трость; а на крышѣ Университета стояли студенты съ сосудами кислоты: обливать; въ лабораторіи фабриковались бомбы.

Я выскользнулъ черезъ щель и отправился къ Астрову, чтобы встрѣтиться съ Эллисомъ: мы должны были ѣхать въ какой-то салонъ къ фабриканту Дукату; всеобщая забастовка уже разразилась; и — пробирались во тьмѣ, черезъ рельсы; насъ окликали: мы крикнули: — «Это свои!»

Почему такъ рѣшили? И — почему намъ повѣрили? Я — не знаю.

Такъ очутился у фабриканта Дуката; въ салонѣ пустомъ; не состоялась лекція; и никто не пріѣхалъ; поѣхали къ Университету, обратно.

Не вспоминаю я: забастовку, провозглашеніе манифеста; и — проводы Баумана.

Поднимался чудовищный терроръ; на улицахъ нападали; въ унынїи вспомнилось, что поссорился съ Блоками, что разорвалъ — навсегда; безконечная грусть охватила меня; я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Писать, — остановилася почта.

Въ тѣ дни я присутствовалъ на концертѣ д'Альгеймъ; мы въ гостиницѣ (кажется въ «Дрезденѣ») сошлись у артистки; здѣсь я познакомился съ Асей Тургеневой и съ Наташей Тургеневой; помню, — онѣ мнѣ понравились; съ Асей — соединилъ меня жизненный путь; это было позднѣе уже.

Все забывъ, не умѣя дожидаться конца забастовки, попалъ въ Петербургъ.

Остановился на Невскомъ я, въ мебелированныхъ комнатахъ; и написалъ я письмо Блоку; писалъ: расхождение межъ нами, — невнятица; ее слѣдуетъ прояснить не письмомъ, а свиданіемъ; если расходимся, пусть же рѣшеніе разойтись будетъ нами естественно рѣшено; если то, что случилось — случайность, тогда ликвидируемъ ссору; назначалъ свиданіе А. А. и съ Л. Д. въ ресторанѣ у Палкина; въ этотъ день я расхаживалъ нервно по номеру комнаты; я сознавалъ, что письмо, прерывающее общеніе, — рѣзкость и вспыльчивость, подымающаяся внезапно во мнѣ; вѣдь не даромъ писали когда-то въ газетахъ, что я, «Андрей Бѣлый», весь въ скандалахъ всегда «посѣдѣлый».

Съ волненіемъ вечеромъ я сидѣлъ въ большомъ залѣ у Палкина — среди переполненныхъ столиковъ; помню, ст эстрады запѣли кровавые неаполитанцы; вдругъ: издали замѣчаю А. А. и Л. Д., пробирающихся по залу; при взглядѣ на нихъ понялъ, что между нами вернулось все прежнее, милое, доброе; четко запомнилась мнѣ: очень стройная фигура студента съ высоко закинутой головой и съ открытыми передъ собою глазами, — бредущая тихо межъ столиковъ; и — отыскивающая глазами меня; впереди шла — Л. Д., похудѣвшая, въ черномъ платьѣ, какую-то нервной походкой, съ опущенной головою. А. А. увидалъ меня, ласково улыбнулся — улыбкой, которую я не видѣлъ въ свой послѣдній пріѣздъ къ нему: любящей, братской улыбкою; и такую-жъ улыбкою расцвѣла мнѣ навстрѣчу Л. Д.; въ тѣхъ улыбкахъ, мнѣ брошенныхъ, въ ресторанѣ у Палкина подъ протяжное пѣніе неаполитанцевъ, — свершилось рѣшительное объясненіе межъ нами; улыбки сказали, что — объясненія нѣтъ; фактъ пріѣзда, письмо, — объясненіе.

Такъ мы сидѣли; и мы — пили чай; мы растерянно улыбались другъ другу, сконфуженные, какъ... дѣти, которымъ — «д о с т а л о с ь»; А. А. насъ оглядывалъ съ видомъ, который хотѣлъ объяснить:

— «Поиграли въ разбойники: будетъ — довольно!»

И становилось — уютно, смѣшно; въ А. А. вспыхнулъ былой юмористъ: прекомически въ жестахъ припоминалъ онъ, какъ мы превратились въ «и с п а н ц е в ь», бросающихъ вызовы; и казалось: гроза — пронеслась.

Атмосфера расчистилась; въ долгихъ общеньяхъ съ А. А. и съ Л. Д. было что-то отъ атмосферы, отъ насъ независимой, необъяснимой реальными фактами біографіи; вдругъ становилось всѣмъ радостно и свѣтло, — такъ свѣтло, что хотѣлось, сорвавшись съ мѣста, запѣть, завертѣться, хлопнуть въ ладоши; а то начинало темнѣть, — безъ причины; темнѣло, темнѣло, — темнѣли и мы подъ тяжелыми, душными тучами; тучами неожиданно обложило насъ Шахматово въ 905 году; наоборотъ: тучъ почти не видали мы въ ноябрѣ-декабрѣ въ Петербургѣ. Я помню, что разъ, возвратившись отъ Блоковъ, у Мережковскихъ отъ безпричинной меня охватившей вдругъ радости я устроилъ сплошной кавардакъ, взявши за руки Т. Н. Гиппиусъ и вертясь съ ней по комнатамъ; бросивъ ее, завертѣлся одинъ я, какъ «*derviche tournant*» въ кабинетѣ Д. С. Мережковского; тутъ съ разлету я опрокинулъ блистающій, прибранный столикъ, сломавъ ему ножку; какъ разъ позвонили: и — неожиданно появившись въ дверяхъ, Мережковскій засталъ меня, совершающимъ преступленіе (ломку столика); и — ясное дѣло: поступокъ такой объяснился «*р а д ѣ н і е м ъ*», — невеселою молодостью и не желаніемъ подурачиться: теоретическія обоснованія тотчасъ-же были подстроены для объясненія ша-

лости; оказалось: это — слѣдствіе сидѣнья у Блоковъ: то слѣдствіе «завиваемой пустоты» (такъ я стала «завивателемъ»).

И, выпучивая глаза на меня, не безъ испуга, Д. С. обращался ко мнѣ съ увѣщательнымъ словомъ:

— «Да бросьте-же, Боря, — безуміе!»

Помню, — обидѣлся: «Б ѣ л о м у» заповѣдано веселиться и быть безвопроснымъ?

Впослѣдствіи, углубляясь въ особенность міра поэта, я понималъ, что кромѣ явныхъ естественныхъ объясненій измѣнности настроеній межъ нами, необъяснимое что-то осталось: въ А. А. было что-то, что—дѣйствовало; настроеніемъ онъ меня заражалъ; онъ носилъ атмосферу: то—т у , а то—э т у ; то—розово-золотую, а то—фіолетово-сѣрую; самъ онъ любилъ выражать настроенья цвѣтами; съ капризностью онъ подбиралъ цвѣта буквъ для отдѣльныхъ томовъ сочиненій своихъ; онъ подробнѣйше мнѣ объяснялъ, что заглавная буква къ стихамъ о П р е к р а с н о й Д а м ѣ должна быть карминнаго цвѣта, такихъ-то оттѣнковъ; а томъ второй можетъ только окраситься ярко-зеленой заглавною буквою; третій томъ есть—томъ с и н і й , такого-то только оттѣнка; и с и н і й оттѣнокъ тотъ — страшный; въ ц в ѣ т а х ѣ изживалъ онъ стихію переживаній своихъ, опознавалъ онъ стихіи цвѣтами; все болѣе, болѣе отдавался стихіямъ; они начинали овладѣвать; и А. А. становился подъ дѣйствіемъ ихъ перемѣннѣе, нетерпѣливѣе: послѣ грустнаго факта: она — «о т о ш л а б е з ѣ в о з в р а т а»; во внѣшнемъ же онъ оставался по прежнему: и корректнымъ, и вѣжливымъ, поражая отчетливымъ построеніемъ эпиграмматическихъ фразъ, произнося свое «ч т о б ы» безъ повышенія голоса, точно придушеннаго, деревяннаго и глотающаго окончанія, отдающія въ «Н», въ «М» и въ «І»; въ разговорѣ не дви-

гался онъ, не образуя одеждою складокъ; сидѣлъ очень прямо, почти не касаяся кресла; лишь изрѣдка наклонялась его голова; и — протягивалась рука съ портсигаромъ; когда передъ нимъ собесѣдникъ вставалъ, то — А. А. вставалъ то же; выслушивалъ стоя, открывши глаза — голубые свои фонари — въ разговоръ; та же выправка, статность и выраженье «хорошаго тона» лежали на немъ. Но подъ формой держать себя чувствовалось измѣненіе: чувствовались — неувѣренность, боль и порою капризность (какъ въ Шахматовѣ въ 905 году); «атмосфера небесности» отъ случайнаго жеста могла занавѣситься сѣро-лиловымъ туманомъ, возставшимъ отъ «Блока»; въ застѣнчивое движеніе большой головы, растерявшейся голубыми глазами, — отчетливо значилось: глаза — помутнѣли; курчавая шапка густыхъ, очень мягкихъ волосъ не казалась курчавой, какъ прежде; рыжѣвшій отливъ — пропадалъ; и казался: не пепельно-рыжеватымъ, а — пепельнымъ; появились морщинки у глазъ, уходящихъ въ мѣшки подъ глазами; прорѣзалась явственнѣй поперечная складка на лбу; и отчетливѣй, чувственнѣй губы пылали; и сила стихійности, — не таясь, разливалась мощнѣй — переменною атмосферою: не розово-золотою, а сѣро-лилово-зеленою; гдѣ — была лучезарность? Перегорали остатки духовныхъ загаровъ; и — поблѣднѣло лицо; и движеніе одно подчеркнулось, усилилось: сидѣть молча съ зажженной папирой; и — вдругъ: не безъ вызова, не безъ удали рисовать лицомъ линію ввѣрхъ, выпуская изъ губъ надъ собою струю дымовую; въ одномъ этомъ жестѣ мнѣ видѣлась: удалъ таимыхъ капризовъ.

Не разъ я впослѣдствіи анализировалъ воспріятія впечатлѣній отъ Блока; они рисовали отчетливо раздѣленные образы; вотъ Блокъ — уютный, домашній, меня

заставляющій выговариваться, проницающій в с е п о н и м а н і е м ъ ; вотъ—Б л о к ъ другой: кто могъ быть не-приятнѣй, капризнѣе? Безсловесная глубина въ немъ могла обернуться рисовкой невнятицы, даже «идіо-тизмъ» какого-то; говорили впоследствии мы съ Соловьевымъ о зломъ выраженьи лица у А. А.: идиотически-зломъ, не можемъ отвѣтить на ясные доводы логики; да, такой «Б л о к ъ» представлялся Ставрогинымъ; красота его самая намъ казалась — «с т а в р о г и н с к о й», и наивность — рисовкой. С. М. разъ цитировалъ строчки:

Нѣжный! У ласковой рѣчки,
Ты — голубой пастушокъ.
Бѣлые бродятъ овечки,
Круто загнуть посошекъ, —

— Онъ воскликнулъ:

— «Идиотизмъ, а не дѣтскость... А всѣ—умиляются; говорятъ «к а к ъ н а и в н о», не понимая, что эта наивность — нахальство увѣреннаго самодура, давно осознавшаго: всякую чепуху его примутъ, какъ глубину, а первичныя ассоціаціи мысли, какъ символы!»

Критикуя поклонниковъ Блока, С. М. обращался къ себѣ самому: вѣдь онъ именно относился къ А. А., какъ къ «г л а ш а т а ю»; а когда А. А. Блокъ не хотѣлъ быть «г л а ш а т а е м ъ», то С. М. упрекалъ «м і р о в о г о г л а ш а т а я» въ подстановкѣ подъ мудрость идиотизма.

Какимъ Блокъ казался непереноснымъ, обиднымъ, намѣренно унижающимъ, — въ дни разрыва съ нимъ! И — сострадательнымъ, ласковымъ въ дни сближеній; межъ тѣмъ: и вниманіе, и унижительная небрежность — не выражались никакъ: предупредительный, малослов-

ный, неторопливый; ты встанешь, — онъ встаетъ; сядишься, — опустится, молча подастъ портсигарь...

Но я — понималъ С. М. Соловьева; я самъ испытать не однажды необъяснимую оскорбительность для себя одного появленія предо мною А. А.; такъ, въ эпоху, когда не видались мы, на петербургскихъ проспектахъ, среди толкотни пѣшеходовъ увидѣлъ я шедшаго мнѣ навстрѣчу А. А.; онъ, зажавъ въ рукѣ трость, пробѣжалъ въ блѣдно-бѣломъ своемъ панаме, быстро-быстро, — прямой, деревянный, какъ палка, съ безкровнымъ лицомъ и съ надменнымъ изгибомъ своихъ оскорбительныхъ губъ; онъ не видѣлъ меня; этотъ жестъ пробѣганія съ тросточкой на петербургскомъ проспектѣ тогда показался — вѣнцомъ униженія; въ душѣ отдалось:

— «Какъ онъ смѣлъ не замѣтить?»

А бѣлая панаме, щеголеватая тросточка — были ударомъ по сердцу:

— «Что, какъ — панаме? Какъ онъ смѣетъ?»

— «Скажите пожалуйста!»

— «Это — что?»

— «Что за дерзость!»

Въ періодъ сближенія — не было мѣры въ желаніи умалиться — предъ нимъ, сдѣлать все для него, уступить ему мѣсто; а этого онъ и не требовалъ; онъ — удивлялся: и рѣзкому гнѣву, и рѣзкой восторженности:

— «Ты — смѣшной!»

Разговоръ въ ресторанѣ у Палкина — въ немъ заложены новыя вѣхи общенія нашего; эти общенія (общеніе А. А. и Л. Д. со мной и съ С. М.) напоминали сношеніе иностранныхъ державъ; перекрещивалось три направленія въ нихъ: будущаго петербургскаго символизма, сгруппированнаго вокругъ «О р ъ», съ направлениемъ московскаго символизма, котораго выразителемъ

я былъ, съ теологическимъ устремленіемъ Соловьева. У Палкина мы рѣшили: распался «вселенскій соборъ»; и С. М. не войдетъ въ наше «Мы»; предоставляя свободу общеній съ С. М., и А. А., и Л. Д. подчеркнули: они не приѣмлютъ его. Распаденіемъ «тройственнаго» союза приканчиваетъ эпоху моихъ «теургическихъ» устремленій; въ союзѣ «вдвоемъ» (А. А., я) былъ исходъ совершенно естественному художническому устремленію; никакіе философы будущаго («Лапаны», «Пампаны») уже не учили насъ жизни; то творчество жизни, которое мы утверждали, сводилось къ импровизаціи, къ новой «Comedia dell'arte»; безудержный артистизмъ подстилалъ нашу дружбу; сказали другъ другу:

— «Такъ будемъ играть; и во что бы ни выразилась игра, — ее примемъ».

Я чувствовалъ: съ разговора у Палкина, былъ естественно принятъ въ «игру»; побѣдило — довѣріе; въ сущности, вмѣсто «мистеріи преображенія міра» мечтали теперь о «мистеріи преображенія мига»; С. М. Соловьевъ для А. А. оказался тяжелъ.

То—послѣдствія узнаванія, что Она—«отошла безъ возврата»; и — стало быть: оставалось брать жизнь безъ Нея; какъ періодъ «Прекрасной Дамы» расцвѣлъ мнѣ статьями: «Лугъ Зеленый», «Оцѣлесообразности», «Священные Цвѣты», «Апокалипсисъ русской поэзіи»; такъ:этотъперіодъсказался статьями: «Пѣснь Жизни», «Искусство»; и какъ идеологомъ чаяній былъ нашъ «миотворецъ», философъ «Ларап», такъ теперь: я при помощи видоизмѣненія Риккерта и сочетанья его съ ницшеанствомъ пытался создать философію жизненныхъ цѣнностей; и развивалъ Блокамъ

мысли статей: «Фридрихъ Ницше» и «Фениксъ».

Какъ бы говорилъ себѣ: Ея — нѣтъ! Не придетъ! Что же, будемъ — героями, Зигфридами! Будемъ же высѣкать жизнетворчество; настроеніе такое складывалось въ А. А. Оно выразилось въ послѣдствіи въ строкахъ:

О, весна безъ конца и безъ края,
Безъ конца и безъ края весна;
Узнаю тебя жизнь, принимаю
И привѣтствую звономъ щита.

Всѣ «завѣты» Владиміра Соловьева тѣмъ были нарушены; въ нарушеніе завѣтовъ, быть можетъ, супруга поэта сыграла не малую роль; мы считали «хранительницей завѣтовъ» ее; устремленія къ духу музыки, къ импровизаціи, къ превращенію «неизреченнаго» въ театральнй мимическій жестъ и въ «Comedia dell'arte» въ Л. Д. перегибали «мистерію» къ сценѣ; желаніе стать артисткою сказывалось все болѣе; такъ она повлекла за собой и А. А., и меня: къ артистизму, къ импровизаціи; въ А. А. просыпалась любовь къ сценѣ; еще гимназистомъ А. А. игралъ Гамлета, а Л. Д. — изображала Офелію.

Лозунгъ, который въ то время межъ нами подчеркнуть («Такъ будемъ играть»), можетъ быть, — безсознательное тяготѣніе къ сценѣ Л. Д. и, быть можетъ, естественное созрѣваніе въ А. А. — «Балаганчика».

Въ то время Л. Д. увлекалася Вагнеромъ; часто А. А. и Л. Д. посѣщали въ тѣ дни представленья «Кольца», восхищаясь Зигфридомъ — Ершовымъ; мы слушали вмѣстѣ «Валькирію»; звуки «Валькиріи» пересѣ-

кались со звуками, извлекаемыми межъ нами; да, кто-то изъ насъ былъ Вотаномъ; и кто-то навѣрное — Зигфридомъ; явно: въ Л. Д. проявлялись отчетливо жесты Валькирии; героическая атмосфера подогрѣвалась разгаромъ революціонной горячки; героемъ казался мнѣ Савинковъ, о которомъ я зналъ, что онъ тайно живетъ въ Петроградѣ (О Савинковѣ я слышалъ отъ А. М. Ремизова и отъ З. Н. Гиппиусъ).

По примиренію съ А. А. и Л. Д. переѣхалъ опять къ Мережковскимъ; и потекла та же самая жизнь; разсужденія религіозной общественности, засѣданья съ Бердяевымъ, съ «Д и м о й», съ А. В. Карташевымъ; въ то время С. П. Ремизова-Довгелло сошлась съ Мережковскими.

Такъ же бывали у Розанова, у Сологуба, какъ въ прошломъ году; Сологубъ былъ отчетливо революціонно настроенъ; переписывались стихотворенья-памфлеты его; и одинъ мнѣ запомнился:

Стоять три фонаря для вѣшанья трехъ лицъ:
Середній — для царя, а съ краю — для царицъ...

Никогда не забуду я первую встрѣчу свою съ А. М. Ремизовымъ; онъ меня — напугалъ; возвращаюсь отъ Блоковъ, вхожу я въ гостиную Мережковскихъ, — и вижу: съ дивана привсталъ очень маленькій сутуловатый такой господинъ; и сверля изъ-подъ стеколь очковъ пронизательнымъ взглядомъ, съ усмѣшкой сказалъ онъ:

— «Я — знаю васъ!»

Сдѣлавъ изъ пальцевъ руки то, что дѣтямъ показываютъ («К о з у»), онъ, согнувшись, сталъ наступать на меня, приговаривая:

— «Вотъ — коза, коза!»

А З. Н. размѣялась:

— «Ну — вотъ познакомтесь; это вотъ—«Б о р я», а это вотъ — Алексѣй Михайловичъ».

Первое время дичился А. М.; въ его шуткахъ мнѣ чужилось страшное что-то; но скоро его полюбилъ.

Никогда не забуду, какъ онъ расшалился на розановскомъ воскресеньи; и приставалъ къ В. Иванову (только что перебравшемуся въ Петербургъ):

— «У Вячеслава Ивановича — весь носъ въ табакѣ».

Онъ совсѣмъ неожиданно подскочивши къ качалкѣ, въ которой задумчиво развалился массивный Бердяевъ, перепрокинулъ качалку; Бердяевъ же, описавши сальтомортале, стремительно очутился подъ ней.

Въ то время Бакстъ только что кончилъ портретъ З. Н. Гиппиусъ; и приходилъ къ Мережковскимъ, чтобы меня рисовать; но во время сеанса присутствовала и З. Н.; мы вели разговоры; а Бакстъ, вглядываясь въ меня и какъ разбойникъ, накидывался на ту или иную черту мою; почему то сеансы давались съ трудомъ; все казалось, что Бакстъ мнѣ ломаетъ лицо; къ окончанію сеансовъ во мнѣ развилась невралгія лица; создалось впечатлѣніе: Бакстъ — переломалъ мои челюсти; и на портретѣ отчетливо отразилось жалкое, страдающее выраженіе; въ газетахъ писали объ этомъ портретѣ, что стоитъ молъ на него посмотреть, что бы понять, какой выродокъ я; мнѣ портретъ не понравился; Бакстъ очень скоро нарисовалъ по иному меня (для редакціи «З о л о т о г о Р у н а»), заказавшаго портреты писателей; тогда были Сомовымъ зарисованы — В. Ивановъ и Блокъ).

Я дѣлилъ свое время по-прежнему: между домомъ Мурузи и Блоками; но сидѣнія вмѣстѣ носили характеръ импровизаціи; медиумизмъ атмосферы подчеркивался; но намъ было уютно; и — весело перешучива-

лись, «п о - д ѣ т с к и» играли; однажды А. А. мнѣ лукаво сказалъ, что они твердо знаютъ, кто я.

— «Кто же я?»

Тутъ Л. Д. разсмѣялась, рѣшивъ, что не скажетъ; А. А. же посмѣиваясь себѣ въ носъ, опустивши глаза, очень тихо сказалъ:

— «Не обижайся — такая игра ужъ у насъ: вѣдь мы съ Любою часто играемъ въ звѣрей...»

— «Такъ какой же я звѣрь?»

— «По хорошему, — не обижайся: ты — бѣленькій заяцъ; у насъ онъ любимый звѣрекъ...»

Иногда стилия сказочныхъ глупостей — не было; А. А. хмурился; отъ него шли туманы; мнѣ — дѣлалось душно; однажды особенно былъ онъ довѣрчивъ со мною; сидѣлъ въ столовой — за чаемъ; повелъ въ свою спальню, сказавъ, что ему нужно что-то повѣдать, отдѣльно, — безъ «Любы»; меня усадивъ на диванъ, онъ пытался мнѣ выразить, что теперь онъ пришелъ къ удивительному, очень важному внутреннему узнанью; узнанье связалось съ воспріятіемъ сильно-пахнущаго фіалкою темно-лиловаго цвѣта:

— «Ты, знаешь, онъ — пахнетъ такъ душно: лиловый такой и ночной...»

Съ этимъ цвѣтомъ онъ связывалъ новую эру узнаній своихъ; въ ту эпоху сложилъ я теорію воспріятія цвѣта¹⁾; А. А. понималъ, что въ теоріи выражалъ я свои воспріятія мистической жизни; опредѣлить человѣка, событіе въ ц в ѣ т ѣ , а ц в ѣ т ѣ — въ свѣтѣ этой теоріи означало: произвести опытъ въ духѣ; мистическій опытъ сложилъ: въ отношенія другъ къ другу цвѣтовъ; и А. А., наклоня лицо надо мною съ волненіемъ все пытался сказать, какъ онъ много узналъ отъ вживанія въ ѣдко-пахучій фіалковый, темно-лиловый от-

---

¹⁾ Смотри статью: „Священные цвѣта“.

тѣнокъ; от тѣнокъ его какъ-то странно увель отъ прошедшаго; и открылся ему такой темный, лиловый и новый, огромнѣйшій міръ. Что такое ф і о л е т о в ы й цвѣтъ? И — А. А. посмотрѣлъ на меня испытующе.

Я же смутился.

Вѣдь въ опытѣ о цвѣтахъ у меня доминировали три цвѣта: цвѣтъ свѣта, иль—бѣлый; цвѣтъ бездны за-свѣтной, сквозящій сквозь свѣтъ, — цвѣтъ л а з у р - н ы й ; и — п у р п у р н ы й , въ свѣтѣ не данный, соединяющій линію спектра: въ кругъ спектра. Соединеніе трехъ цвѣтовъ (бѣлизна, лазурь, пурпуръ) по мнѣнію моему рисовало мистическій треугольникъ цвѣтовъ, — Ликъ Христа; проповѣдывалъ: воспріятъе Христово — трехцвѣтное; воспріятъе лазурію, пурпуромъ, бѣлизною; лазурью и пурпуромъ, бѣлизною и пурпуромъ, бѣлизной и лазурью суть искусства, секты; а т е м н о - л и л о в ы й — смѣшенъе цвѣтовъ (т. е. — пурпуръ, введенный въ лазурь, или въ бѣлый, сквозящій зацвѣтнымъ); и выходило: въ отгѣнкѣ, плѣнившемъ А. А., — величайшій соблазнъ, удаляющій отъ Лика Христова; пока А. А. тихо, взволнованно пересказывалъ мнѣ воспріятіе этого темно-лиловаго цвѣта, я чувствовалъ нехорошо себя: точно поставили въ комнату полную углей жаровню; угаръ я почувствовалъ; то угаръ Люцифера; «п а с т ь н о ч и», которая мнѣ распахнулась однажды отъ разговора съ А. А. на лугу, я увидѣлъ вторично; увидѣлъ А. А., уходящимъ въ глубокую ночь; зналъ: отвѣтить ему не могу, потому что А. А. — не повѣритъ, обидится; я отвѣтилъ:

— «Да, въ этомъ лиловомъ отгѣнкѣ — предѣлъ утонченности, но нѣтъ — Лика...»

— «Что-жъ... ничего: хорошо!»

И опять — стало душно; А. А. воспринималъ прежде черное, какъ страшное, смертное, чего онъ боялся; теперь въ эту «смертную ночь» эстетически онъ опустилъ три священные краски (лазурь, пурпуръ, бѣлость), смѣшавъ ихъ со тьмою; и это смѣшенье — темно-лиловый оттѣнокъ, фіалковый, люциферическій запахъ; такъ откровенностью со мною А. А. — былъ раздавленъ; а онъ — онъ не видѣлъ моихъ тайныхъ мыслей: испуга за Блока, ведомага въ «темнолиловую» ночь изъ слѣпительной розово-золотой атмосферы; тутъ онъ прочиталъ мнѣ «Ночную Фіалку» свою въ неотдѣланномъ видѣ; онъ выразилъ въ ней переживанье «лиловаго» цвѣта и новыхъ узнаній, соединенныхъ съ «лиловымъ»:

... небо, уставъ прикрывать
Поступки и мысли согражданъ моихъ,
Упало въ болото.

Да, именно, упаденіе «неба» въ болото, покрывшее все, — знаменовалъ этотъ темный, фіалковый цвѣтъ.

Городъ покинувъ,
Я медленно шель по уклону
Мало застроенной улицы.

Воспринималъ я уходя А. А. въ сѣти «болотъ»; все начало «Нечаянной Радости» протекаетъ въ болотахъ: «Вотъ — сидимъ съ тобой на мху посреди болотъ...», «Зачумленный сонъ воды — ржавчина волны», «Окрестности мхами завалены», «Попикъ болотный виднѣется», «Не бой-

ся пучины тряской», «Полюби эту вѣч-
ность болотъ», «Мнѣ болотная схима —
желанный покой», «въ этихъ впадинахъ
тихая дремлетъ вода», Знаю, вѣдаю...
старину озаренныхъ болотъ», «Болото
— глубокая впадина огромнаго ока
земли», «Пробѣгаетъ зеленая искра,
чтобы погаснуть въ болотѣ», «Это шу-
титъ надъ вами болото. Это манить
васъ темная сила» и. т. д.

Опустилась дорога
И не стало видно строеній,
На болотѣ, отъ кочки до кочки
Надъ стоячей и ржавой водой
Перекинута мостики были.
И тропинка вилась...

(Ночная Фіалка).

Куда же вилась?

И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленя сумерки...

Эти лилово-зеленя сумерки — всасыванье въ бо-
лото упавшаго неба; падение неба въ болото для Блока
казалось мнѣ ужасомъ. Какъ не воспринялъ онъ
«ужасъ»?

И не даромъ все было спокойно
И торжественной встрѣчей полно.

Встрѣчей — съ кѣмъ, или — съ чѣмъ?

Вѣдь никто не слыхалъ никогда
Отъ родителей смертныхъ,

«некрасивой дѣвушки», которая «пряжу
пряла».

И еще я навѣрное знаю,
Что когда-то ужъ видѣлъ ее,
И была она, можетъ быть, краше
И, пожалуй, стройнѣй и моложе...

Она, есть та самая, о которой, когда-то сказалъ
онъ:

Царевнѣ такъ томно, и сладко —
Царевна — Невѣста, что лампадка.

.....
Поклонись, царица, Царевнѣ,
Царевнѣ золотокудрой

Царевна теперь — постарѣла и подурнѣла:

Некрасивая дѣвушка
Съ непримѣтнымъ лицомъ...
И еще, я, навѣрное знаю,
Что когда-то ужъ видѣлъ ее.

Еще бы не видѣть!

Приходила Ты въ дальнія залы,
Величава, тиха и строга.
Я носилъ за Тобой покрывало
И смотрѣлъ на Твои жемчуга.

«Некрасивая дѣвушка» оказалась теперь не
въ дворцѣ, а въ избѣ; тамъ собрались заснувшіе короли,
засыпающіе надъ кружками; тамъ старикъ со старухой;

а «Некрасивая дѣвушка» оказывается — королевой.

Королева забытой страны,
Что зовется Ночною Фіалкой.

Забытая сторона — страна зорь; обитатели — аргонавты: ихъ звалъ онъ когда-то:

И полны завѣтной дрожью
Долгожданныхъ лѣтъ,
Мы помчимся къ бездорожью
Въ несказанный свѣтъ.

Теперь они спять — вѣчнымъ сномъ:

Кто, къ щиту прислонясь,
Увязилъ долговязую шпору
Подъ скамьей;
Кто свой шлемъ уронилъ, — и у шлема
Пробивается блѣдная травка,
Обреченная жить безъ весны...

Подъ журчаніемъ веретена или Вѣчнаго Возвращенья — заснули:

И проходятъ, быть можетъ, мгновенья,
А, быть можетъ, — столѣтья...

. . . . .
Вотъ сосѣдъ мой склонился на кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла къ скамьѣ голова.
Вотъ разсыпался мечъ, дребезжа.
Щитъ упалъ. Изъ-подъ шлема
Побѣжала веселая мышка...

Разложеніе прежней страны возникаетъ отчетливо; что случилось, какое отчаянное, невѣроятное горе стряслось? Но А. А. называетъ то горе страну ли л о в о - з е л е н ы х ъ дурмановъ — Нечаянной Радостью:

Такъ завѣтная прялка прядетъ
Сонъ живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придетъ
И пребудетъ она совершенной.
А Ночная Фіалка цвѣтетъ.

Ночная Фіалка, иль воспріятіе ли л о в а г о цвѣта—вызрѣвающій лейтъ-мотивъ того времени для А. А.; и изъ этого лейтъ-мотива рождается Ночь, имъ написанная:

Въ длинномъ, черномъ одѣяньи,
Въ сонмѣ черныхъ колесницъ,
Въ блѣдно-фосфорномъ сіяньи —
Ночь плыветъ путемъ царицъ.

Кто Ты, зельями ночными,
Опоившая меня.
Кто Ты, Женственное Имя
Въ нимбѣ краснаго огня?

Люциферъ!

Очень долго сидѣли съ А. А. на диванѣ въ ту ночь; онъ — читаль мнѣ набросанную «Н о ч н у ю Ф і а л к у», взволнованно посвящая въ свои воспріятія ли л о в а г о цвѣта; а мнѣ было душно; срывалось съ души:

Кто Ты, зельями ночными,
Опоившая меня?

Но спасти А. А. было мнѣ трудно, почти невозможно: я помнилъ, что опытъ спасенья А. А. со стороны С. М. Соловьева окончился строками той же поэмы, въ которыхъ, конечно же, отразилось все Шахматово, — разрывъ человѣческихъ отношеній:

... Онъ исчезъ за угломъ
Нахлобучивъ картузь,
И оставилъ меня одного
(Чѣмъ я былъ несказанно доволенъ,
Ибо что же пріятнѣй на свѣтѣ,
Чѣмъ утрата лучшихъ друзей).

Долго мы просидѣли вдвоемъ; послѣ тихо вернулись мы къ чаю; молчалъ: впечатлѣніе узнаннаго давило; Л. Д. съ Александрой Андреевной посматривали на насъ; онѣ знали: нельзя насъ спрашивать о разговорѣ вдвоемъ; было грустно и душно; и я поскорѣе ушелъ. А. А. такъ-таки ничего не замѣтилъ; тяжелое впечатлѣніе вызвалъ мнѣ онъ знакомствомъ съ лиловой тайной.

Въ то время я часто встрѣчалъ у А. А. молодого студентика; онъ мнѣ нравился; мы поспорили разъ за столомъ о естественныхъ принципахъ формы въ эстетикѣ; братъ Л. Д., молодой Менделѣевъ присутствовалъ, помню, при этомъ; къ студенту, кажется, Блокъ относился съ особой довѣрчивостью; и никто еще въ мірѣ не зналъ, что онъ пишетъ стихи; это былъ Городецкій; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ прогремѣлъ; А. А. первый о немъ написалъ, въ немъ отмѣтилъ талантъ очень крупный; я слышалъ все чаще отъ Блока объ Е. П. Ивановѣ, замѣчательномъ человѣкѣ по мнѣнію Блока; и Александра Андреевна присоединилась къ сыну; не помню, встрѣчалъ ли у Блоковъ его въ это время; встрѣ-

чался навѣрное у Мережковскихъ; тамъ звали Иванова «рыжакомъ»; Е. П. скоро сталъ другомъ А. А. Про него много разъ А. А. строго говаривалъ:

— «Знаешь что, — онъ совсѣмъ удивительный: сильный и съ опытомъ...»

— «Нѣтъ, онъ не то, что другіе».

— «Совсѣмъ настоящей».

Мнѣ помнится, что А. А. очень часто въ послѣдствіи въ трудныхъ минутахъ своихъ обращался къ Е. П. за совѣтомъ. Въ эпоху, когда мы почти расходились, А. А. обращался ко мнѣ:

— «Ты спроси-ка Евгенія Павловича: онъ — тебѣ скажетъ».

Или:

— «А вотъ — погоди: — вотъ придетъ Ивановъ, Евгеній Павловичъ, — разсудить, какъ надо».

Не разъ замѣчалъ я тенденцію у А. А. въ очень трудныхъ, запутанныхъ отношеніяхъ между нами подставить Е. П., какъ третейскаго между нами судью; и за это аргюги на Е. П. надувался я (несправедливо, конечно). Въ послѣдствіи я Е. П. оцѣнилъ, какъ дѣйствительно одного изъ немногихъ, кто подлинно былъ символомъ, не написавъ ничего, вмѣстѣ съ тѣмъ, — непримѣтно участвуя всюду, въ глубинныхъ истокахъ, рождающихъ внутреннее устремленіе жизни. На похоронахъ у А. А. подошелъ я къ Е. П., пожалъ ему руку; онъ плакалъ; махнулъ онъ рукою:

— «Ушелъ... Мы — остались тутъ; а для чего — догнивать?»

Дружба Блока съ Е. П. обнимаетъ года.

Видывалъ, кажется, я у Блоковъ Владиміра Алексѣевича Пяста (во всякомъ же случаѣ, — видывалъ у Мережковскаго его); очень скоро потомъ мы встрѣчались у Блоковъ не разъ; В. А. Пясть — тоже былъ А. А.

близокъ, какъ близокъ былъ, кажется, братъ Владимира Гиппіуса, написавшаго поэму въ 16-ти пѣсняхъ.

Въ то время какъ разъ начинается болѣе тѣсное соприкосновеніе А. А. съ Вячеславомъ Ивановымъ, — черезъ меня (я въ эпоху союза А. А. съ В. Ивановымъ и Чулковымъ, направленнымъ противъ московскихъ «Вѣсовъ»), очень часто досадовалъ, что впервые ихъ свелъ, вѣдь вотъ свелъ — на шею себѣ).

В. Ивановъ тогда только вѣхалъ, ознакомляясь съ петербуржцами; появлялася всюду золоторунная его голова съ очень малыми, ѣдкими, зеленоватыми глазками, съ бѣлолынной бородкой и краснымъ безбровымъ лоснящимся лбомъ; очень вѣжливо обволакивалъ онъ собесѣдника удивительнымъ пониманіемъ всякаго, необыкновенной начитанностью, которую онъ умѣлъ мягко стлать собесѣднику подъ ноги; часто казалось, что онъ заплетаетъ идейную паутину, соединяя несоединимыхъ людей и очаровывая ихъ всѣхъ; я бывалъ у Иванова; онъ тогда поселился почти надъ Таврическимъ старымъ Дворцомъ (Государственной Думой впоследствии); и квартира его располагалася въ выступѣ дома, высоко подъ крышею; этотъ выступъ прозвали впоследствии «башнею»; обстановка квартиры (старинныя итальянскія кресла и книги, ковры) располагали къ фантастикѣ; самъ В. Ивановъ съ супругою, покойной Зиновьевой - Аннибалъ представляли собою рѣдчайшее соединеніе ума, добродушія, экстравагантности; ощущалось, что скоро квартира Иванова явится умственнымъ центромъ, оспаривая домъ Мурузи и розановскія воскресенія.

Я точно не помню, когда начались тѣ собранія, которыя положили начало «Ивановскимъ Средамъ», оставившимъ слѣдъ въ литературѣ новѣйшаго времени: въ ноябрѣ-декабрѣ 1905 года, или же въ

февралѣ 1906-мѣ. Но мнѣ кажется — въ ноябрѣ-декабрѣ; я — присутствовалъ на первомъ собраніи.

Мережковскіе, помню я, не особенно то охотно смотрѣли на то, что я часто бывалъ у Иванова; З. Н. удивлялася, что мы перешли съ нимъ на «ты»; разъ въ присутствіи Вячеслава Иванова, церемонно явившагося къ Мережковскимъ, и пѣвшаго въ носъ витіеватыя фразы, съ дрожащимъ пенснэ на носу (онъ разсѣяннo споткнулся, задѣвши ногою о мягкій коверъ), — разъ въ присутствіи В. Иванова З. Н. Гиппіусъ такъ-таки брякнула мнѣ:

— Удивляюсь я, почему, Боря, вы говорите вдругъ «ты» Вячеславу Ивановичу; онъ — почтеннѣйшій человѣкъ и при томъ — старше васъ».

Это ею было сказано для того, чтобъ кольнуть В. Иванова — возрастомъ: Теоретикъ, разсѣянный нѣмецкій профессоръ, а — крутится съ декадентскою молодежью! В. И., покраснѣвши, какъ ракъ, фистулой на меня, закричалъ:

— «Я не знаю... Быть можетъ ты противъ того, чтобы мы обращались другъ къ другу на «ты»!»

Я, конечно, сконфуженный совершенной безтактностью Гиппіусъ, бросился увѣрять В. Иванова въ томъ, что мнѣ было бы больно опять перейти съ нимъ на «вы». Въ этой выходкѣ З. Н. сказывалась удивительная любовь: перессорить, гдѣ можно, людей; и — поставить въ неловкое положеніе ихъ; къ В. Иванову въ то время Д. С. и З. Н. относились съ откровеннѣйшимъ недоувѣріемъ; не оцѣнили они въ немъ крупнѣйшаго утонченнѣйшаго человѣка; и все имъ казалось, что онъ лишь продѣлываетъ карьеру идей (отъ абстрактности ихней казалось имъ это). В. И. только къ намъ въ то время порой обращалъ раздраженные выкрики; помню, онъ мнѣ говорилъ въ то время:

— «Да неужели не видишь ты, что все это — ужаснѣйшая абстракція... Мережковскій засѣлъ — въ скорлупѣ: ничего онъ не видитъ...»

В. И. въ нашихъ частыхъ бесѣдахъ на башнѣ такъ посѣялъ въ мою душу сомнѣнія въ «религіозныхъ путяхъ» Мережковского; словомъ, я чувствовалъ: «башня» съ Таврической воздвигалась твердою цитаделью, съ которой намѣревались обстрѣливать домъ на Литейномъ.

Иванову и Зиновьевой-Аннибалъ я рассказывалъ много и долго о Блокѣ, котораго знали они очень мало, которыхъ А. А. въ то время дичился (ему представлялся Ивановъ отчаяннымъ «Феретикомъ», а діонисическія тенденціи его казались соблазномъ); въ противоположность Д. С.—В. Ивановъ меня поражалъ удивительнымъ пониманіемъ моего отношенія къ Блоку и къ музѣ его, ко всему, насъ связавшему, и къ «атмосферѣ» межъ нами; то именно, что осмѣивали во мнѣ Мережковскіе—несказанность, невыразимость, молчаніе, — то Ивановъ подхватывалъ, запѣвая своимъ тонкимъ голосомъ, точно смычкомъ громкой скрипки, пѣтушьимъ смычкомъ; онъ похаживалъ предо мною, потряхивалъ бѣлолынянымъ руномъ завивающихся волосъ, оглашая пространство причудливой комнаты, треугольной какой-то:

— «Въ томъ — суть діонисическаго переживанія: то, что васъ связываетъ у Блоковъ — мистерія»...

— «Надо теплить мистеріи»...

— «Мы стоимъ предъ зачатіемъ новаго Элевзиса!».

И далѣе, переходилъ онъ къ теоріямъ о новомъ театрѣ, который уже очень скоро возникнетъ (и не на сценѣ, а въ жизни интимной, возвышенной драматичностью).

Такъ В. Ивановъ высказывалъ величайшую чуткость къ А. А. и ко мнѣ.

Я частенько въ то время передавалъ А. А. Блоку свое впечатлѣніе отъ Иванова; я утверждалъ изумительную проникновенность его; А. А. вѣрилъ съ трудомъ мнѣ: препятствовала репутація В. Иванова, — репутація не поэта, а — «*Т е о р е т и к а*»; и препятствовалъ видъ: видъ профессорскій; но Л. Д. откликалась на мысли о новомъ театрѣ мистерій, какъ разъ соответствовавшія настроенію ея — создать пробу импровизаціи и найти внѣшній жестъ къ безглагольному жесту; она увлекла А. А. въ направленіи этомъ.

Такъ я подготовилъ имъ почву для встрѣчи съ Ивановымъ; встрѣча связалась съ конкретной мыслью: создать коллективъ (полустудію, полуобщину); лишь немногіе, избранные, должны были быть по фантазіи нашей допущенными къ коллективу; не помню, кому принадлежала идея; быть можетъ Л. Д.; А. А. — отозвался; Ивановъ, которому передалъ я затѣю, развилъ ее; а изъ всего вытекало: А. А. и В. И. должны были сойтись.

Я повезъ В. Иванова къ Блокамъ впервые; и сидя въ саняхъ, созерцая фигуру В. И., чрезвычайно сутулую и закутанную въ огромную шубу, съ дрожащимъ «пенснэ» на носу, я подумалъ: А. А. и Л. Д. испугаются — «профессорствованія»; и — разговоръ — оборвется; но — онъ не сорвался: В. И. заплеталъ чудодѣйственно мягкую паутину идей; разумѣется — очаровалъ Блоковъ онъ; Л. Д., кажется, особенно подчинялась словамъ о пурпурныхъ цвѣтахъ для одеждъ въ діонисическихъ таинствахъ и о зелененькихъ «бакхахъ»; рѣшили: стараться осуществить «коллективъ»; В. Ивановъ упомянулъ о Чулковѣ, какъ о чуткой душѣ, насъ способной понять; и — включили Чулкова.

Такъ складывалась группировка людей, изъ которой возникли въ послѣдствіи «Факелы» и «Оры»; Чулковъ заговаривалъ о мистическомъ анархизмѣ, котораго выразителями первоначально считалъ онъ А. А., Вячеслава, меня; онъ — во мнѣ обманулся позднѣй: черезъ годъ я открылъ изъ «Вѣстовъ» канонаду; пока — раздавалось лишь слово «мистическій анархизмъ»; слово — нравилось.

Первое собраніе (не «коллектива», а будущихъ «средъ») состоялось, какъ кажется, въ то время (быть можетъ, — позднѣе) на башнѣ, куда я завезъ неожиданно для себя староколѣннаго человѣка, П. И. Безобразова, страдавшаго боязнью пространства и просившаго меня подниматься по лѣстницѣ вмѣстѣ. П. И. Безобразовъ, котораго выбрали предсѣдателемъ бесѣды-импровизаціи на тему «Любовь», — заложилъ первый камень фундамента «средъ»; если память не изменяетъ, на этомъ собраньи присутствовали: Мережковскій съ женою, Бердяевъ съ женою, В. Розановъ, П. Безобразовъ, Ивановъ съ женою, А. А.; кто еще — не упомню; (Г. И. Чулковъ, можетъ быть); помню я, что о любви говорили: Ивановъ, Бердяевъ, я, Л. Ю. Бердяева; говорилъ ли Д. С. Мережковскій — не помню; молчалъ В. В. Розановъ; этотъ послѣдній ко мнѣ подошелъ послѣ рѣчи моей (кажется, я говорилъ о трехъ фазахъ любви: любви къ Богу, къ Ней, къ людямъ; и называлъ эти фазы — любовью по чину одинъ, два и три); подошелъ В. В. Розановъ и спросилъ:

— «А скажите, — навѣрное не переживали того, о чемъ только что говорили».

Спросилъ его:

— «Почему вы такъ думаете?»

Онъ — настаивалъ:

— «Если бы вы пережили хоть часть изъ того, что сказали, вы были бы — геній...»

И приговаривалъ онъ, поплеывая словами:

— «Не переживали, конечно...»

— «Признайтесь?»

А. А. сидѣлъ въ дальнемъ углу, прислонивъ свою голову къ стѣнкѣ, откинувшись, очень внимательно слушая, съ полуулыбкой; когда обратились къ нему, чтобъ и онъ намъ сказалъ что-нибудь, онъ отвѣтилъ, что говорить не умѣетъ, но что охотно онъ прочитаетъ свое стихотвореніе: и прочелъ онъ «Влюбленность»; онъ былъ въ этотъ вечеръ въ ударѣ; увѣренно, громко, съ высоко закинутой головою бросалъ въ насъ строками:

Влюбленность! Ты строже Судьбы

Повелительнѣй древнихъ законовъ отцовъ!

Слаще звука военной трубы!

Я — собрался въ Москву; даже, кажется, куплень билетъ былъ; и — кажется, даже простился я съ Блоками; словомъ — уѣхалъ; какъ вдругъ — желѣзнодорожная забастовка; возстанье въ Москвѣ. Каждое мое передвиженье отъ Блоковъ — сопровождалось сюрпризомъ: убійство фонъ-Плеве, убійство великаго князя, возстаніе на броненосцѣ «Потемкинъ», возстанье въ Москвѣ.

Я былъ вынужденъ переждать; съ первыми поѣздами уѣхалъ; простились мы бодро; А. А. мнѣ сказалъ:

— «Переѣзжай-ка совсѣмъ къ намъ сюда...»

Л. Д. подтвердила:

— «Скорѣй пріѣзжайте: намъ будетъ всѣмъ весело!»

Вернувшись въ Москву я засталъ настроенные разгрома; на многихъ улицахъ не было телеграфныхъ столбовъ; повалили ихъ для баррикадъ; и потомъ — полицейскіе и солдаты сжигали ихъ; снѣгъ былъ отъ этого черный; съ восьми запрещалось ходить; но Москва мнѣ мелькнула, какъ сонъ; я готовился къ переѣзду; запомнились: начинающіяся собранья «Р у н а», первый номеръ котораго только вышелъ; запомнилась: переписка, громовая, — съ Мережковскими за статью мою «Ибсенъ и Достоевскій» и за замѣтку (не помню заглавія) — кажется, — «Отцы и дѣти русскаго символизма»¹⁾; за умаленіе Достоевскаго я удостоился львинаго «рыка» Д. С., написавшаго мнѣ собственноручно и грозно (обыкновенно З. Н. за него распиналася письмами); Д. С. мнѣ объявлялъ, что я предалъ ихъ дѣло; въ лицѣ Достоевскаго я оскорбилъ «нашу линію»; въ лицѣ «линіи» — оскорбилъ я грядущую Церковь Христову (Д. С. въ это время держалъ курсъ «сознанія» — на Достоевскаго, а черезъ нѣсколько лѣтъ — сталъ держать на «Толстого»); въ замѣткѣ «Отцы» я высказывалъ: какъ намъ ни дороги имена Мережковскаго, Розанова, мы должны откровенно сказать, что задачами ихъ не исчерпывается нашъ путь; во всемъ тонѣ замѣтки откладывалось назрѣвающее разочарованіе въ «религіозныхъ путяхъ» Мережковскихъ, которыхъ любилъ, какъ людей, но которыхъ цѣнилъ я все менѣе, какъ искателей жизни; такого дѣленія не допускали они. Д. С. тотчасъ же всталъ въ «Мережковскую» позу: «Антихристъ—Христосъ», или «съ нами», или «противъ»; «несъ нами» —

¹⁾ То и другое см. „Вѣсы“ за 1905 годъ.

«предательство»! Такъ, пошлепывая по паркету «помпонными» туфлями, онъ стремился всегда исторгать вопль раскаянья изъ груди очередного «отпавшаго» брата (о, сколько тутъ отпадали!); я зналъ: по прїѣздѣ — «достанется» мнѣ; и заранѣе былъ готовъ я склонить свою голову для полученія «нагоняя» (любилъ я Д. С.); вся замѣтка моя выражала то именно, что отложилось во мнѣ подъ вліяніемъ разговоровъ у Блоковъ, у Вячеслава Иванова.

Долженъ сказать, что А. А. никогда не склонялся къ Д. С.: былъ — уклончивъ, невнятенъ, «невнятицу» подставляя, какъ щитъ отъ соблазновъ гностической атмосферы З. Н. «съ папироской»; была тутъ рѣшимость, или — «глубинная мысль», превращенная въ твердое знаніе, — не принимать Мережковского; сказывалось упорство; всегда такъ: къ чему онъ прійдетъ — прійдетъ твердо.

— «Ну, что вы?», поблескиваетъ глазами на Блока, бывало, Д. С.; въ томъ «что вы» — не переносное превосходство, бахвальство какое-то «міровыми идеями» (а въ концѣ концовъ побирушество малыми крохами стола отъ В. Розанова, Шеллинга, Гегеля, Ницше).

А. А. это чувствуя и снисходя къ Мережковскому (разгуливающему по міру со стѣнками дома Мурузи и разставляющему — въ Парижѣ, въ Берлинѣ, въ Константинополѣ — стѣнки), конфузся (за слѣпоту Мережковского) переминается ногами бывало предъ нимъ; и — отвѣчаетъ какими-то надтреснутыми оттѣнками (не то носовыми, не то роговыми) вдругъ ставшаго неестественно твердымъ громчавшаго голоса, готоваго вотъ-вотъ сорваться; оттѣнокъ такой въ произношеніи словъ появлялся въ минуты, когда онъ задѣтъ былъ:

— «Да какъ-то... такъ себѣ, Дмитрій Сергѣевичъ».

Чувствуется: разговора не можетъ тутъ выйти; Д. С., такой маленькій, съ волосатой растительностью отъ щекъ, вдругъ ослабѣя и стоя съ ослабленнымъ ртомъ (точно хочетъ смѣяться... вотъ-вотъ: и — не можетъ), обводитъ насъ выпученными глазами своими; и — торжествуетъ, что можетъ продемонстрировать всѣмъ присутствующимъ забавнаго «з в ѣ р я»; но «з в ѣ р ь» это видитъ; и знаетъ, что будетъ оглашено — съ «р ы - к о м ъ», и что потомъ огласится для ряда людей, что впоследствии войдетъ въ томъ собранія сочиненій Д. С.; и онъ — удаляется (порою на мѣсяцы).

Мережковскіе — недовольны:

— «Блокъ вотъ — пропаль, не приходитъ, сидитъ бирюкомъ съ своимъ «г д ѣ - т о», «ч т о - т о» ... Разводитъ свою декадентщину».

Въ очень тактичномъ по отношенію къ Мережковскимъ отходѣ (другой — могъ бы срѣзать Д. С.) А. А. сказывалось упорство: не уступать Мережковскимъ; а имъ — уступали (хоть временно) всѣ: я, Бердяевъ, А. В. Карташевъ, Эрнъ, Свѣнцицкій и Волжскій, и — прочіе.

Но натыкались въ Блокѣ — на камень.

А. А. въ моей жизни сыгралъ роль руки, отводящей рѣшительно отъ Мережковского, — не убѣжденіемъ иль противленіемъ моей близости, а пониманіемъ (удивительнымъ!) склада души Д. С.; не критикуя его, А. А. Блокъ побѣждалъ.

Годы, годы вопилъ Мережковскій изъ кабинета, съ Литейной, что нужно учиться писать ему такъ, чтобы всѣ понимали что учится, учится онъ; сколько нудныхъ усилій затрачено было для популярности не-

удобоприемлемыхъ и вздыбленныхъ нарочито безкров-
нѣйшихъ схемъ; сколько слышалъ я словъ назидатель-
ныхъ, обращенныхъ къ намъ, бѣднемькимъ, косноязыч-
нымъ поэтамъ; «берите примѣръ съ меня — я учусь
быть понятнымъ» (А. А. никогда не писалъ для по н я т-
н о с т и , не задумывался надъ проблемой понятности);
а сравните теперъ статьи Блока съ томами Д. С... Кто
внятнѣе? Всѣ — поняли Блока... А Мережковскій со
всѣми усиліями обобществиться, — онъ выкинуть
обществомъ: въ трудную минуту Россіи, когда отов-
сюду изъ массъ поднимались запросы, когда надо было
(всѣмъ, всѣмъ!) помогать, отбояриваться отъ механи-
ческой мертвечины марксизма, — гдѣ былъ Мереж-
ковскій? Бѣжалъ за-границу: отъ большевиковъ ли? Не
отъ рабочихъ ли, не отъ крестьянъ ли, красноармей-
цевъ, матросовъ, протягивающихъ руки за хлѣбомъ
духовнымъ? Когда Котляревскій, Ивановъ, Бальмонтъ,
Кони, я и другіе поэты изъ «не о б щ е с т в е н н и -
к о в ѣ» являлись (на митинги, въ студіи), чтобы под-
держивать «духъ» (только «д у х о м ѣ» и жили тогда)
— гдѣ же былъ Мережковскій? Выглядывалъ онъ тру-
сливо изъ кабинета на Сергіевской, все боясь «з а м а -
р а т ь» свои чистыя руки и запятнаться предъ Бур-
цевымъ; вотъ рабочіе говорятъ: «Разъясните намъ —
правда ли, что сознание обусловлено мозгомъ?» И во
«Дворцѣ Искусствъ», въ «Академіи Ду-
ховной Культуры», въ «Вольфилѣ», въ
аудиторіи Политехническаго Музея въ Москвѣ, въ Пе-
тербургѣ являются люди; и — говорятъ: «Н ѣ т ь и
н ѣ т ь!»

Появляются среди студій: разстрѣлянный Гуми-
левъ, старикъ Кони, читающіе о русской литературѣ;
нѣтъ, больше того: передъ дѣломъ духовной куль-
туры, которая — хлѣбъ насущный Россіи теперешней

забываются политическія разногласія (ахъ, не до нихъ, когда всюду разносится вопль: «Хлѣба, хлѣба духовнаго!»)

А Мережковскій, выпучивая испуганные глаза на Парижъ (тамъ, оттуда — съ подозрнной трубой подымается Бурцевъ!), на увѣщанія «дайте же для рабочихъ хоть что-нибудь» (а рабочіе просятъ: «Не про политику намъ, а про... Гоголя бы!»), — Мережковскій испуганно прячется:

— «Знаете, я не умѣю: меня не поймутъ!»

(Понимали же, Господи, — Гумилева... матросы Балтфлота!)

Такъ сбѣжавъ отъ чудеснѣйшей аудиторіи съ расширеннымъ сердцемъ (—«Теперь аплодируетъ Бурцевъ въ Парижѣ...»), идетъ за дровами въ.. П е т р о в ѣ т ѣ , уберегая «поліелеи» изъ словъ отъ духовныхъ запросовъ кипящей Россіи для умашенія главы... провозглашеннаго Мессіей Пилсудскаго, развѣивающаго знамя вражды съ «Москалями»; а Гиппіусъ, накопившая въ трудные мѣсяцы не закаленность духовную, а — «ехиднину злость», начинаетъ оплевывать русскихъ писателей за чертою совѣтской Россіи, попавъ за черту; да, могу сказать: вотъ такъ общественность!

И невольно теперь соглашаешься съ Блокомъ, который въ тѣ годы еще въ Мережковскомъ отчетливо разглядѣлъ это все; «бѣлоручка» и «зябкій», — и все этимъ сказано: щупленькій, маленькій, лучше всего разсуждающій въ туфляхъ съ «помпонами; менѣе удачно — на диспутахъ (перепутывая всѣ мысли противниковъ — глухъ!): разсуждающій много, когда не мѣшало бы помолчать; и молчащій тихонько, когда произнесенное слово (хотя бы одно: «Несо-

стоятеленъ Марксъ») — религиозное, нужное дѣйствіе.

— «Бѣлоручка и зябкій» — такъ разъ мнѣ А. А. опредѣлилъ Мережковскаго (кажется, — на прогулкѣ): все сказано! Я сталъ присматриваться: да, бѣлоручка, — придетъ кто-нибудь:

— «Зина, ты ужъ поговори, — мнѣ же надо за-сѣсть за «Петра».

И З. Н. — «отдывается»; посѣтителъ «обдѣланъ», — тогда появляется Д. С. — съ «рыкомъ» и «гласомъ».

— «Мы — ваши; вы — наши».

Все это провидѣлъ въ нихъ Блокъ.

Въ этихъ мысляхъ о Мережковскихъ я жилъ; я готовился къ переѣзду; казалось мнѣ — мы съ А. А., съ Вячеславомъ Ивановымъ можемъ начать наше дѣло; готовить — наше дѣйствіе; мистерию человѣческихъ отношеній подъ скромной личиной: интимнаго, театральнаго дѣйствія. Любовь Дмитриевна мнѣ писала въ то время: «Скорѣй приѣзжайте: за ваше отсутствіе написалъ Саша драму; она называется — «Балаганчикъ»: хорошій онъ...»

Въ февралѣ 906 года я — тронулся въ Петербургъ.

А н д р е й Б ѣ л ы й

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Стихотворенія <i>А. Бѣлаю, М. Цвѣтаевой и В. Ходасевича</i>	7
Веретейка, <i>Алексѣя Ремизова</i>	21
Краткое жизнеописаніе Блаженнаго Нифонта, <i>Алексѣя Толстою</i>	34
Временникъ, <i>Алексѣя Ремизова 27/III — 1/VI. 1917</i>	61
Воспоминанія о <i>А. А. Блокѣ, Андрея Бѣлаю,</i> главы IV — V	105

